ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. Е. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

ЗИМНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕХОТНОГО ПОЛКА В АВГУСТОВСКИХ ЛЕСАХ

1915 год

ВОЕНИЗДАТ · МОСКВА · 1940

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. Е. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

ЗИМНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕХОТНОГО ПОЛКА В АВГУСТОВСКИХ ЛЕСАХ

1915 год

2-е дополненное издание

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва — 1940

В. Е. Белолипецкий. **Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 г.**

Автор последовательно излагает путь 108-го полка из Восточной Пруссии через Августовские леса, участие полка в попытках 20-го корпуса выйти из окружения, участие его в последнем бою корпуса с целью прорыва.

Труд предназначается для изучения начальствующим составом Красной Армии своеобразных условий зимних действий в лесистом районе и в сложной боевой обстановке.

Редактор полковник *Подорожный Н. Е.* Технический редактор *Лукашкин Г. А.*
Корректор *Рабинер Е. В.*

Сдано в производство 4.7.40 Подписано к печати 25.9.40
Формат бумаги 84×108/32 Объем 6¾ печ. л.+2 вкл.=⅝ п. л., 6,7 уч.-авт. л.
Г13903 Издат. № 519 Зак. № 2326

Отпечатано во 2-й типографии Военизидата НКО СССР им. Кл. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1.

ОТ АВТОРА

Зимняя операция в Восточной Пруссии в феврале 1915 г. представляет интерес как типичное для маневренного периода мировой войны сражение трех армий — одной русской и двух германских. Это сражение давно обратило на себя внимание русских и немецких военных писателей; ему посвящено несколько книг и статей в различных журналах.

Со стороны германцев это была наступательная операция с решительной целью уничтожения 10-й русской армии охватом обоих ее флангов. На обходный маневр германских войск русское командование ответило отходом всей армии с уклонением (загибом) наиболее угрожаемого правого фланга. Однако этот маневр, единственно возможный при отсутствии резервов за флангом, был начат после некоторых колебаний, вызванных отсутствием разведки; тем самым германцам дано было время для захвата путей отступления одного из русских корпусов, 20-го армейского, и затем его окружения.

Во время этой, чисто маневренной, операции гораздо чаще, чем в других случаях, создавалась для многих войсковых соединений очень сложная и трудная обстановка, что дает читателю богатый материал для обсуждения решений и действий отдельных начальников и составления собственных выводов и поучений. А в этом, как известно, и заключается главная польза изучения военно-исторических работ.

Поучительность этой операции в тактическом отношении заключается еще в том, что войска действовали в снежную зиму и вторая половина операции проходила в условиях обширного лесного пространства.

Случайно оказалось возможным на основе документов Центрального военно-исторического архива, записок и воспоминаний сохранившихся в живых участников проследить во время всей операции действия 108-го пехотного Саратовского полка, временами выполнявшего самостоятельные и ответственные задания.

Оперативная сторона описываемых событий достаточно полно изложена в книге А. Коленковского «Зимняя операция в Восточной

Пруссии в 1915 г.», изд. ГИЗ, 1927. В настоящей книжке она приводится в объеме, необходимом для понимания действий полка, и в тех случаях, когда получены более новые сведения, преимущественно о действиях немцев, по сравнению с имевшимися в распоряжении автора указанной книги.

Приложенные карта и схемы дают возможность читателю проследить действия полка, но для более полного изучения событий полезно иметь 2-верстную карту (1 : 84 000), ряды XIII, XIV, XV и XVI, листы 12—15.

I

Положение 108-го полка в Восточной Пруссии

(Карта и схемы 1 и 2)

108-й пехотный Саратовский полк, входивший в состав 27-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса, в мирное время стоял в м. Олита на р. Немане, в 90 *км* от германской границы, наблюдая за двумя постоянными переправами через р. Неман (железнодорожный и шоссейный мосты), для прикрытия которых еще в 80-х годах прошлого столетия было построено несколько земляных фортов временного характера. Ко времени войны 1914 г. эти форты совершенно устарели, и впереди них с началом мобилизации возводилась с помощью местных жителей обширная предмостная позиция.

Полк состоял из четырех батальонов по четыре роты в каждом, пулеметной команды в 8 станковых пулеметов Максима, команды связи с 12 станциями и около 20 *км* кабеля, команды разведчиков в 50 человек и обоза 1-го и 2-го разрядов. Штаб полка состоял из адъютанта и начальника связи; к ним можно причислить еще начальника пулеметной команды, который большей частью находился при командире полка. Начальником связи был молодой офицер, окончивший 2 курса военной академии. Он явился в полк при мобилизации, так как с началом войны академия была распущена. Это был знающий и способный офицер, он оказывал большую помощь командиру полка, и в полку его называли начальником штаба полка; впоследствии он был переведен в генеральный штаб.

Полк выступил на войну 13 августа 1914 г. прямо из своих казарм в составе 1-й армии ген. Ренненкампфа. 20 августа полк в сражении под Гумбиненом удачно отбил все атаки немцев и захватил 12 орудий, выехавших перед его фронтом на открытую позицию и расстрелянных артиллерийским и ружейным огнем. В дальнейшем походе в Вос-

точную Пруссию полк доходил до окрестностей крепости Кенигсберг, составляя бессменный авангард 27-й пехотной дивизии. Во время стремительного отступления 1-й армии, после гибели 2-й русской армии ген. Самсонова, всему 3-му корпусу, составлявшему правый фланг армии, удалось двойными переходами относительно благополучно выбраться из Восточной Пруссии, так как весь удар немцев обрушился на противоположный левый фланг армии [1].

После небольшого отдыха за р. Неман и прибытия пополнений 1-я русская армия, переименованная вскоре в 10-ю, опять перешла в наступление, и в конце октября 108-й полк вновь перешел границу Восточной Пруссии. Немцы около месяца задерживали 3-й корпус на укрепленной позиции у м. Вержболово. А когда русским удалось к 7 ноября обходом вынудить немцев покинуть ее и 3-й корпус необдуманно бросился их преследовать, он получил сильный контрудар во фланг от 1-го резервного германского корпуса. Больше всего пострадала 27-я пехотная дивизия. Только 108-му полку, бывшему в авангарде, удалось отбить все атаки немцев. Этим успехом немцы воспользовались, чтобы укрепиться и остановить весь правый фланг 10-й армии перед г. Гумбиненом, всего в 30 *км* от русской границы, в то время как левый фланг продвинулся вдвое дальше, до укрепленной линии Мазурских озер. Дальнейшие попытки русских продвинуться вперед были тщетны, и около половины ноября 1914 г. обе стороны принялись усиленно укреплять занятые позиции (схема 1).

Задача 10-й армии, составлявшей крайний правый фланг русского фронта, заключалась в прикрытии со стороны Восточной Пруссии сообщений на Петроград и Москву главных сил Северо-западного фронта, стоявших с ноября 1914 г. на левом берегу р. Вислы, западнее Варшавы и Ивангорода.

108-й полк с 19 ноября 1914 г. занимал позицию под м. Вальтеркемен на правом фланге 27-й дивизии и в течение 3 месяцев только два раза уходил в резерв на 5—10 дней для отдыха.

Фронт полка (схема 2) около 7,5 *км* тянулся неправильной линией от д. Грюнвейчен по высотам западнее д. Сур-

[1] Это отступление известно среди участников под названием «Марафонского бега из Восточной Пруссии». Немецкий полковник при отступлении в сентябре через м. Тракишки рассказывал одному из местных жителей, что у немцев был верный план взять 1-ю русскую армию в плен, но они одного не учли, что русский солдат может делать до 100 *км* в сутки. В действительности 108-му полку приходилось делать переходы до 60 *км* в 30 часов.

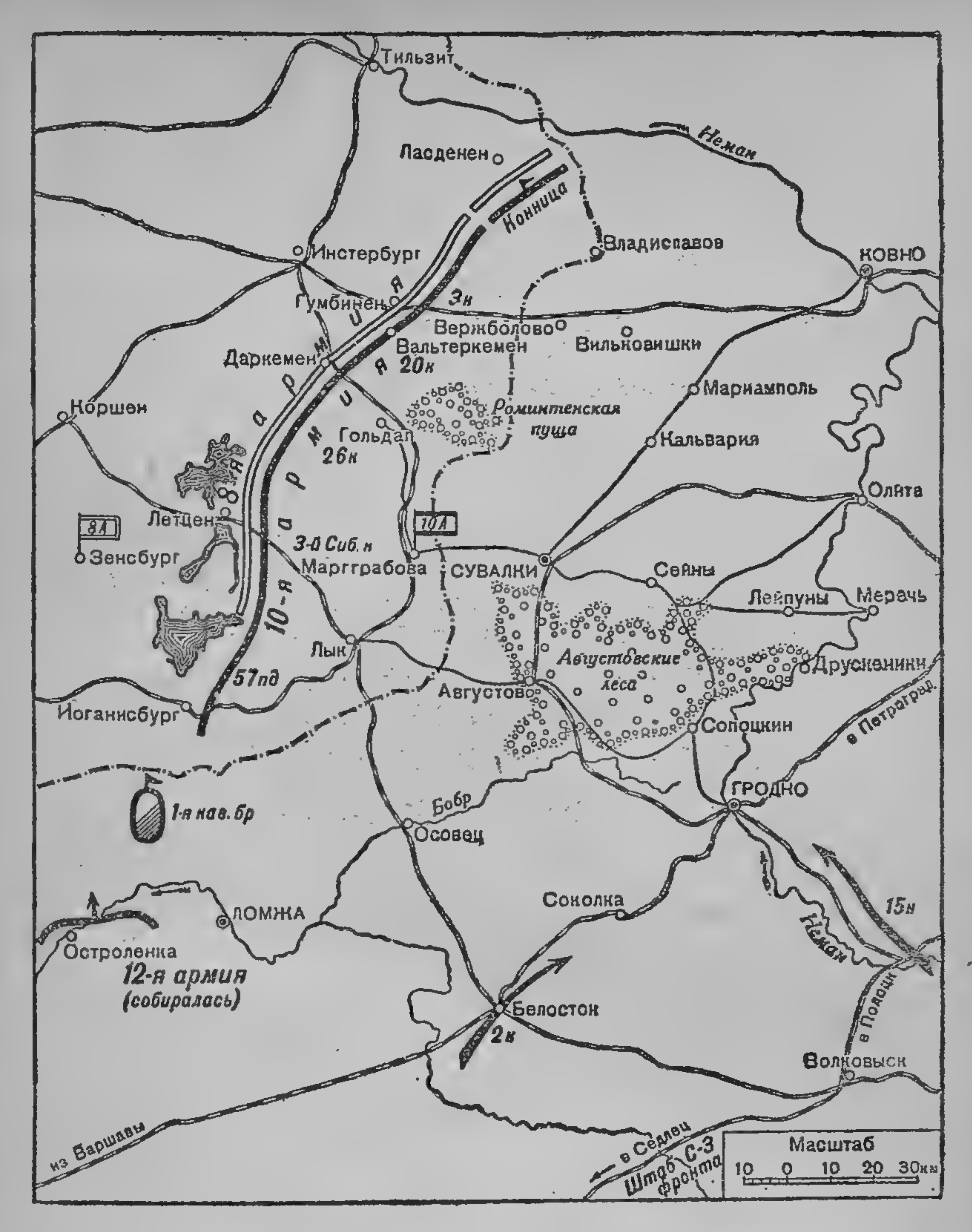

Схема 1. Положение 10-й русской армии в Восточной Пруссии в начале февраля 1915 г.

гупхен, Шмулькен, подходил затем к р. Роминта против д. Самелюкен, далее перекидывался на левый берег этой быстрой речки (до 10 *м* шириною) и оканчивался против д. Альт Майгунишкен.

В первом эшелоне стояли три батальона с 6 пулеметами, один батальон с 2 пулеметами составлял полковой резерв

и располагался в м. Вальтеркемен, где находился и штаб полка. В каждом батальоне в окопах стояло по три роты, четвертая составляла резерв и держалась в окопах позади. Сплошной линии окопов не было, батальоны и даже некоторые роты в батальонах располагались с промежутками.

В настоящее время такое растянутое по фронту расположение считается обороной на широком фронте, при которой полк должен располагаться отдельными батальонными районами с ударной группой позади. Но в 1914 г. такой обороны ни устав, ни тактика не предусматривали. Сила пехоты основывалась на ружейном огне, значение фланкирующего огня пулеметов еще не было проведено в жизнь, и во всех случаях обороны пехота располагалась в одну линию огня с резервами позади.

Полк поддерживался 2-м дивизионом 27-й артиллерийской бригады в составе 3 батарей по 6 орудий (76-*мм* пушки), и, кроме того, за правым флангом полка стояли две тяжелые (200-пудовые) гаубицы из крепости Ковно. Полевые батареи занимали позиции за каждым батальоном 1-го эшелона. Между пехотой и артиллерией в 27-й дивизии с первых же боев установилось тесное боевое товарищество, начало которого было заложено еще в мирное время, когда оба рода войск проводили летние занятия вместе на одном артиллерийском полигоне.

Когда было приступлено к устройству прочного расположения на зиму, полку был придан взвод сапер.

Обоз 1-го разряда (кухни, патронные и санитарные двуколки) стоял в д. Будзешен, около 4 *км* за передовыми окопами. Перевязочный пункт был устроен в м. Вальтеркемен. Обоз 2-го разряда стоял в 15 *км* от полка в д. Гросс Шакумен, близ железнодорожной станции Толмингкемен.

Соседями полка слева были другие полки 27-й пехотной дивизии, занимавшие окопы по очереди, справа — части 73-й пехотной дивизии. Это была второочередная дивизия, неудачно начавшая свои боевые действия с отступления из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. До конца войны она считалась ненадежным соседом, а после вторичного отступления из Восточной Пруссии в 1915 г. получила в армии вместе с 56-й пехотной дивизией очень нелестное прозвище «Занеманское беговое общество», так как при нажиме немцев обе стремились убраться за р. Неман. Однажды дозор для связи от 108-го полка подошел к окопам правого соседа и спросил сидевших на дне окопа солдат: «Что вы делаете?» — «Что! — отвечал один из них.— Смерти ждем».

К февралю 1915 г., когда началось наступление немцев против 10-й армии, состав 108-го полка едва доходил до $\frac{3}{4}$ штатного состава (около 3 000 человек) и почти на $\frac{2}{3}$ был пополнен запасными и ополченцами 1-го разряда. Эти ополченцы в мирное время получали небольшую военную подготовку и поэтому являлись очень сырым материалом. Большинство солдат полка, однако, уже успело побывать в боях и приобрести некоторый боевой опыт, который у кадровых, т. е. $\frac{1}{3}$ состава, был весьма значительным. Они с начала войны побывали в 6—8 сражениях, большей частью для полка удачных. В полку сохранилось около 40 кадровых офицеров и немало унтер-офицеров. Некоторые из офицеров и в том числе командир полка участвовали еще в русско-японской войне.

Командир полка служил в 108-м полку с 1906 г., последовательно занимал должности командира 2-го и 1-го батальонов и затем старшего штаб-офицера, который являлся помощником командира полка. С самого начала пребывания в полку, т. е. в течение 8 лет, до войны он руководил тактическими занятиями офицеров, что много способствовало установлению крепкой внутренней связи в полку.

Тактические задачи, которые решались в полку, имели целью привить офицерам уменье разбираться в несколько необычной обстановке и принимать правильное решение, требующее проявления частной инициативы на пользу общего целого.

В командование полком командир вступил на поле сражения 11 сентября (29 августа) 1914 г. под м. Иодлаукен при отходе из Восточной Пруссии после ранения старого командира полка, вскоре умершего от раны.

К числу неблагоприятных обстоятельств для полка надо отнести недостаток кадровых батальонных командиров. Из четырех по штату трое были в тылу: один был ранен, другой заболел, третьему командир полка вынужден был предложить уйти в отставку (это было разрешено для оказавшихся несоответствующими). Оставался в строю только один старый полковник, человек слабовольный и без всякого авторитета среди офицеров. Он командовал 3-м батальоном, а остальными батальонами командовали капитаны.

Предшествующие удачные действия полка, особенно последний встречный бой 7 ноября, когда полку пришлось отбиваться на два фронта — на запад и север, придали твердую уверенность в своих силах всему командному составу полка. Какого-либо увлечения войной среди офицеров, а тем более среди солдат, в полку не было: наиболее энер-

гичные и деятельные руководились сознанием служебного долга перед родиной. Война для всех была тяжелым испытанием, и в массе держалась уверенность, что она скоро кончится. Мало кто из офицеров обратил внимание на промелькнувшую в газетах речь в английском парламенте военного министра Китченера, который говорил о первом и втором годах войны.

Настроение в полку было хорошее, бодрое; на это особенно указывали посещавшие окопы посторонние полку лица. Одной из действительных мер для поддержания бодрости в войсках во время бездействия надо признать хорошее размещение и питание. Богатое местечко Вальтеркемен и деревни на участке полка с многочисленными хуторами позволяли расположить полк с большими удобствами. Из шестнадцати рот семь жили в деревнях или хуторах, — это были батальон полкового резерва и три роты батальонных резервов. Да и в ротах, занимавших окопы, резервные взводы имели поблизости хутор или прочный каменный сарай для отдыха и обогревания. Окопы размещались обычно на вершинах холмов, которые составляли особенность рельефа этой части Пруссии, а на обратных скатах были устроены убежища-землянки, где солдаты и проводили укрыто от противника все свое время. В окопах оставались днем лишь наблюдатели, а ночью дежурные взводы. Для достижения этих удобств в 108-м полку окопы располагались не ближе 600—700 шагов от противника. Батальоны, которые при наступлении подошли к противнику ближе этого, были отведены назад на удобную для обороны линию, а в передовых окопах оставалось только охранение.

Опыт русско-японской войны во время стоянки под Мукденом наглядно показал всю бесцельность расположения противников в позиционный период на близких расстояниях. Вечное напряжение, постоянные потери и полное изматывание людей являлись следствием такого расположения, не давая никаких выгод ни для обороны, ни для наступления главным образом из-за невозможности использовать артиллерийский огонь. Живым примером неудачного расположения являлся примыкающий слева батальонный участок соседнего полка, против д. Альт Майгунишкен, где окопы противников сходились местами ближе 200 шагов. На участке днем и ночью поддерживалась перестрелка, и каждый день были убитые или раненые, что, конечно, тягостно отзывалось на настроении солдат и офицеров.

После того как полк устроился на своем участке, от командующего армией под давлением свыше посыпались при-

казы и указания продвигаться вперед к окопам противника, где нельзя открыто, там итти сапой, т. е. как раньше подходили к крепостным укреплениям. Но в 108-м полку, как, впрочем, и во всей армии, эти приказы не производили никакого впечатления, да и писались они, вероятно, больше для высшего начальства, как обычная штабная отписка.

Довольствие солдат в начале 1915 г. можно было назвать для военного времени хорошим. Положенные продукты, в особенности мясо и хлеб, доставлялись хорошего качества и своевременно, благодаря тому что все снабжение прямо из г. Вильны, главной базы 10-й армии, шло по железной дороге до м. Тольмингкемен, т. е. до обоза 2-го разряда. До Вержболово поезда шли по русской колее, а далее по немецкой, на которой удалось захватить достаточное количество подвижного состава. Обед в походных кухнях вместе с хлебом подвозился в роты с наступлением темноты и успевал дойти в горячем виде. Кроме того, как только полк обосновался на месте, в полку было приказано солдатам получать на руки гречневую крупу и масло, которого в то время отпускалось по 12 золотников (51 *г*) на человека, и утром варить в котелках кашу в своих землянках. Командиру полка пришлось, как это ни странно, проявить большую настойчивость, чтобы провести эту меру. Солдаты не хотели возиться с варкой каши. Лишь по прошествии по крайней мере целой недели варка каши наладилась, и все нашли, что, кроме улучшения питания, варка каши дала людям приятное занятие [1].

Нельзя не заметить, что почти та же история произошла с постройкой прочных и просторных землянок. Никто не хотел устраиваться на продолжительное время, предпочитая жить в так называемых «собачьих норах», на 3—4 человека. Лишь с помощью офицеров, знакомых с зимним сидением в окопах во время русско-японской войны, удалось сломить инерцию, и в декабре почти во всех ротах первой линии были устроены землянки для солдат и офицеров. Материала кругом было в изобилии. Местечко Вальтеркемен было очень богатое, в нем имелись заводы: пивоваренный, сгущенного молока, кирпичный, и разные мастерские. Жители местечка бежали еще в начале августа 1914 г.

Немалое подспорье для довольствия солдат доставляли запасы овощей, преимущественно картофеля, которые находили всюду в подвалах домов в деревнях и хуторах, оста-

---

[1] В 1916 г. во время позиционного сидения на р. Стоход в южном Полесье котлы для варки завтрака были поставлены в самые окопы.

вленных жителями. Варить или печь картофель доставляло русскому солдату всегда особое удовольствие, в картофеле он находил сытное подспорье к казенному пайку.

В общем выводе можно сказать, что к началу зимней операции в Восточной Пруссии 108-й пехотный Саратовский полк имел достаточно сильный командный и рядовой состав и в боевом отношении по праву считался самым крепким из полков 27-й пехотной дивизии.

Против 108-го полка стояла Кенигсбергская ландверная пехотная дивизия, составлявшая левый фланг 8-й германской армии. Первый раз полк столкнулся с этой дивизией 1—2 сентября 1914 г. Повидимому, с целью придержать правый фланг 1-й русской армии, в то время как немцы начинали обход ее левого фланга, эта дивизия, составлявшая внешний резерв крепости Кенигсберг, перешла в наступление против 27-й дивизии, захватив из крепости, кроме полевых, еще и тяжелую батарею. Немцы под метким огнем русской артиллерии не могли подойти ближе 2,5 *км* к русским окопам. Шесть батарей 27-й артиллерийской бригады несколько раз позволяли немецким цепям выйти на 200—300 *м* от опушки леса, на которой им пришлось развертываться, затем обрушивались беглым огнем и заставляли немцев спасаться бегством обратно в лес. Русская пехота не сделала ни одного выстрела в течение целого дня боя. Вечером Кенигсбергская дивизия ушла обратно в крепость.

Немцы под м. Вальтеркемен были, как говорится, очень «мирные»: ружейный и артиллерийский огонь открывали редко и только тогда, когда их задирали русские. Совсем другое дело было, например, в октябре 1914 г., во время стоянки под вержболовской позицией и затем ее обхода. Немецкая артиллерия обстреливала в русском расположении даже появляющихся одиночных людей и сжигала все строения на участке полка. Очевидно, к декабрю 1914 г. немцы вынуждены были беречь снаряды, пока в Германии еще не успела развиться работа военной промышленности.

Сведения о противнике полк получал от пленных, которых изредка захватывала команда разведчиков полка, собранная исключительно для этой цели в количестве 50 человек, так как состоявшая в полку в мирное время команда разведчиков при мобилизации была распределена по ротам. Попадались в плен преимущественно немецкие дозоры или посты, высылаемые немцами за линию проволочных заграждений.

Оперативных сводок по армии полк не получал, о ходе войны знали только по газетам, которые в то время доходили ис-

правно. Конечно, больше всего вызывало интерес и обсуждалось положение 10-й армии. В 108-м полку положение русских в Восточной Пруссии все офицеры считали очень ненадежным. Было известно, что правый фланг армии, т. е. 3-го корпуса, обрывался в 10 *км* севернее железной дороги Ковно—Кенигсберг, далее до р. Неман был участок в 50 *км* шириной, очень удобный для наступления немцев, который наблюдался лишь русской конницей (схема 1). Зная излюбленный прием действий немцев, а кстати сказать, и внимательных их учеников — японцев, а именно: обход и охват, надо было ожидать, что, когда немцы найдут необходимым очистить от русских Восточную Пруссию, они легко обойдут и ударят 3-й корпус во фланг и тем заставят всю армию быстро отступать на восток. Резервов за правым флангом 10-й армии не было; мало того, на этом фланге стояли две второочередные малонадежные дивизии — 56-я и 73-я. Эти соображения, как видно из документов, высказывались и командующим 10-й армией ген. Сиверсом, но начиная с января 1915 г. командование 10-й армией и Северо-западным фронтом усердно занялось подготовкой к весеннему наступлению в Восточную Пруссию, как и в августе 1914 г. — двумя армиями, а поэтому о мерах на случай наступления противника особенно не заботились.

Для подготовки будущего наступления в конце января на правом фланге армии, где до этого стояла конница, началось наступление 3-го корпуса для очистки от немцев большого лесистого пространства кругом м. Ласденен. Для этого наступления были взяты полки и батальоны со всех трех дивизий корпуса; из 27-й дивизии взяли весь 107-й полк и два батальона 105-го полка. Наступление с самого начала натолкнулось на сильное сопротивление немцев, которые сидели в обледенелых окопах за густым проволочным заграждением, и так называемая Ласдененская операция безнадежно затянулась. Через три дня после начала действий 73-я дивизия выделила еще несколько батальонов в наступающие отряды, и 108-й полк получил приказ увеличить свой участок на 2 *км* вправо, до д. Иодзунен (вкл.). Все четыре батальона теперь растянулись на 9,5 *км* в одну линию, поэтому полк был усилен из резерва армии батальоном 29-й пехотной дивизии и сотней казаков, которые составили резерв полка в м. Вальтеркемен. Слухи о неудачных атаках и больших потерях в частях 27-й пехотной дивизии, участвовавших в Ласдененской операции, доходили до 108-го полка и вызывали у командного состава тяжелое настроение.

II

Отход 108-го полка из Восточной Пруссии

(Схемы 2, 3 и 4)

9 февраля (27 января) после снежной бури, которая свирепствовала в течение нескольких суток и намела всюду громадные сутробы снега, настал яркий солнечный день. На фронте 108-го полка была тишина; русские и немцы усиленно работали над очисткой от снега окопов и ходов сообщения.

В 10 часов утра в м. Вальтеркемен из штаба дивизии была получена краткая телефонограмма: «Обозам приказано приготовиться к движению». Наступать в дивизии не готовились, о наступательных планах 10-й армии в полках дивизии не было известно, значит дело шло к отступлению. Штаб дивизии, видимо, не хотел распространяться, поэтому начальник связи был направлен в соседний дом к командиру дивизиона узнать по артиллерийскому телефону, чем вызвано такое распоряжение. Через 10 минут стало известно, что на левом фланге армии, у г. Иоганисбурга, немцы перешли в наступление и разбили 57-ю пехотную дивизию (и здесь на фланге стояла второочередная дивизия). 10-я армия отходит на восток, 27-я дивизия должна отходить на Мариамполь.

Известие было совершенно неожиданное. Приходилось, значит, расстаться с Восточной Пруссией, где так хорошо устроились и сытно жили «на счет прусского короля». Вместо сидения в окопах начинались маневренные действия с присущими им маршами, критическими положениями и другими невзгодами войны.

После полудня последовал целый ряд приказаний. Батальон 29-й дивизии был спешно направлен на ст. Тольмингкемен, чтобы по железной дороге отправиться на левый фланг армии (путь был занесен снегом, и батальон ушел пешком). 27-я дивизия переходила из 3-го корпуса в соседний слева 20-й, что в 108-м полку было сочтено

переменой к лучшему, так как ни состав 3-го корпуса, ни его командир не внушали доверия. Отход армии на восток начинал 3-й корпус, против которого было тоже обнаружено наступление немцев; он уходил с позиции в ночь с 9 на 10 февраля (с 27 на 28 января) и должен был остановиться на позиции у м. Вержболово. 20-й корпус, а следовательно, и 27-я дивизия еще день оставались на месте и должны были начать отход в ночь с 10 на 11 февраля (с 28 на 29 января).

Сейчас же перед командиром 108-го полка встал вопрос, какое положение должен будет занять полк, когда уйдет правый сосед, 73-я пехотная дивизия. Пришлось обратить внимание начальника дивизии на это обстоятельство. К вечеру начальник штаба сообщил, что на 10 февраля 3-му корпусу приказано оставить в окопах отряд из двух батальонов пехоты и казачьего полка. По справке у ближайшего командира батальона 73-й дивизии никакого приказа об оставлении кого-либо в окопах им не получено. И действительно, в 22 часа 9 февраля соседи 108-го полка ушли, а в 2 часа ночи 10 февраля от правого 1-го батальона получено донесение, что в окопах, оставленных 73-й дивизией, появились немцы, причем у д. Иодзунен был захвачен в плен солдат 4-го ландверного полка.

С рассветом на правом фланге 108-го полка загорелся бой. Две роты 1-го батальона загнули фланг и встретили наступавших с фронта и фланга немцев ружейным и пулеметным огнем при поддержке 5-й батареи, стоявшей восточнее д. Грюнвейчен. Когда обход немцев стал распространяться дальше на восток, против них по собственному почину перешли в наступление две роты того же 1-го батальона, стоявшие в резерве в д. Риббиннен. Наступление немцев здесь приостановилось.

С наблюдательного пункта 5-й батареи около полудня сообщили в штаб полка, что по шоссе из г. Гумбинен (8 *км* севернее Грюнвейчена) на восток видно движение большой походной колонны немцев, которые, очевидно, потянулись вслед за отошедшим 3-м корпусом. Около этого времени в 1-м батальоне заметили в 4—5 *км* к востоку от д. Риббиннен походную колонну русских, двигавшихся на запад. Это были два батальона 291-го пехотного Трубчевского полка, высланные 3-м корпусом к д. Ионасталь (2,5 *км* северо-восточнее д. Маттишкемен) для связи с правым флангом 20-го корпуса, т. е. с 108-м полком. В 17 часов немцы атаковали этот отряд с севера от ст. Тракенен во фланг и тыл. Отряд бросился отступать на юг, быстро пришел

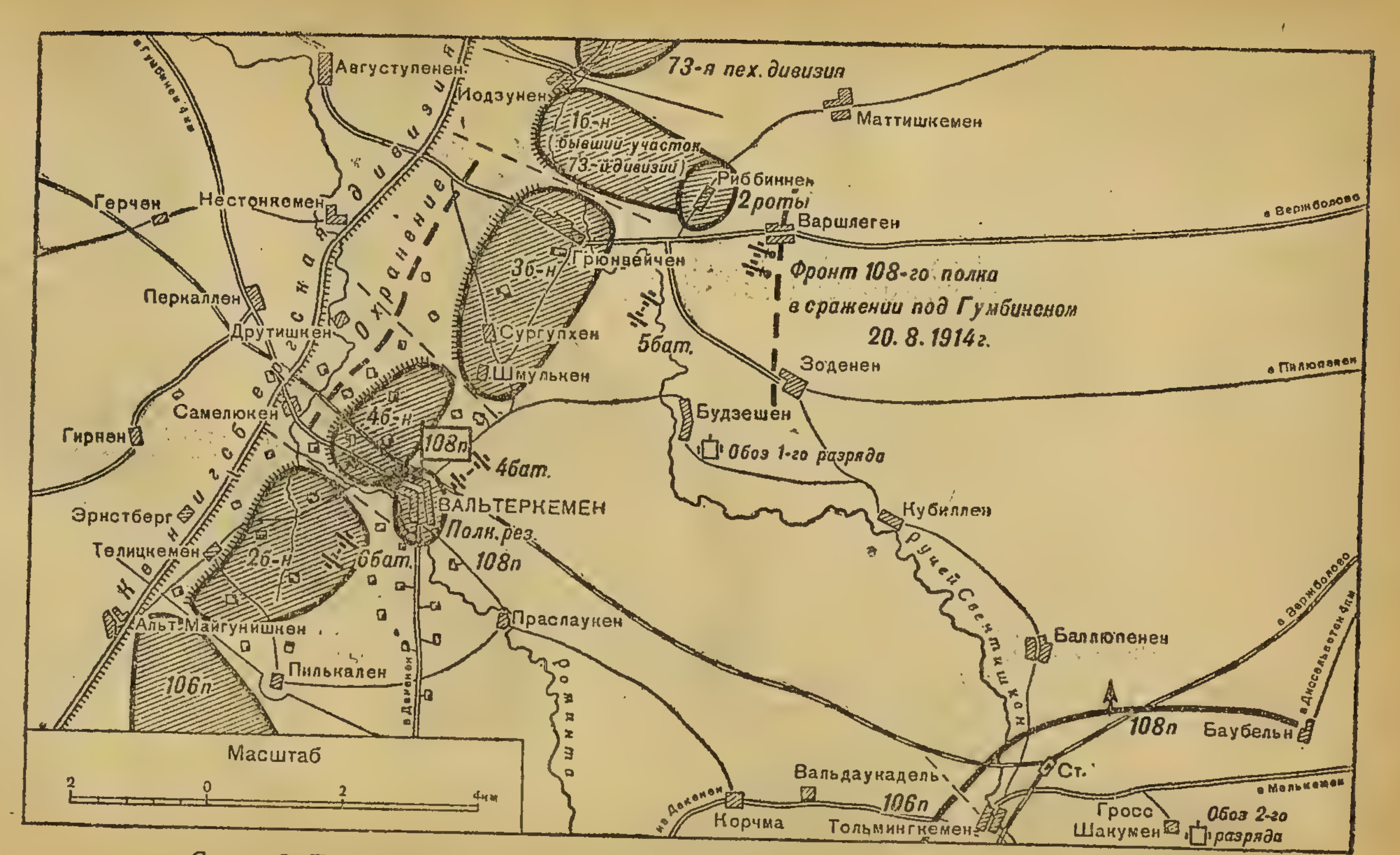

Схема 2. Положение 108-го пехотного Саратовского полка к 9 февраля 1915 г.

в беспорядок и большей частью попал в плен. Об этом доносил командиру 108-го полка разъезд дивизионной конницы, который весь день держался к югу от шоссе Гумбинен — м. Вержболово.

После полудня немцы начали усиленно обстреливать гаубицами д. Грюнвейчен, где была расположена резервная рота 3-го батальона, а затем повели наступление на этот батальон прямо с запада, но и здесь вынуждены были скоро остановиться под огнем батальона и 5-й батареи.

Начальник 27-й дивизии на поддержку 108-го полка направил свой резерв, батальон 106-го полка, который прибыл около 13 часов в м. Вальтеркемен и был направлен командиром 108-го полка за его правый фланг в д. Варшлеген.

Обозу 1-го разряда после 13 часов послано приказание оставить в д. Будзешен патронные двуколки и сани для перевозки раненых, а остальные повозки направить через д. Кубиллен в м. Тольмингкемен.

К вечеру артиллерийский огонь разгорелся по всему фронту полка, всюду немцы выходили из своих окопов и пытались наступать, но под ружейным и пулеметным огнем русских скоро возвращались обратно. Видимо, целью наступления немцев было не столько ворваться в окопы, сколько задержать русских на месте, пока не разовьется обход на севере.

В течение дня был получен приказ начальника дивизии— полку в 20 часов 10 февраля начать отход через д. Праслаукен, Вальдаукадель на заготовленную в тылу позицию и занять участок ее фронтом на север, от д. Баубельн до м. Тольмингкемен. Сторожевое охранение и разведка должны оставаться на позиции до 23 часов. Командир полка, имея в виду растянутый фронт и наступление немцев, отказался от сбора полка в одну колонну и указал правому флангу, т. е. 1-му и 3-му батальонам, отходить отдельной колонной на д. Будзешен, Кубиллен, Баллюпенен. Эта дорога была наезжена, так как по ней ходили из обоза 2-го разряда повозки с хлебом и продуктами для полка. Батальон 106-го полка должен был следовать той же дорогой в резерв дивизии в д. Диссельветен (4 *км* северо-восточнее д. Баубельн), т. е. уступом впереди фланга 108-го полка.

К вечеру телефонная связь с командиром 3-го батальона была порвана немецкими снарядами. Пока ее восстанавливали (расстояние Вальтеркемен — Грюнвейчен 4 *км*) по занесенной снегом дороге, наступила темнота, и слабовольный командир 3-го батальона решил отходить, не дожидаясь

назначенного времени; вместе с ним начал отходить и 1-й батальон. Лишь крайняя левая 10-я рота 3-го батальона каким-то образом осталась на месте. Ее нашли телефонисты штаба и связали с командиром полка, который только от ее командира и узнал об отходе батальона, а затем и о том, что в русских окопах у Грюнвейчен ходят немцы с электрическими фонариками, видимо отыскивая оставшихся русских солдат. 10-й роте было приказано загнуть правый фланг, держаться до 20 часов и отходить затем в м. Вальтеркемен, а 1-му и 3-му батальонам был послан приказ остановиться до 21 часа в д. Будзешен, 5-ю батарею отправить прямо в м. Тольмингкемен. В 23 час. 40 мин. эти батальоны были уже в д. Баллюпенен, откуда было послано донесение командиру полка. 5-я батарея отошла, однако, в Вальтеркемен, к своему дивизиону. Тяжелые гаубицы еще днем были отправлены в Тольмингкемен.

Немцы между тем продолжали делать попытки атаковать окопы 4-го и 2-го батальонов. Для обеспечения отхода командир полка организовал сборный арьергард из четырех рот с 4 пулеметами таким образом, что каждый батальон должен был перед уходом оставить в окопах по две роты с пулеметами, которые должны были растянуться по всему фронту батальона. Начальником арьергарда был назначен командир 2-го батальона. Он должен был находиться в помещении штаба полка, в м. Вальтеркемен, иметь телефонную связь с командирами рот и организовать отход арьергарда.

К ночи поднялся ветер, пошел снег и началась настоящая зимняя вьюга, под песню которой так крепко спится мирным обывателям в теплых домах. В назначенный час три батареи и пять рот 2, 3 и 4-го батальонов, во главе с командиром полка, выступили по дороге на д. Праслаукен. На фронте арьергарда в это время разыгралась ожесточенная ружейная и пулеметная стрельба. Из последующего доклада начальника арьергарда командир полка узнал, как удачно он оторвался от противника. Последнюю атаку немцы вели в направлении на м. Вальтеркемен, и она была самая упорная. Немцы освещали русские позиции прожекторами и светящимися ракетами. Стрелки и особенно пулеметы нанесли немцам большие потери и заставили их вернуться в свои окопы. Этим моментом воспользовался начальник арьергарда и приказал по телефону ротам оставить окопы и как можно быстрее собраться в м. Вальтеркемен, откуда арьергард пошел за полком без всякой помехи со стороны немцев.

Таким образом, 108-му полку в течение 10 февраля, несмотря на растянутость фронта и открытый фланг, удалось отбиться от немцев, не позволить им скомкать фронт 27-й дивизии и нарушить порядок отхода ее на тыловую позицию.

Без сомнения, успеху содействовали расположение резерва за правым флангом и переход этого резерва по инициативе его начальника во фланг охватывающим частям противника, затем выдержанный огонь рот и пулеметов против с трудом наступающих по снежному полю германцев.

Движение главной колонны у д. Праслаукен, всего в 2 *км* от м. Вальтеркемен, встретилось с непредвиденным препятствием. За полным отсутствием местных жителей наезжены были только те дороги, по которым двигались повозки из тыловых учреждений к фронту полков. Остальные дороги с самого начала зимы заносились снегом, сравнялись с окружающими полями, и только два ряда ветел, которыми были обсажены почти все проселочные дороги Восточной Пруссии, обозначали на снежной равнине их направление. Такую картину представляла и дорога на протяжении 4,5 *км* от д. Праслаукен до д. Вальдаукадель, где она выходила на наезженное шоссе. Командир артиллерийского дивизиона находил, что, двигаясь целиной, с орудиями, можно зарезать лошадей, и предложил направить весь дивизион рысью по шоссе сначала на юг вдоль бывшего фронта до д. Дакенен, там свернуть на восток и у д. Вальдаукадель соединиться с пехотой. Был небольшой риск встретиться с дозорами немцев, но в расчете, что снежная буря удержит немцев от ночного преследования, было решено отправить артиллерию отдельно. Пехота одна тронулась по занесенной снегом дороге. Тяжело было итти передним, но для большей части колонны путь скоро оказался уже протоптанным.

Ветер все больше и больше усиливался. У одного офицера ветром сорвало фуражку, и ее нельзя было найти; пришлось закутать голову башлыком, который был предложен одним из солдат. Около д. Вальдаукадель потеряли было шоссе, на котором в этом месте не было окаймлявших деревьев, и уклонились в сторону, — настолько шоссе было занесено снегом и сравнялось с окружающей местностью. Жуткое впечатление на всех произвел пожар корчмы на шоссе. Дым и искры, раздуваемые ветром, видны были далеко и давали знать немцам, что русские уходят. Мелькала мысль, что ее подожгли с этой целью немцы, скры-

вавшиеся где-нибудь в пустых деревнях. Насколько трудно было движение, показывает скорость марша: расстояние от м. Вальтеркемен до м. Тольмингкемен — около 15 *км* — главные силы полка прошли в 7 часов.

Местечко Тольмингкемен было забито обозами 106-го полка и артиллерии, так что только к 8 час. 50 мин. 11 февраля (29 января) штаб полка прибыл в д. Гросс Шакумен, откуда накануне ушел обоз 2-го разряда. К этому времени от всех батальонов были получены донесения, что они пришли благополучно к назначенным им участкам позиции и приступили к розыску занесенных снегом окопов. Весь день 11 февраля в 108-м полку ушел на откапывание окопов от снега. Левее полка и фронтом на северо-запад расположился 106-й полк. Немцы в этот день перед фронтом 27-й дивизии появились только против левого фланга 106-го полка, где вечером произошла сильная ружейная и пулеметная перестрелка.

Около полудня 11 февраля из окопов 108-го полка наблюдалась походная колонна, тянувшаяся с запада на восток, на м. Пилюпенен, на расстоянии 5—6 *км* к северу от позиции полка, так что русская артиллерия, стоявшая не ближе 2 *км* от окопов, не могла обстрелять немцев. Начальник 27-й пехотной дивизии, сильно опасаясь за свой открытый правый фланг, днем 11 февраля приказал одну батарею 2-го дивизиона, бывшего с 108-м полком, направить на усиление батальона 106-го полка, стоявшего в д. Диссельветен, т. е. уступом впереди угрожаемого фланга. Немцы на этот раз не повернули на фронт 27-й пехотной дивизии. Кенигсбергская дивизия, части которой стояли перед 108-м полком, направилась прямо на восток для прикрытия тыла 10-й германской армии со стороны крепости Ковно. Утром этого дня другие немецкие части появились с севера, захватили в м. Виштынец лазарет и перевязочный отряд 27-й дивизии и разогнали две роты ополченцев, которые должны были расчищать дороги от снега. Обозы 2-го и 3-го разрядов 27-й дивизии, к счастью, успели еще до появления немцев свернуть на юг на дорогу в м. Вижайны и двинулись далее на м. Любов и Лодзее (схема 3).

Движение немецких колонн на восток и появление их с севера объяснилось впоследствии исчезновением к этому времени с поля сражения 3-го армейского корпуса под ударом превосходных сил противника.

Военные действия в 1915 г. германское командование решило начать наступлением против правого фланга русского

фронта с целью, во-первых, освободить к весне от русских Восточную Пруссию — эту житницу Германии, и, во-вторых, уничтожить 10-ю русскую армию охватом ее с обоих флангов. Для этой операции назначались две армии — 8-я, стоявшая в Восточной Пруссии, и 10-я, вновь сформированная из двух новых корпусов (38-го и 39-го) и одного (21-го) перевезенного с французского фронта.

Главный удар должна была наносить 10-я армия. В начале февраля эта армия скрытно сосредоточилась севернее 8-й армии за Ласдененскими лесами (см. схему 3) и 8 февраля (26 января) перешла в наступление против 3-го русского корпуса в направлении левым флангом на г. Вильковишки, т. е. в обход правого фланга 10-й русской армии Днем раньше, 7 февраля (25 января), начала наступление своим правым флангом (40-м корпусом) 8-я армия в направлении на г. Иоганисбург против 57-й пехотной дивизии для обхода левого русского фланга; остальные ее части должны были сковывать русских с фронта.

10-й германской армии предстоял поход по занесенным снегом русским дорогам в такое время, когда скорее всего надо было ожидать снежных мятелей, и германские войска тщательно готовились к преодолению зимних трудностей. Для перевозки запасов продовольствия и патронов заведены были легкие сани, колеса орудий и повозок были поставлены на санные полозья. Солдаты получили теплую одежду (фуфайки, носки, варежки). Войскам, которые перевозились с французского фронта, теплые вещи выдавались при проезде через Берлин.

Русские ничего не знали о сосредоточении 10-й германской армии, хотя в разведывательных сводках штабов Северо-западного фронта и 10-й армии имелись агентурные данные о сформировании новых корпусов в Германии и об усиленных железнодорожных перевозках в Восточной Пруссии. Даже введение в бой немцами против 3-го корпуса двух новых полков 38-го и 21-го корпусов, что было установлено взятыми пленными, прошло незамеченным для русского командования, которое продолжало настаивать на атаках немецких позиций в Ласдененских лесах.

Войска 3-го корпуса в своих тщетных попытках выбить немцев из Ласдененских лесов проявили такое упорство, которого даже трудно было ожидать от сборных отрядов, преимущественно из второочередных дивизий. Местами они имели частные успехи; отброшенные немцами, они залегали в нескольких десятках шагов перед окопами. Участники рассказывали, что в одном месте из немецких окопов кри-

чали по-русски «Русс! Куда вы лезете? Не взять вам наших окопов!» В итоге 14-дневного боя физические и моральные силы солдат дошли до крайней степени напряжения. Когда три германских корпуса на фронте в 30 *км* 8 февраля ударили на растянутый 3-й корпус и обошли его наружный правый фланг, русские сразу покатились лавиной на восток и юго-восток. Через два дня, т. е. 11 февраля, от корпуса остались отдельные кучки солдат, местами с офицерами, а большей частью без них, уходившие по дорогам на г. Ковно и Мариамполь. Только конница, бывшая на крайнем правом восточном фланге, отошла хотя и с боями, но в порядке. Из всей пехоты корпуса, в котором с приданными частями было около трех дивизий, собралось за р. Неман около 5 000 человек.

Сильные снежные заносы задерживали наступление немецкого обхода, но все-таки, благодаря удачному направлению, к вечеру 10 февраля (28 января), когда русский 20-й корпус только что начинал свой отход, корпуса 10-й германской армии уже подходили к железной дороге Ковно — Инстербург, а 12 февраля (30 января) передовые части немцев захватили на участке м. Вижайны, г. Кальвария тыловую дорогу 27-й пехотной дивизии (крайней правой в 20-м корпусе) и спешили дальше на юг по тылам остальных дивизий этого корпуса (схема 3), которому надлежало отходить по дорогам на Олиту и Меречь.

С уходом на восток остатков 3-го корпуса 20-й корпус стал правофланговым в 10-й армии, и ему в первую очередь угрожала глубоким обходом в тыл наступавшая на юг 10-я германская армия. Но об ее существовании и направлении ее движения в штабах 10-й русской армии и 20-го корпуса в это время все еще не догадывались. Быстрое отступление 3-го корпуса в штабе 10-й армии объясняли просто неустойчивостью его второочередных частей, и противника перед ним определяли самое большее в три дивизии.

Наступление правого фланга 8-й армии было скоро остановлено 3-м Сибирским корпусом, успевшим занять Лык и озерные теснины севернее его, а 57-я пехотная дивизия в расстройстве отошла на Граево и далее к Осовцу.

Около 15 часов 11 февраля (29 января) был получен приказ по 27-й дивизии, в котором 108-му полку указывалось в ночь на 12 февраля (30 января) отойти через м. Мелькемен и далее по шоссе вдоль восточной опушки Роминтенской пущи и остановиться в д. Цинкумен и Крагиннен. За-

дача 27-й дивизии на 12 февраля заключалась в прикрытии с севера отхода остальных трех дивизий 20-го корпуса (29, 53 и 28-й) на восток по дорогам южнее Роминтенской пущи. По выполнении этой задачи 27-я дивизия должна была следовать на м. Вижайны, где занять позицию фронтом на запад (схема 4).

Начальник дивизии решил 105-й (два батальона) и 106-й полки с пятью батареями под начальством командира бригады поставить на позицию между Виштынецким озером и Роминтенской пущей, на фронте Калвейчен, Нассавен, а 108-й полк держать в резерве.

В 18 часов 108-й полк с 4-й батареей собрался у д. Баубельн и выступил по шоссе на м. Мелькемен. Обоз 1-го разряда двинулся по той же дороге в 16 часов под прикрытием одной роты. Переход был небольшой, около 15 *км*, но на пути встретились задержки, не считая снежных заносов. У д. Нассавен все шоссе было занято 5-й батареей, которая днем была взята от 108-го полка в 106-й и теперь ожидала этот полк, который выступил значительно позже, так как был задержан наступлением немцев. Затем впереди 108-го полка оказались обозы 105-го и 106-го полков, двигавшиеся очень медленно. К месту назначения полк добрался только к 3—4 часам ночи 12 февраля и расположился на отдых в указанных ему деревнях. Они оказались очень небольшими, и едва хватило по одному двору на роту. Штаб полка расположился в д. Крагиннен, где, к общему удивлению, оказались местные жители. В доме, занятом для штаба полка, было тепло, горела лампа, и можно было отдохнуть с удобствами.

Около 8 часов 12 февраля (30 января) командир полка был вызван в штаб дивизии в д. Риббенишкен, где получил приказ стать за правым флангом расположения 1-й бригады (105-го и 106-го полков) около д. Куйкен.

Около 10 часов на фронте дивизии загорелся бой. Едва 108-й полк подошел к д. Куйкен, как получил от начальника дивизии приказание принять меры против немцев, обходящих правый фланг 106-го полка. Немедленно был выслан 2-й батальон лесом прямо на север, чтобы оттеснить обходящих немцев. Батальон продвинулся около 2 *км* на север и донес, что встретил только немецкие дозоры и отогнал их. В 12 часов боевая часть дивизии стала подаваться назад, и 1-му батальону 108-го полка приказано было выдвинуться на одну линию со 2-м.

Около 13 часов командир 2-го батальона донес, что за Виштынецким озером видна колонна, около полка пехоты

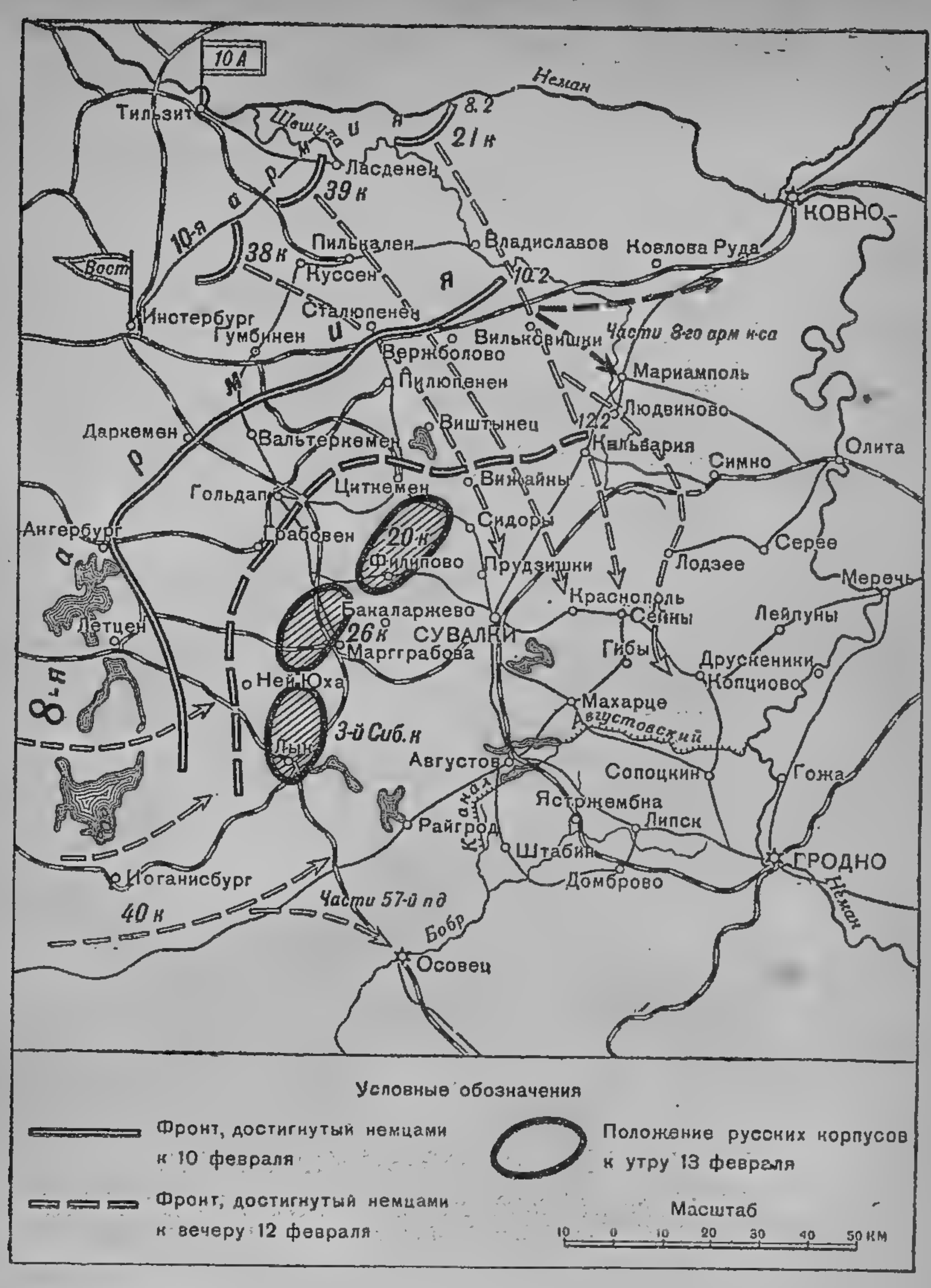

Схема 3. Наступление 8-й и 10-й германских армий и положение 10-й русской армии к утру 13 февраля 1915 г.

без артиллерии, идущая по береговой дороге на юг; голова ее в 12 час. 45 мин. была у ф. Марвиль. Сейчас же явилась мысль обстрелять артиллерийским огнем эту колонну, очевидно немецкую, так как русских войск там быть не могло. Но артиллерийская разведка, посланная от 4-й ба-

тареи к западному берегу озера, донесла, что расстояние до колонны превышает дальность полевых пушек, и от такого выгодного случая дальней стрельбы пришлось отказаться. Современная 76-*мм* пушка могла бы эту задачу выполнить с успехом, потому что расстояние было около 7 *км*. Ограничились тем, что команду разведчиков полка выслали на берег озера следить за немцами.

Около 15 часов был получен приказ начальника 27-й дивизии немедленно отправить обозы 1-го разряда по дороге через м. Циткемен на г. Сувалки; сначала указывалось следовать безостановочно, но через час было дополнительно приказано остановиться в д. Мауда. Командир полка, однако, приказал кухням и патронным двуколкам остаться при полку в д. Куйкен.

Распоряжение начальника дивизии указывало на то, что бой развивается неблагоприятно для дивизии. Наконец, после 15 часов из штаба дивизии сообщили, что 105-й и 106-й полки под натиском превосходных сил начинают отходить на юг. Бой приближался к расположению 108-го полка, и 3-й батальон был выдвинут левее 1-го. Теперь три батальона развернулись в боевой порядок по сторонам д. Куйкен фронтом на северо-запад, а четвертый был отведен в лес южнее деревни. Скоро по шоссе через д. Риббенишкен стали отходить рысью батареи, бывшие при 1-й бригаде; над ними высоко разрывались немецкие шрапнели, но ожидаемая за ними пехота отходивших полков не появлялась. Вместо русских были обнаружены немецкие цепи, медленно двигавшиеся по снегу с северо-запада. В это время командир полка получил приказ начальника дивизии отходить на юг. На фронте полка завязалась ружейная перестрелка; предстоял не простой отход, а выход из боя.

Лес на правом фланге и холмистая местность около д. Куйкен значительно облегчили задачу полка. 4-му батальону приказано было занять тыловую позицию на опушке леса в 1 *км* от д. Куйкен. Из 4-й батареи были взяты 2 орудия и поставлены на шоссе в м. Циткемен, где оно входит в лес. Первым отошел лесом правый 2-й батальон и свернулся в колонну на дороге в м. Циткемен.

Затем постепенно стали отходить 1-й и 3-й батальоны. Роты и пулеметы по очереди переходили с одного холма на другой, все время задерживая противника огнем. Когда оставалось отойти последним ротам 3-го батальона, командир одной из них донес, что среди его цепей лежит брошенное русское орудие. Немедленно командир 2-го артилле-

рийского дивизиона, все время находившийся при командире полка, приказал одному из передков 4-й батареи отправиться за орудием. Передок не доехал до орудия и очень скоро вернулся, оправдываясь ружейным огнем немцев по шоссе. Командир дивизиона вызвал охотников выручить орудие; на его призыв отозвался офицер и два передка, в том числе и вернувшийся с полпути. Через 10 минут они возвратились с орудием; ни один человек, и, кажется, ни одна лошадь не были ранены. Такой счастливый случай можно объяснить в первую очередь отсутствием у немцев в этот момент пулеметов и плохой стрельбой немецких стрелков, которые принадлежали к только что сформированным частям, получившим недостаточную стрелковую подготовку, да к тому же и мороз мешал хорошо прицеливаться.

Во время отхода к командиру полка, стоявшему близ орудий на шоссе, подъехали начальник штаба дивизии и адъютант (офицер генерального штаба). Они сообщили, что 105-й и 106-й полки, под влиянием удара немцев в правый фланг и отчасти вследствие обстрела немецкой артиллерией дороги на д. Риббенишкен, бросились влево (к западу) в Роминтенскую пущу, чтобы кружным путем отойти на юг. По словам начальника штаба, начальник дивизии бросил свои части и ускакал в тыл, а так как вся дивизия теперь сводилась к одному 108-му полку, то они с адъютантом решили явиться в распоряжение командира полка.

Немцы не наседали, отход полка производился спокойно, без суеты и в полном порядке. Потеряв лишь нескольких раненых, полк свернулся в походную колонну и под прикрытием 4-го батальона, оставленного в арьергарде, направился на юг по шоссе на м. Циткемен. К арьергарду присоединились две-три роты 106-го полка, которые отошли на Риббенишкен и держались там до отхода 108-го полка.

27-я пехотная дивизия выполнила свою задачу: целый день боем задерживала немцев, стремившихся на юг, чтобы отрезать путь отступления 20-му корпусу. Но этот бой стоил очень дорого: дивизия лишилась полутора полков, из которых через два дня вернулись в дивизию лишь 700—800 человек.

Неудачу дивизии следует отнести на счет столь часто замечаемой в бою притягательной силы леса как укрытия, а также излишней нервности начальников. Под влиянием того, что немецкая артиллерия обстреляла путь отступления на д. Риббенишкен, отходившие части слишком поспешно

решили свернуть в лес, вместо того чтобы в рассредоточенных строях продолжать отход по сторонам шоссе. Оно обстреливалось дальним огнем и, скорее всего, по карте, так как немецкие шрапнели рвались очень высоко и притом в небольшом количестве.

Немцы, наступавшие на фронт 27-й дивизии, составляли 75-ю пехотную дивизию, которая шла на правом фланге 10-й германской армии, а по восточному берегу Виштынецкого озера двигалась без боя 76-я пехотная дивизия; обе они составляли 38-й германский корпус. Немцы, как и русские, испытывали большие затруднения в своем движении по занесенным снегом дорогам. Среди новых дивизий 38-го и 39-го германских корпусов было много отсталых, и все их движение шло очень медленно; особенно отставала артиллерия, вероятно поэтому немцы и не преследовали 27-ю дивизию после боя, который развивался также в очень медленных темпах.

Для облегчения движения немцами принимались особые меры: авангардам были приданы плуги для расчистки дорог от снега, головные роты в каждой колонне, как более устающие от протаптывания дороги, сменялись возможно чаще; среди артиллерийской колонны размещалась пехота для вытаскивания орудий из снега, большие привалы делались более продолжительными, чтобы собрать растянувшиеся колонны и отсталые повозки.

Кухни не поспевали за войсками. Солдаты в первые два дня съели носимый запас продовольствия и в последние дни голодали. Своевременное пополнение запасов было невозможно, так как обозы двигались с большим трудом и сильно отставали.

Особые трудности для движения представляли русские проселочные дороги: в открытом поле они не обозначались ни деревьями, ни телеграфными столбами, и найти их было очень трудно; войска часто блуждали, особенно ночью.

В м. Циткемен 108-й полк встретил всю 27-ю артиллерийскую бригаду вместе с ее начальником. Артиллерия пыталась проехать прямо на восток по направлению на м. Вижайны, но посланная вперед разведка близ русской границы была встречена выстрелами. Тогда начальник дивизии, проезжавший в это время через м. Циткемен, приказал выждать пехоту и двигаться с ней на д. Мауда.

В м. Циткемен был продовольственный магазин 20-го корпуса, но в нем, кроме сухарей, сложенных в кучу в одном из домов, ничего не осталось. 108-й полк в этот день не

получил хлеба, и пришлось ограничиться беспорядочным разбором сухарей.

Начальник артиллерийской бригады, генерал, отказался принять команду над войсками, собравшимися в Циткемене, и вместе с начальником штаба дивизии предложил командование командиру 108-го полка.

Последний, оказавшийся начальником отряда с большим числом артиллерии, попытался найти прямую дорогу на д. Мауда. С юго-восточной окраины местечка было обнаружено, что все дороги на восток, как неиспользуемые русскими, были занесены снегом. Опыта 10 февраля (28 января) у Праслаукена было достаточно, чтобы не повторять больше движения целиной. Единственная наезженная обозами дорога шла из южной части местечка и направлялась почти на юг. У начала ее стоял указатель с надписью, сделанной, видимо, солдатской рукой: «В Сувалки». Пришлось остановиться на этой дороге в надежде, что она скоро повернет на юго-восток, к русской границе.

Действительно, на втором километре дорога повернула на юго-восток. Но еще до поворота произошел загадочный случай. Среди тишины ночи вдруг раздались две-три очереди пулеметного огня не то в стороне Роминтенской пущи, которая тянулась в 1—2 *км* западнее дороги, не то в тылу колонны. Командир полка и все бывшие с ним в голове колонны остановились, выжидая, что последует за выстрелами. По колонне был послан конный ординарец узнать, кто стрелял или по кому стреляли. Выстрелы не повторились, ординарец вернулся и доложил, что в колонне все спокойно.

Разгадать этот случай удалось через два-три дня, когда 108-й полк встретился с остатками 105-го и 106-го полков. Пока части этих полков пробирались в большом беспорядке по лесным дорогам Роминтенской пущи, несколько раз в колонне раздавались крики о появлении вблизи немцев. Местами возникала паника и беспорядочная стрельба. Вполне возможно, что в один из таких случаев пулеметы и дали несколько очередей в пространство. Колонна двигалась, очевидно, недалеко от опушки, и эти выстрелы были услышаны в 108-м полку.

Если бы в то время в пехотном полку был взвод конных разведчиков, то в лес был бы выслан разъезд, и не только было бы выяснено, что в лесу нет противника, но возможно, что разведчики нашли бы части 105-го и 106-го полков. Таким образом, последние смогли бы выйти из лесу, не растеряв так много людей, как это случилось

через два дня. Но разъезд не был послан, и 108-й полк продолжал двигаться дальше.

Дорога проходила по холмам с крутыми скатами. Тяжело было итти пехоте, но еще тяжелее артиллерии. Приходилось припрягать лишние уносы и втаскивать на холмы орудия и ящики по очереди, причем они часто опрокидывались. Особенные трудности выпали на долю двух крепостных гаубиц (так называемых 200-пудовых). В некоторых местах припрягали все 10 уносов к одному орудию, чтобы втащить его на засыпанные снегом холмы. Временами казалось, что придется их бросить, но благодаря энергии командира взвода и дружным усилиям номеров и лошадей гаубицы не отстали от полка.

III

Путь 108-го полка от границы до Августовских лесов

(Схемы 4 и 5 в приложении)

Перед рассветом 13 февраля (31 января) колонна 108-го полка с артиллерией перешла русскую границу и в 3 час. 30 мин. оказалась у какой-то деревушки. В одном из первых домов виднелся свет. Когда командир полка вошел в этот дом и спросил у хозяина, какая деревня, оказалось Мауда, т. е. та самая, куда полк должен был притти. В этом же доме начальником дивизии была оставлена записка, в которой он сообщал о своем отъезде в д. Едьезеры по направлению к г. Сувалки для связи с командиром корпуса, а полку приказывал следовать на д. Еглeнишки.

Едва успела голова полка пройти растянутую по дороге д. Мауда, как натолкнулась на сбившуюся в кучу колонну артиллерии, оказавшуюся 29-й артиллерийской бригадой. Орудия и зарядные ящики столпились около д. Оклины перед крутым спуском в глубокую (около 40—45 *м*) долину р. Ганча. Одновременно спускали с большой осторожностью только одно орудие или зарядный ящик. Так как теперь к спуску подошла артиллерия 27-й бригады, то общее число собравшихся одних только орудий дошло до 70.

Предполагая, что спуск всего этого количества орудий потребует много времени, командир полка приказал двум батальонам с 1-м дивизионом 27-й артиллерийской бригады занять позицию между д. Мауда и д. Оклины фронтом на запад, так как приближался рассвет и можно было ожидать появления немцев. Батальоны разошлись по-ротно, и передовые роты пробовали окапываться, но на самой высоте снег был сдут ветром, земля сильно промерзла и не поддавалась малой лопате. Между тем начальник пулеметной команды 108-го полка, человек бывалый, нашел поблизости

от дороги еще одно удобное место для спуска и использовал его для своих пулеметов; за ним потянулись орудия. К этому времени стало светать, и сразу обнаружилось еще несколько удобных спусков. Не прошло и часа, как вся артиллерия перешла долину р. Ганча. Это лишний пример того, что ночью препятствия кажутся гораздо значительнее, чем при дневном свете.

Около 9 часов 13 февраля (31 января) 108-й полк собрался в д. Егленишки, где и оставался почти весь день, не имея определенной задачи. На случай появления немцев была намечена позиция, фронтом на запад, батальоны были разведены по своим районам, впереди выставлено небольшое охранение. С высот у д. Егленишки открывался далекий кругозор на север, запад и юг. На севере в бинокль одно время наблюдалось движение немецкой кавалерии, около трех эскадронов, по дороге из м. Вижайны на восток в том месте, где эта дорога в 5 *км* от Егленишки проходит по большой высоте. К югу на очень большом расстоянии можно было в бинокль рассмотреть движение на восток длинной походной колонны. Кто это был, русские или немцы, разобрать на таком расстоянии было невозможно (это были части 53-й дивизии). На западе никого не было видно. Ближняя разведка скоро выяснила, что полк расположен на левом фланге 29-й пехотной дивизии, которая большей частью стояла фронтом на север и только левый фланг загнула прямо на запад.

Утром 13 февраля (31 января) начальник 27-й дивизии получил приказ командира 20-го корпуса от 12 февраля, в котором указывалось 27-й дивизии к утру 13 февраля занять участок Вижайны, Егленишки, а 29-й дивизии — южнее. В действительности приказ этот не мог быть исполнен: во-первых, немцы предупредили и еще 12 февраля заняли передовыми частями м. Вижайны, во-вторых, 27-я пехотная дивизия (в составе одного 108-го полка) после боя у Виштынецкого озера отошла на юго-восток и оказалась не севернее, а южнее 29-й дивизии. Начальник этой дивизии должен был самостоятельно принять решение, и 29-я дивизия стала фронтом не на запад, а на север. Командир корпуса из г. Гольдап уехал прямо в г. Сувалки, связи со своими частями не имел и совершенно не знал, что произошло с правофланговыми дивизиями корпуса 12-го и утром 13 февраля.

В настоящее время в Красной Армии такое положение в корпусе считается немыслимым, потому что все войсковые части богато снабжены разнообразными средствами

связи и в особенности широко развита и отлично налажена связь по радио. В русской армии во все время мировой войны радиостанции (искровые роты) имелись только в штабах армий и корпусов. В 20-м корпусе во время отхода командная связь поддерживалась исключительно конными посыльными. Имевшиеся в небольшом числе автомобили застряли в снегу на первом же переходе; их пришлось испортить и бросить. Авиации в 1915 г. было так мало, что исправных самолетов нехватало для штабов армий; так, например, из 10-й армии лучшие самолеты были взяты для армий, стоявших под Варшавой.

Положение 10-й русской армии к 13 февраля стало тяжелым. На правом фланге 3-й армейский корпус на время перестал быть боевой силой. Правый фланг 20-го армейского корпуса, оказавшегося на наружном фланге, был сбит с прямого пути на восток и стоял фронтом частью на север (29-я пехотная дивизия), частью на запад. На левом фланге армии 3-й Сибирский корпус продолжал удерживать наступление 40-го германского корпуса, но немцы начали обходить его южный фланг.

Утром 13 февраля командующий 10-й русской армией, все еще предполагая, что главный удар немцы наносят на юге, а против 20-го армейского корпуса действует не более двух-трех пехотных дивизий с конницей, решил начать постепенный отход за реки Неман и Бобр. 3-й армейский корпус должен был обороняться на позиции у Козлова Руда и под натиском противника отходить в крепость Ковно. Две кавалерийские дивизии должны были присоединиться к 20-му армейскому корпусу и прикрывать его правый фланг, а этому корпусу отходить от Сувалки на Меречь. 26-му армейскому корпусу отходить вдоль Августовского канала на Сопоцкин, а 3-му Сибирскому — на фронт Липск, Штабин (схема 5).

Командир 20-го армейского корпуса 13 февраля отдал приказ 27-й и 29-й пехотным дивизиям отходить на юго-восток и остановиться к северо-востоку от Сувалок, за железной дорогой на Олиту, оставив арьергарды на шоссе Сувалки — Кальвария. 53-я и 28-я дивизии направлялись к Сувалкам, где последняя поступала в резерв армии; командующий армией предполагал двинуть ее на юг против немцев, обходящих левый фланг 3-го Сибирского корпуса.

Как приказ командующего 10-й русской армией, так и вытекающий из него приказ командира 20-го армейского корпуса не соответствовали обстановке: на путях отхода

20-го корпуса уже находились передовые части 10-й германской армии и за ними со всею поспешностью следовали главные силы левофлангового германского 21-го армейского корпуса.

Как только начальник 27-й дивизии получил приказ командира корпуса о движении на юго-восток, он послал распоряжение 108-му полку отходить на д. Сидоры, указав, что главная задача на 13 февраля — уклониться от боя. Приказ пришел в полк около 16 часов. Командир полка немедленно послал офицера в ближайшую часть 29-й дивизии узнать, получен ли у них приказ об отходе и когда в таком случае они собираются отходить. Посланный скоро вернулся и доложил, что он нашел одну батарею, которая получила приказ об отходе и уже снималась с позиции. 108-й полк немедленно выступил по дороге через д. Смольники. Перед самым отходом на высотах около д. Мауда (4 *км* западнее д. Егленишки) были замечены слабые дозоры немцев. На пути с боковых дорог подходили обозы и части 29-й дивизии, и скоро полк оказался в общей колонне перемешавшихся частей двух дивизий, медленно двигавшихся в одном направлении к перекрестку дорог у д. Сидоры. Наконец, около 18 часов голова полка подошла к этой деревне. Батальоны и батареи сошли с дороги и стали на привал близ опушки небольшого леса. Отдых был плохой, потому что пришлось расположиться на снегу; кроме того, вскоре пошел мелкий дождь.

Командир полка скоро разыскал в одном из домов деревни начальника дивизии, с которым незадолго перед тем соединился и начальник штаба с адъютантом. Здесь командир полка узнал много важных сведений. Во-первых, обозы 2-го разряда всей дивизии у м. Любово, около 14 *км* севернее д. Сидоры, видели немецкие разъезды и благополучно ушли от них на восток. Вывод отсюда был таков, что обозы оторвались от дивизии, которая должна отходить на юго-восток. Во-вторых, через г. Кальвария днем 13 февраля прошла немецкая колонна из трех родов войск, т. е. пехота, артиллерия и кавалерия. Немцы шли на юг наперерез пути обозов 2-го разряда, судьба которых представлялась весьма сомнительной. В-третьих, дивизии предстояло ночью отходить около 15 *км* на юго-восток за железную дорогу Сувалки — Олита. Путь 108-го полка, который представлял вместе с артиллерией всю дивизию, судя по карте, пролегал по мелким путаным проселкам, из которых многие зимой могли оказаться ненаезженными

жителями. Поэтому командир полка предложил ночью итти по большой дороге на г. Сувалки до д. Прудзишки, а с рассветом свернуть на проселки и выйти в назначенный район. Начальник дивизии сразу согласился с этим предложением и лишь поинтересовался узнать, где полк будет делать большой привал. Командир полка наметил д. Прудзишки; тогда начальник дивизии для своего ночлега выбрал д. Бялороги, в 2 *км* восточнее.

Во время беседы в комнату вошел начальник 29-й пехотной дивизии ген. Розеншильд-Паулин и сразу начал обвинять 108-й полк в том, что он ушел, оставив соседа — 29-ю дивизию — в то время, когда ее теснил противник. Обвинение было необоснованное, так как за весь день 13 февраля на фронте, обращенном к западу, на котором 108-й полк примыкал к левому флангу 29-й дивизии, не было сделано ни одного выстрела по очень простой причине: потому что не было противника. Против этого обвинения резко выступил энергичный начальник штаба 27-й дивизии, и генерал сейчас же сбавил тон, а затем и вовсе отказался от своих упреков. Его дивизия в этот день имела небольшую перестрелку на своем правом (восточном) фланге, который был обойден немцами и первый начал отход к д. Сидоры. После этой стычки оба начальника дивизии поделились сведениями о противнике и по обоюдному согласию установили порядок движения 108-го полка и трех полков 29-й дивизии, тоже собравшихся к д. Сидоры. Все полки должны были выступить по большой дороге на юг: впереди 108-й, за ним остальные. У д. Еленево полки 29-й дивизии сворачивали на восток, а 108-й, как было решено раньше, продолжал путь до д. Прудзишки. Для прикрытия движения 29-я дивизия оставляла у д. Сидоры арьергард 114-й пехотный Новоторжский полк.

Около 21 часа полк выступил из д. Сидоры. Дождь уже перестал, и к ночи стало морозить. При выходе из деревни пришлось увидеть, или, вернее, услышать, оригинальный прием указания дороги частям полка. На перекрестке дорог стоял солдат и звонким голосом с небольшими промежутками выкрикивал одни и те же слова: «114-й Новоторжский по дороге влево!» Этот возглас долго преследовал уходящих из деревни, пока за удалением его не стало слышно.

Движение 108-го полка с самого начала стало встречать задержки. Впереди его оказались обозы и даже какие-то части 29-й дивизии, которые двигались крайне беспорядочно и часто по неизвестным причинам останавливались. В д. Еле-

нево, где части 29-й дивизии должны были свернуть на восток, остановка движения продолжалась более часа. Обогнать впереди стоящих было невозможно, потому что наезженная часть дороги была узкая, а по сторонам тянулись снежные поля.

В 1—2 *км* не доходя д. Прудзишки с головой колонны встретился едущий со стороны г. Сувалки казак, который обратился к командиру полка с вопросом, где можно найти начальника 27-й дивизии. Указав казаку дорогу в д. Бялороги, командир полка спросил, откуда он и что везет. Казак ответил, что он послан из штаба 20-го корпуса с пакетом, в котором, по его мнению, сообщается о том, что в г. Сейны (30 *км* восточнее Сувалки) пришла немецкая кавалерийская дивизия. Это известие означало, что германские войска опередили корпус, были уже в тылу его и захватили прямую дорогу из г. Сувалки на восток. У командира полка невольно явилась мысль, что 108-й полк, как ближайшая к г. Сувалки войсковая часть корпуса, будет послан против немецкой конницы. Задача казалась посильной — полк с отличным дивизионом артиллерии против кавалерийской дивизии мог рассчитывать на успех.

Вследствие задержек, которые, помимо потери времени, расстраивали порядок в полку, увеличивая число отсталых по деревням, пропадавших для полка, так как их забирали преследующие немцы, 108-й полк расстояние около 16 *км* шел почти всю ночь и только к 6 часам утра 14 февраля достиг д. Прудзишки. Здесь командир полка решил остановиться на привал до 8 часов утра. От этой деревни до назначенного дивизии участка оставалось пройти еще около 8 *км*.

Не успел еще командир 108-го полка расположиться на отдых, как ему доложили, что в деревне находятся роты и пулеметы 105-го и 106-го полков, а вслед за тем явился и генерал — командир бригады. Он рассказал о трудностях, которые бригада встретила в Роминтенской пуще, и как, только благодаря удачным расспросам одной немки, ему удалось найти дорогу и вывести остатки полков из пущи. Из шести батальонов вышло всего 700 человек с 11 пулеметами. По рассказам офицеров, ночью на 13 февраля в некоторых батальонах началось разложение, раздавались призывы бросать ружья и сдаваться в плен, что, очевидно, значительная часть солдат и сделала.

На левом фланге 10-й армии в это время положение 3-го Сибирского корпуса, угрожаемого обходом с юга,

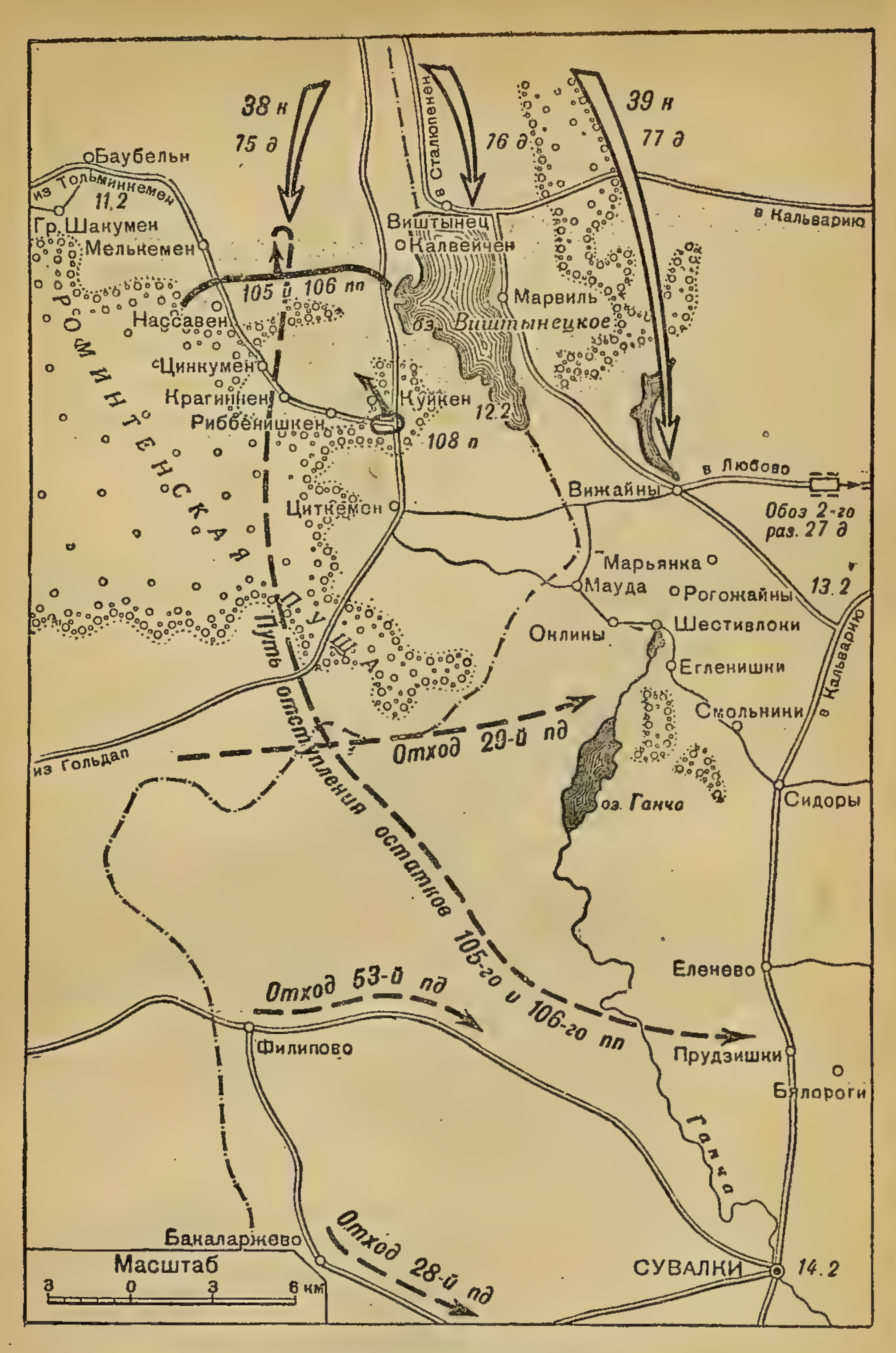

Схема 4. Путь отхода 108-го пехотного Саратовского полка с 11 по 14 февраля 1915 г.

становилось опасным, и командующий армией решил 14 февраля перейти в наступление частями 28-й пехотной дивизии, еще ранее направленными к левому флангу армии, и резервами 3-го Сибирского корпуса против немцев, обходивших сибиряков на Райгрод. 20-й корпус должен был у Сувалок задерживать немцев, наступающих с северо-запада. 29-я дивизия была остановлена командиром корпуса в расстоянии 8 *км* к северо-востоку от Сувалок, 53-я и остатки 28-й дивизии должны были с запада постепенно отойти к этому городу; туда же приказано было отойти и 27-й дивизии, в которой было теперь только пять батальонов и 34 орудия.

Приказ начальника дивизии о движении в Сувалки командир 108-го пехотного полка получил около 8 часов утра. День выдался солнечный, теплый; снег начал таять. Короткая зима в этом крае кончилась, и начиналась весна. Когда полк около полудня достиг окраины города, на дорогах уже были лужи, что было не очень приятно, так как у многих солдат обувь была неисправна, а запас сапог, около 700 пар, сберегаемых на весну, был в обозе 2-го разряда. Потом узнали, что сапоги попали в руки немцев. 12 февраля днем в обозах дивизии разнесся слух, что появились германские разъезды; шедший впереди артиллерийский парк охватила паника, ездовые обрубили постромки и ускакали, бросив зарядные ящики на узкой проселочной дороге. Обозные повозки свернули с дороги, чтобы объехать парк, но по глубокому снегу с трудом выбрались только легкие повозки; из тяжелых удалось протащить с помощью людей лишь денежный ящик, а остальные повозки, в том числе и повозки с сапогами, пришлось бросить.

В Сувалки полк и соединившийся с ним сводный батальон 105-го и 106-го полков остановились на отдых в пустых казармах 2-го драгунского полка. Начальник дивизии находился тут же, и командир полка немедленно к нему отправился. Сведения в штабе дивизии были очень важные. В г. Сейны, куда накануне (13 февраля) хотел направиться командир корпуса и уже выслал было вперед обозы, вслед за конницей пришла в тот же день германская пехотная дивизия. Обозы были встречены огнем и в беспорядке вернулись в г. Сувалки. В штабе 20-го корпуса настроение было подавленное.

Командир корпуса получил приказ командующего армией, отданный после получения известия о занятии немцами Сейны. Командующий армией отказался от наступления и решил отвести корпуса на линию Сопоцкин, Липск, Шта-

бин. 20-му корпусу была поставлена задача: оставить у Сувалок заслон для удержания противника, наступающего с запада, а с остальными силами двинуться 14 (1) февраля форсированным маршем на Гибы через Махарце, отбросить противника и двигаться на Гожа. Для командира корпуса было ясно, что попасть в Гибы раньше противника, еще 13 февраля занявшего Сейны, совершенно невозможно по расстоянию (от Сейны до Гибы — около 10 *км*, от Сувалок на Махарце и до Гибы — около 45 *км*), и потому он думал итти через Махарце прямо на Сопоцкин через Августовские леса (схема 5).

Связь со штабом армии в Гродно была порвана, и командир корпуса должен был принимать самостоятельное решение.

Начальник штаба 27-й дивизии полагал, что раз немцы еще 13 февраля были в г. Сейны, то без боя с ними корпус не может пройти на м. Сопоцкин (дорога от Сейны до Махарце — всего 20 *км*, а от Сувалок до Махарце — 25 *км*),— немцы перехватят или уже перехватили эту дорогу. Надо пробиваться прямо на восток, на г. Сейны, и дальше на м. Меречь на р. Неман.

Командир 108-го полка всецело присоединился к этому мнению. Раз бой неизбежен, надо брать инициативу в свои руки. В бою на открытой местности русская артиллерия, а ее было много в корпусе, может развить всю свою силу и поможет пехоте опрокинуть немцев; в лесных же боях артиллерии негде развернуться, и эта громадная сила не будет использована. Начальник штаба немедленно отправился в штаб корпуса и через час вернулся очень довольный. Вопреки сопротивлению начальника штаба корпуса, человека инертного и слабовольного, командир корпуса согласился прорываться на восток, и приказ об этом должен был вскоре последовать. А пока командир корпуса приказал 27-й дивизии выдвинуть для прикрытия г. Сувалки небольшую часть на позицию к северу от города.

Командиру 108-го полка пришлось один батальон послать на 3—4 *км* назад по только что пройденной дороге на д. Прудзишки. В то же время батареи 27-й бригады стали на позицию у северной окраины города. Неприятель с этой стороны не показывался в течение всего дня. С запада слышалась по временам недалекая артиллерийская стрельба, а к вечеру к ней изредка присоединялась и пулеметная. Это арьергарды 53-й пехотной дивизии, отходившей с запада к г. Сувалки, задерживали довольно лениво наступавших немцев.

Обоз 1-го разряда 108-го полка, т. е. повозки штаба полка, санитарные и с офицерскими вещами, вместе с обозами 105-го и 106-го полков, по приказу штаба корпуса или, скорее всего, по собственной инициативе, направился по шоссе на Августов, и больше его полк уже не видел. В пекарне кавалерийского полка случайно нашлось несколько сот караваев печеного хлеба, который был частью растащен, частью распределен между ротами полка. Один из местных войсковых поставщиков предложил взять у него несколько пудов свиного сала и охотно согласился получить за него расписку, так как денег у командира полка и офицеров было очень мало. Пока стояли в опустошенной Восточной Пруссии, покупать было нечего и не у кого, и денег никто при себе не держал.

Отсутствие штабной повозки поставило командира полка в трудное положение: у него не было карт (2 версты в дюйме) района предстоящих действий. На руках имелись только листы местности севернее г. Сувалки, т. е. уже пройденной полком. К счастью, нашелся в полку запасливый человек, командир 3-го батальона, который имел при себе листы карт до г. Гродно. Узнав об отсутствии карт в штабе, владелец карт немедленно предоставил их в распоряжение командира полка. Случайно удалось достать еще два листа 3-верстной карты нужного района из штаба корпуса.

Время шло, а приказа о движении на г. Сейны не получалось. Около 15 часов начальник штаба вновь отправился в штаб корпуса и очень скоро вернулся с неприятным известием, что итти на г. Сейны командир корпуса раздумал и опять вернулся к прежней мысли итти лесами на м. Сопоцкин. Со слов только что прибывшего из г. Сейны польского помещика командир корпуса уже считал, что г. Сейны занят не дивизией, а 2—3 эскадронами с 2 горными пушками.

Первоначально 42-я германская дивизия 13 февраля (31 января) выдвинула для занятия г. Сейны легкий отряд в составе одной роты без ранцев, полуэскадрона и батареи на санях. Пройдя 39 *км*, отряд днем занял город, но в этот же день поздно вечером туда подошел авангард дивизии и командир 21-го германского корпуса, а 14 февраля в г. Сейны была вся 42-я дивизия. Движение германцев шло медленно. Распускавшиеся от весеннего солнца дороги заставили перейти с полозьев на колеса, что вызвало остановки движения. Для ускорения движения командир 21-го германского корпуса приказал слабых оставлять в тылу, а зарядные ящики артиллерии облегчить.

Действительное положение сторон на правом фланге 10-й русской армии совершенно не было известно ни в штабе армии, ни в штабе 20-го корпуса. Командующий 10-й армией, на основании разведывательных сводок своего штаба, знал лишь о занятии немцами г. Сейны и считал, что это — скорее всего немецкая конница, поддерживаемая пехотой. Более значительные силы немцев (около трех дивизий пехоты) предполагались значительно севернее и по каким-то расчетам штаба могли столкнуться с 20-м корпусом не раньше как через два дня. При штабе 20-го корпуса имелся целый казачий полк, а при пехотных дивизиях в качестве дивизионной конницы было по одной, по две казачьих сотни, однако начальник штаба корпуса не организовал самой простейшей разведки противника, забравшегося в тыл корпуса, и довольствовался случайными сведениями от обозов, которые играли роль авангарда, или от местных жителей.

Немцы, благодаря захвату отставших русских солдат, а также перехвату по радио русских приказов и донесений, хорошо знали положение трех корпусов 10-й русской армии. В Гумбинене 13 февраля при встрече командующего фронтом генерала Гинденбурга с командующим 10-й армией было принято решение окружить русских в районе Сувалки, Августов. В течение 14 февраля три германских дивизии медленно наступали с севера на Сувалки, имея мелкие стычки с арьергардами 29-й дивизии, и к вечеру подошли к городу не ближе 10 *км*. Одна германская дивизия заняла м. Краснополь (20 *км* восточнее Сувалок, на дороге в г. Сейны), а весь 21-й корпус держался у г. Сейны, ожидая наступления русских. Но так как они оставались на месте, то 14 февраля по 10-й германской армии был отдан приказ: 38-му корпусу атаковать г. Сувалки, 39-му корпусу запереть у м. Краснополь северные выходы из Августовских лесов, а 21-му корпусу направить 42-ю дивизию на г. Августов, а 31-ю — на Сопоцкин. Таким образом, три германских корпуса готовились 15 февраля обрушиться на один 20-й русский корпус, который должен был совершать очень сложный маневр, имея противника с запада, севера и востока.

Командир 20-го корпуса, вероятно, из разговора с начальником штаба 27-й дивизии уяснил полную возможность для немцев занять шоссе из г. Сейны в г. Августов. Это шоссе у Махарце пересекало путь отхода на м. Сопоцкин. Поэтому командир 20-го корпуса около полудня 14 февраля

просил командира 3-го Сибирского корпуса выставить на это направление заслон достаточной силы. 15 февраля из Августова были посланы два батальона 111-го пехотного Донского полка с батареей по дороге на Махарце в м. Гибы.

К вечеру был получен приказ по корпусу на 15 февраля. 27-я дивизия, всего пять батальонов и 34 орудия, должна была выступить в 2 часа ночи 15 февраля и следовать в главных силах корпуса из г. Сувалки по шоссе на юг до ф. Устроне, где свернуть на д. Плоцично, Вально, Копайница, Махарце.

В главных силах корпуса, кроме 27-й пехотной дивизии, следовали части 28-й пехотной дивизии (пять батальонов) и 53-й пехотной дивизии. В арьергарде к юго-западу от Сувалок оставались части 28-й пехотной дивизии. Со стороны Сейны движение корпуса прикрывалось боковым авангардом в составе 1-й бригады 29-й пехотной дивизии, который должен был пройти озерную теснину Тартак (10 *км* юго-восточнее Сувалок) и следовать вдоль р. Черной Ганчи на шоссе Сейны — Августов и далее свернуть на Гибы, где он должен был удерживаться до тех пор, пока главные силы не минуют перекресток дорог у Махарце.

Уместно теперь спросить, что же делали две кавалерийские дивизии, которым 13 февраля было приказано присоединиться к 20-му корпусу и прикрывать его правый фланг? В штабе корпуса об этой коннице ничего не было слышно. Впоследствии выяснилось, что начальник конницы ген. Леонтович получил приказ командующего армией на пути в м. Олита, но двинуться прямо на юг левым берегом Немана нашел опасным: можно было столкнуться с противником, и решил переправиться через Неман и по правому берегу искать соединения с 20-м корпусом.

Следуя таким кружным путем, конница только 16 (3) февраля перешла Неман у Мереча и достигла Лейпцны (50 *км* от Махарце), где оставалась в полном бездействии.

Вечер и половина ночи прошли для 108-го полка в томительном ожидании часа выступления. Казармы, в которых отдыхал полк, долгое время не отапливались, и в них стоял неприятный сырой холод. Дров не было, да и нельзя было в несколько часов отогреть большие помещения.

Подтянув 4-й батальон с позиции, 108-й полк в назначенный час тронулся по опустевшим улицам города. На перекрестке в центре города дорогу полку пересекли части 53-й дивизии, шедшие с запада и претендовавшие на пре-

имущество в движении. Для 108-го полка вышла небольшая задержка, а в колонне 27-й дивизии — разрыв. Начало светать, когда полк выбрался наконец из города и нагнал хвост своей артиллерии. Свернули с шоссе в Августовские леса, на узкую, неудобную дорогу. Чтобы не потерять в пути походные кухни, командир полка приказал распределить их по своим ротам в расчете, что «свою» кухню солдаты вытащат из любой трясины. За полком гнали 5—6 коров, полученных распоряжением корпуса в г. Сувалки. Близ д. Гаврих-Руда опять полк столкнулся с подошедшими по другой дороге частями 53-й дивизии. На этот раз они должны были остановиться и следовать в хвосте главных сил корпуса.

Августовские леса были когда-то королевскими лесами старой Польши, они простирались почти на 100 *км* с запада на восток и около 60 *км* с севера на юг. В разных направлениях леса прорезывались несколькими старыми большими дорогами и тремя так называемыми стратегическими шоссе, которыми, по иронии судьбы, больше воспользовались немцы, чем русские. В западной части лесов было много озер, восточную часть пересекали несколько речек и Августовский канал, служивший для сплава леса. Южная опушка лесов замыкалась болотистыми долинами р. Бобр и р. Волкушек в 25 *км* от г. Гродно (схема 5 в приложении).

IV

Прорыв окружения 20-го корпуса у д. Махарце

(Схемы 5, 6 и 7 в приложении)

Движение 27-й дивизии 15 (2) февраля по лесной дороге шло медленно и наконец около 10 часов совсем остановилось. 108-й полк в это время оказался в 2—3 *км* не доходя д. Вально. Прошел по крайней мере час в полной неизвестности. Командир полка решил воспользоваться остановкой и приказал людям обедать. В это время его отыскал начальник связи штаба 27-й дивизии и передал приказание начальника дивизии прибыть лично в д. Вально. Медленно пробираясь сбоку длинной колонны артиллерии, командир полка около полудня выехал на поляну, где расположена д. Вально. Здесь, кроме начальника 27-й дивизии, остановился и командир 20-го корпуса со своим полевым штабом. Начальник штаба дивизии ознакомил командира полка с положением корпуса. Посланные вперед обозы на поляне у д. Махарце натолкнулись утром 15 (2) февраля на немцев. Начальник штаба дивизии предложил, во-первых, выставить на озерных перешейках у д. Копайница и Дановске сторожевое охранение из сводного батальона 105-го и 106-го полков, во-вторых, выбить немцев из д. Махарце, для чего направить 108-й пехотный Саратовский полк. Командир корпуса ген. Булгаков немедленно с этим согласился. Он хорошо знал 108-й полк и его командира со времени боя 7 ноября (25 октября), когда полку пришлось драться рядом с 25-й дивизией, которой в то время командовал ген. Булгаков [1]. Теперь, встретив командира полка около дома, где остановился штаб, коман-

---

[1] Во время этого боя, очень неудачного для 27-й дивизии, единственные сведения о действиях этой дивизии ген. Булгаков получал из сообщений командира 108-го полка соседнему с ним полку 25-й пехотной дивизии.

дир корпуса, не вдаваясь в пояснения, кратко поставил задачу: «Для спасения чести русской армии и 20-го корпуса надо выбить немцев из Махарце».

В дальнейшей беседе начальник 27-й дивизии предложил следующий план действий. Ночью полку с двумя батареями подойти к поляне у д. Махарце, сбить сторожевое охранение немцев, которое надо ожидать в д. Серский Ляс, а с рассветом атаковать д. Махарце, где, скорее всего, должны располагаться главные силы немцев. Со стороны д. Тоболово должны были одновременно с 108-м полком наступать части 29-й дивизии; о подробностях взаимодействия с ними следовало сговориться с начальником 29-й дивизии, который находился в д. Копайница.

Относительно общего положения корпуса и задач его командиру полка даны были только самые необходимые сведения. Было сообщено, что по северной опушке Августовских лесов двигался боковой авангард корпуса, но где он находится и где будет к утру 16 (3) февраля, никто сказать не мог. Упоминалось еще о возможности движения частей корпуса после занятия д. Махарце по шоссе на м. Гибы.

Немало прошло времени, пока шедшие впереди части, один из полков 53-й дивизии и артиллерия 27-й артиллерийской бригады, вытянулись из леса и за ними показалась голова колонны 108-го полка. После небольшого отдыха, во время которого командир полка объяснил офицерам обстановку и полученную задачу, полк с 3-й батареей 27-й артиллерийской бригады около 17 часов направился в д. Копайница, где должна была присоединиться к полку 2-я батарея с командиром 1-го дивизиона той же бригады.

В д. Копайница полк пришел, когда уже стемнело, и расположился на отдых. Командир полка немедленно разыскал начальника 29-й пехотной дивизии, который встретил его весьма любезно, и очень скоро сговорился о совместных действиях против немцев у д. Махарце. Начальник штаба дивизии тотчас же по телефону передал командиру 116-го пехотного полка в д. Тоболово приказание об атаке на рассвете д. Махарце совместно с 108-м полком. Но командир 116-го полка на это ответил, что полк его очень утомлен трудным движением. В данный момент, около 20 часов, у него в д. Тоболово собралось не более 700 человек, так что едва ли он будет в состоянии атаковать на рассвете. Скорее всего, только утром выступит из д. Тоболово. Начальнику дивизии не оставалось ничего другого,

как приказать командиру 116-го полка принять все меры, чтобы выступить из д. Тоболово как можно раньше.

Затем командир 108-го полка собрал командиров батальонов и артиллерийского дивизиона в наиболее просторной избе, где отдыхали офицеры 2-го батальона, и приступил к выработке плана предстоящих действий полка.

Сведения, или, вернее, догадки, о противнике сводились к тому, что на поляне у д. Махарце утром 15 (2) февраля была неизвестной силы немецкая пехота с артиллерией. Надо думать, что и 16 (3) февраля немцы не оставят без войск этот важный узел дорог из г. Сейны в г. Августов и из г. Сувалки в г. Гродно. Как будет расположен противник 16 (3) февраля, можно лишь предполагать на основании изучения местности по 2-верстной карте (схема 6). Селения, которые зимой неизбежно притягивают войска как укрытие от холода, и рельеф местности определяли два рубежа, на которых противник мог расположиться для боя. Первый рубеж — это д. Серский Ляс и высота с крестом в 1 *км* севернее деревни, и второй — высоты между оз. Сервы и северной опушкой леса у д. Махарце. На первом рубеже можно было ожидать встречи с передовыми частями или охранением противника; на втором — с его главными силами.

План боя можно было составить лишь в общих чертах, предполагая, что первое столкновение должно разъяснить обстановку. Первый рубеж решено было атаковать с охватом своим левым флангом, для чего левый батальон должен был занять в первую очередь высоту с крестом в 1 *км* севернее д. Серский Ляс и затем ударить на эту деревню с севера. Правый батальон должен был атаковать эту деревню с фронта. Остальные два батальона должны были наступать во втором эшелоне. Позицию противника у д. Махарце намечалось охватить правым флангом через оз. Сервы и развернуть против нее для сильного удара по меньшей мере три батальона. В сильном резерве полк не нуждался, так как за ним стояли прочие части корпуса.

План боя выражал приемы той линейной тактики, которая господствовала в русской и германской армиях в начале мировой войны. Как при наступлении, так и при обороне войска стремились развернуть сильные боевые части для достижения наибольшей силы ружейного огня, резервы от $^1/_4$ до $^1/_3$ всего отряда назначались для развития успеха боевой части, а при обороне для усиления ее.

Контратаки в обороне не получили большого развития, так как при отсутствии опорных пунктов в глубине боевая

часть, прорванная в одном месте, отступала не задерживаясь. Только позиционная война с ее глубоко развитыми линиями окопов обороняющегося заставила и наступающего строить на участке главного удара глубокий боевой порядок.

Командир полка приказал начальнику пулеметной команды все пулеметы с самого начала боя выдвинуть в стрелковые цепи, что раньше в полку не применялось.

В русской армии перед мировой войной тактика пулеметов не была еще вполне разработана. Если при обороне, когда задачи для пулеметов были просты и ясны, они применялись довольно широко, то при наступлении пулеметам не умели еще ставить правильных задач и они нередко оставались в резервах. Только при наличии удобных высот, которые ясно указывали на возможность безопасной стрельбы через головы, пулеметы использовались для поддержки наступающих. В бою 7 ноября 1914 г. один из ротных командиров, бывший начальник пулеметной команды, заметил, что при наступлении немецкие станковые пулеметы держались в стрелковых цепях, а при перебежках часто первыми перебегали на новую позицию и своим огнем прикрывали перебегающих стрелков. Надо вспомнить, что в то время в пехоте не было ручных пулеметов, но, вместе с тем, не было батальонных или полковых пушек, т. е. главных современных врагов станкового пулемета. Когда это наблюдение было сообщено командиру полка, он вывел заключение, что в ближайшем бою необходимо и в своем полку применить этот прием, т. е. не держать пулеметы при резервах, а смело выдвигать в боевую линию. Теперь представился первый случай привести это решение в исполнение.

Командир полка первоначально остановился на том порядке действий, какой предложил начальник дивизии: выступить ночью с таким расчетом, чтобы сбить еще в темноте охранение противника, а затем для дальнейшего наступления выждать полного рассвета с целью атаковать главные силы немцев уже с поддержкой артиллерийского огня.

Полку предстояло сначала ночью пройти около 4 *км* по узкой занесенной снегом лесной дороге, что должно было потребовать около 2 часов, затем скрытно развернуться на опушке леса и атаковать д. Серский Ляс. Командир полка решил выступить из д. Копайница в 22 часа, чтобы первую атаку произвести в середине ночи.

Порядок движения принят следующий. Впереди авангард — 2-й батальон с двумя пулеметами. Это был луч-

ший батальон в полку. Ротами командовали молодые офицеры, заменившие старых капитанов, убывших по болезни или ранению. Командовал батальоном подполковник, только что произведенный в этот чин, отличавшийся храбростью, знанием дела и богатым боевым опытом. Он раньше служил в одном из восточно-сибирских стрелковых полков и участвовал в борьбе с китайцами (боксерами) в 1900 г. и затем в русско-японской войне 1904—1905 гг. Он с большим успехом заменил за четыре месяца до настоящего боя подполковника, уволенного в отставку.

За авангардом в расстоянии 2 *км* должны были следовать главные силы в таком порядке: 3-й батальон с остальными 6 пулеметами полка, затем 2-я и 3-я батареи, а за ними 1-й и 4-й батальоны. Походные кухни и патроннные двуколки, составлявшие весь обоз 1-го разряда, должны были оставаться в д. Копайница до наступления дня. Для устройства перевязочного пункта в полку имелся один врач почти без всяких санитарных средств и ротные фельдшера с их санитарными сумками.

Когда приказ был отдан и оставалось около часа для отдыха, командир 2-го батальона, обсудив полученную задачу с офицерами батальона, предложил командиру полка несколько изменить план действий. Он советовал атаку на предполагаемое охранение немцев произвести не среди ночи, а на рассвете, и непосредственно по овладении д. Серский Ляс повести наступление на д. Махарце. При выполнении плана, намеченного командиром полка, атака на д. Серский Ляс предупреждала немцев у д. Махарце, и они получали время приготовиться к встрече полка. В пользу нового предложения говорило еще одно обстоятельство — можно было выступить из д. Копайница значительно позже и, следовательно, дать больше времени для отдыха перед боем, в чем, без сомнения, нуждались люди полка, целые сутки пробывшие на ногах. Доводы в пользу предположения командира 2-го батальона были просты и убедительны, командир полка вполне согласился с ними, тем более, что никаких изменений, кроме другого часа выступления, не требовалось.

Об изменении плана действий командир полка лично сообщил начальнику штаба 29-й дивизии с просьбой передать об этом командиру 116-го полка, а начальник связи полка доложил о том же по телефону сторожевого охранения начальнику штаба 27-й дивизии. Последний скоро ответил, что начальник дивизии вполне согласен на такое изменение плана.

Выступление полка было теперь назначено в 1 час ночи 16 (3) февраля. Немалого труда стоило офицерам разыскать и разбудить своих солдат, забравшихся для отдыха в комнаты, в сени, на чердаки домов и в сараи небольшой деревушки. Перед самым выступлением командир полка приказал офицерам разъяснить в ротах всем солдатам смысл предстоящих действий полка, т. е. необходимость во что бы то ни стало выбить немцев из д. Махарце и открыть дорогу корпусу из окружения.

При всей неизвестности обстановки среди командного состава господствовала уверенность в удаче предприятия; надо было передать эту уверенность и рядовому составу. Последующие действия показали, что в значительной степени этого удалось достичь.

В 1 час ночи тронулся авангард с проводником из местных крестьян. Выйдя на старую дорогу из г. Августов, авангард должен был свернуть по ней на д. Подсерский Ляс (два-три дома на опушке леса). Через полчаса потянулись и главные силы полка. Дорога была узкая, с трудом можно было итти по четыре в ряд. По сторонам дороги высокой стеной поднимались вековые сосны Августовских лесов.

На перекрестке проселка и старой заброшенной дороги из г. Августова командир полка остановился и приказал устраивать здесь командный пункт полка. Знаменный взвод [1] вытоптал в снегу площадку, телефонисты поставили телефоны штаба полка и артиллерийского дивизиона и потянули провод к авангарду. Скоро запылал большой костер для освещения и обогревания.

3-й батальон был тотчас же направлен по продолжению проселка из д. Копайница на шоссе для того, чтобы развернуться правей 2-го батальона против д. Серский Ляс. Батареи разделились: 3-я направилась по левой дороге ко 2-му батальону, а 2-я — по правой дороге к 3-му батальону. Командир полка предложил артиллеристам действовать «без строгих правил» своего искусства, а просто поставить орудия на опушке леса против д. Серский Ляс. Батареи стали на открытые позиции на опушке, замаскировав орудия срубленными хвойными ветвями.

В 5 часов командир полка получил первое донесение от начальника авангарда. Он благополучно достиг д. Подсер-

---

[1] Взвод был заведен в полку сверх штата для охраны штаба полка и полкового знамени. В состав его входили также 16 посыльных от рот для связи.

ский Ляс. Шедшие впереди разведывательные партии захватили два немецких поста в домах деревни; часть немцев в схватке была перебита, причем было сделано немцами несколько ружейных выстрелов. Четыре пленных немца были доставлены в штаб полка вместе с донесением. Немцы имели очень угрюмый вид; их захватили в избе, где они спали. От них можно было узнать только, что они 17-го пехотного полка, 42-й дивизии, 21-го корпуса, их полк накануне ушел в г. Августов, 15 (2) февраля немцы у д. Махарце разбили русских, на погонах у которых была цифра 111. Это был, как потом стало известно командиру полка, тот заслон, в составе двух батальонов 111-го пехотного Донского полка с батареей, который, по просьбе командира 20-го корпуса, был выслан из г. Августова на м. Гибы для прикрытия пути отхода корпуса через д. Махарце. Кто ночует в д. Серский Ляс, узнать от пленных не удалось: они отвечали неопределенно, что главные силы где-то за шоссе.

Постепенно подтягивались остальные батальоны и направлялись во 2-й эшелон; 1-й пошел влево — за 2-м батальоном, 4-й — вправо — за 3-м батальоном. Все передвижения происходили в полной тишине, без малейшего замешательства. У немцев все было тихо: очевидно, захват постов оставался для противника неизвестным. За 3-м батальоном от штаба полка потянули телефон. К рассвету прибыла телефонная станция штаба дивизии, которая должна была связать полк с д. Копайница, куда утром предполагал перейти штаб дивизии.

К 6 часам все были на своих местах. Выждав еще полчаса, когда настолько рассвело, что можно было с опушки поляны различить дома в д. Серский Ляс, командир полка приказал артиллерии открыть огонь, а пехоте наступать.

Через 20—25 минут командир 2-го батальона доносил, что батальон без боя достиг высоты с крестом и направляется на д. Серский Ляс. Одна рота (5-я) батальона была оставлена близ опушки леса фронтом на д. Махарце. 3-й батальон тотчас после выхода из леса был встречен ружейным, а затем и пулеметным огнем, и наступление его приостановилось. Немцы стреляли из окон домов, с сараев и из-за заборов деревни. Командир батальона доносил, что огонь немцев очень сильный. В ответ на это командир полка указал, что артиллерия сейчас усилит огонь по немцам, а 2-й батальон охватывает деревню с севера, поэтому 3-му батальону надо энергично наступать. Несмотря на

сильную поддержку артиллерии, которая вела огонь по д. Серский Ляс с прицелом 18, т. е. с расстояния 770 *м*, 3-й батальон наступал очень медленно: открытое снежное поле не давало стрелкам никаких укрытий.

У противника появились в это время две батареи (всего 10 орудий), которые стали на позиции за д. Серский Ляс и поражали роты 3-го батальона. Однако эти орудия были замечены командиром 3-й батареи, который устроил свой наблюдательный пункт на дереве. Обстреляв немецкие орудия с прицелом 50 (около 2 *км*), командир батареи скоро привел их к молчанию. В дальнейшем ходе боя они были брошены своей прислугой и попали в руки русских.

Для поддержки правого фланга командир полка приказал 4-му батальону развернуться правее 3-го и наступать вдоль шоссе. 1-му батальону еще раньше, в 8 час. 45 мин., было послано приказание наступать лесом, левее 2-го батальона, на д. Махарце для охвата правого фланга противника. По наблюдениям командира 2-го батальона, первое время у д. Махарце появились только две роты противника с двумя пулеметами.

Тем временем настал яркий солнечный день с легким морозом. Около 9 часов к командному пункту 108-го полка подошла голова сводного батальона 105-го и 106-го полков с 11 пулеметами, под начальством командира 106-го полка, так как большинство состава батальона принадлежало этому полку. К этому батальону откуда-то присоединились две роты Ирбитского полка 84-й пехотной дивизии [1]. Батальон был направлен начальником дивизии из сторожевого охранения у д. Копайница в распоряжение командира 108-го пехотного полка, который приказал батальону выйти к шоссе на г. Августов и наступать за правым флангом 108-го полка.

Между 9 и 10 часами утра саратовцы ворвались в д. Серский Ляс. Немцы местами держались упорно в домах деревни. Недалеко от деревни был смертельно контужен разорвавшимся поблизости снарядом командир 3-го батальона, перебегавший вместе со своим резервом. В деревне было взято в плен много немцев 131-го германского полка и саперная рота в полном составе с 3 офицерами и врачом. Командир ее на вопросы командира 108-го полка рассказал,

[1] На следующий день эти роты незаметно отделились от 108-го полка. Через несколько месяцев от начальника штаба 27-й дивизии, переведенного к тому времени в Ирбитский полк, командир 108-го полка узнал, что эти роты лесом пробрались к шоссе из г. Августов в г. Гродно и вышли из окружения к своей дивизии.

что рота только утром прибыла в д. Серский Ляс, и где находятся другие немецкие части, он не знает.

Значительная часть немцев, оборонявших деревню, бросилась отступать на д. Махарце; за ними дружно устремились батальоны 108-го и 106-го полков на фронте около 3 *км*. 19 пулеметов наступали в цепях, останавливаясь на короткое время для обстрела бегущих немцев. Большинство их было перебито; трупы убитых усеяли равнину между д. Серский Ляс и Махарце. По свидетельству немецкого писателя Редерна, поле сражения еще несколько недель спустя представляло ужасный вид.

Вслед за пехотой и русские батареи, усиленные к тому времени еще одной, переехали на новые позиции за д. Серский Ляс и открыли огонь по немецкой пехоте, которая появилась у д. Махарце и на опушках леса по сторонам деревни, а также по новой немецкой батарее, которая стала к юго-востоку от деревни.

На позиции у д. Махарце к этому времени развернулся весь 138-й пехотный полк 42-й германской дивизии. Эта дивизия сильно растянулась, головная ее 65-я бригада дралась у г. Августов, имея некоторые части в д. Серский Ляс, а другая (59-я) бригада, в том числе 138-й полк, в ночь на 15 (2) февраля оставалась далеко позади, в 5—6 *км* от д. Махарце по шоссе на г. Сейны. В эту ночь немцы этой бригады имели столкновение с боковым авангардом 20-го корпуса, который прорвался через занятые немцами деревни на юго-восток. По всей вероятности, это ночное и совершенно случайное для немцев столкновение было причиной столь позднего появления 138-го полка на поле сражения у д. Махарце. Можно думать, что полк прибыл в потрепанном виде; это выразилось в том, что он сразу перешел к обороне, тогда как обстановка требовала наступления.

В то время как командир 108-го полка около 10 час. 30 мин. переходил на новый командный пункт, на опушку леса близ шоссе, он получил тревожное донесение, что по шоссе со стороны г. Августов наступают немцы. Прибывший на поле боя начальник штаба 27-й дивизии немедленно отправился на шоссе и, скоро вернувшись, сообщил, что со стороны г. Августов только доносится шум пехотного боя, но он все-таки распорядился поставить одну роту 106-го полка с орудием 2-й батареи поперек шоссе фронтом на г. Августов. Вслед за тем был послан в направлении к этому городу офицерский разъезд из казачьей сотни, состоявшей при дивизии. Начальник разъезда вернулся очень

скоро и доложил командиру 108-го полка, что в 5—6 *км* он видел немецкие цепи по сторонам шоссе, ведущие бой фронтом на г. Августов.

Около 10 часов с левого фланга 108-го полка по телефону донесли, что занята д. Махарце, но через 15—20 минут выяснилось, что произошло недоразумение. 1-м батальоном была занята не самая деревня, а несколько отдельных дворов на северной опушке леса, принадлежащих к д. Махарце. Между тем столь важное известие было сообщено по телефону в штаб дивизии, и отмена его вызвала большие упреки командиру 108-го полка со стороны начальника дивизии. В действительности немцы усилились у д. Махарце, распространились по опушке леса южней деревни и сильным ружейным и пулеметным огнем задерживали наступление русских. Командир 108-го полка приказал сводному батальону войти в боевую линию и наступать вдоль шоссе между 3-м и 4-м батальонами 108-го полка, так как последний сильно подался вправо и наступал через северную часть д. Дальний Ляс. В то же время артиллерии было приказано направить весь огонь против немцев, задерживающих правый фланг полка.

Вблизи от позиции 2-й батареи артиллеристы нашли две русские пушки, брошенные отрядом 111-го полка, дравшимся здесь накануне. Пушки были вполне исправные, с зарядными ящиками, наполненными снарядами. Для одного орудия старший офицер 2-й батареи взял передок с упряжкой от своего пустого зарядного ящика и направился с этим орудием по шоссе для непосредственной поддержки наступающей пехоты. Почти не отставая от стрелковых цепей, это смелое орудие переменило несколько позиций и, несмотря на совершенно открытое движение и такие же позиции, успешно выполнило взятую на себя задачу. Последними выстрелами по немецкой батарее орудие не позволило немцам взять свои пушки на передки и увезти с позиции при отступлении пехоты. Таким образом, это орудие, пользуясь благоприятными условиями, блестяще выполнило ту задачу, для решения которой в настоящее время введены в пехоту батальонные и полковые пушки.

В разгар наступления русских на д. Махарце со стороны г. Августов появилась на шоссе легкая немецкая повозка, конвоируемая двумя кавалеристами. Попытка немцев прорваться к д. Махарце была остановлена несколькими выстрелами роты, поставленной заслоном на шоссе, и все немцы попали в плен. На повозке оказался командир 131-го германского полка, легко раненный в ногу. Когда

его привели к командиру 108-го полка, он просил на французском языке разрешения оставить при нем его вестового. Оба они были направлены в штаб дивизии в д. Копайница. Немецкий полковник, пока еще был на шоссе, видел смелое наступление русских цепей и не мог удержаться от восхищения. «Вероятно, это наступает русская гвардия?» — задал он вопрос и был удивлен, узнав, что это простые армейские полки.

4-й батальон в своем наступлении с двумя пулеметами на правом фланге боевого порядка скоро подошел к берегу оз. Сервы. Немцы усиленно обстреливали батальон ружейным и пулеметным огнем. Лед на озере местами посинел, но был еще крепким. Руководимые молодым, энергичным командиром 13-й роты, так как старый капитан, командующий батальоном, отстал, 13, 14 и 15-я роты 4-го батальона, одна рота Ирбитского полка и пулеметы, с которыми был начальник пулеметной команды, смело спустились на лед и бегом направились к восточному берегу. 16-я рота осталась в прикрытии батарей у д. Дальний Ляс. К приятному изумлению стрелков, весь поток немецких пуль стал безвредно проноситься над их головами. Выбравшись на противоположный берег, батальон оказался в д. Маловисте, восточнее которой немцы занимали опушку леса. Выбив немцев из опушки и взяв несколько пленных, роты повернули на север и скоро оказались на фланге и даже в тылу немцев, еще державшихся западнее д. Махарце. Зайти в тыл деревни роты не могли, так как уже трижды подвергались огню своей артиллерии, обстреливавшей весь тыл немцев, а установить связь с батареями не удалось.

В то время в русской артиллерии не было отделений связи с пехотой, а передовых наблюдателей в стрелковые цепи при наступлении тоже не высылали, отчего непосредственная связь артиллерии с передовой линией пехоты часто отсутствовала.

В это же время на левом фланге удачно наступал 2-й батальон, придерживаясь дороги от высоты с крестом на д. Махарце. Крайняя 5-я рота следовала вдоль опушки леса. При перебежке одной совершенно открытой высоты она потеряла почти половину состава от огня немецкого пулемета, но часть роты, успевшая во главе с командиром роты перебежать благополучно, продолжала наступать. Около выхода из леса, на дороге в д. Тоболово, к 5-й роте присоединилось несколько десятков солдат 116-го полка, по некоторым сведениям — до роты. По всей вероятности,

это выдвинулась вперед сторожевая рота, потому что 116-й полк так и не появился до конца боя на поле сражения. Группа солдат, увлекаемая командиром 5-й роты, ворвалась с севера в д. Махарце и вышла на ее юго-восточную окраину. Невдалеке от деревни стояла немецкая батарея. Немцы старались ее увезти, но, осыпаемые ружейными пулями и шрапнелью, вынуждены были бросить ее и спасаться бегством в лес. При этом был ранен в грудь командир 5-й роты.

Охваченные с обоих флангов, немцы у д. Махарце около 15 часов начали спешно отступать в лес по направлению шоссе на г. Сейны. Наступавшие с фронта русские цепи заняли высоты между оз. Сервы и лесом на западе и дальше не пошли, ограничившись преследованием немцев ружейным и пулеметным огнем. В д. Махарце были захвачены в плен солдаты 138-го пехотного германского полка и 3 орудия. Еще раньше было захвачено 10 орудий, оставленных немцами между д. Серский Ляс и Махарце.

Несколько разобравшись, перепутавшиеся части четырех полков начали окапываться, на случай появления новых частей немцев. И действительно, около 16 часов на дороге вдоль восточного берега оз. Сервы появилась походная колонна немцев, двигавшаяся на север. Немедленно против нее был направлен огонь артиллерии, усиленной к этому времени гаубичной батареей, ставшей у д. Серский Ляс, и пулеметов (на предельное расстояние) 4-го батальона, роты которого начали перестраиваться для наступления на юг. Немцы, рассчитывая, вероятно, найти в д. Махарце свои части, на поддержку которых они спешили, были так поражены неожиданной встречей с русскими, что, не развертываясь, шарахнулись в лес и скоро скрылись в восточном направлении. 4-му батальону удалось захватить в плен только передовой дозор противника. При опросе командиром полка три молодые, здоровые немца из дозора рассказали, что они 97-го пехотного полка, 42-й дивизии, 21-го корпуса. Только 12 дней назад они были во Франции под г. Аррас, откуда их спешно перевезли в Восточную Пруссию, и прямо из вагонов они попали в наступление.

Итак, к вечеру 16 (3) февраля задача, поставленная командиром 20-го корпуса 108-му полку, была выполнена. Немцы, более бригады пехоты, были выбиты из д. Махарце, и дорога для отхода корпуса на м. Сопоцкин была освобождена. Трофеями 108-го полка были около 700 человек пленных, 13 орудий и 2 пулемета.

У кого-то из пленных или убитых нашли и представили командиру 108-го полка приказ по 42-й пехотной германской дивизии на 16 февраля, написанный очень четко карандашом на двух листках отличного полевого блокнота. В начале приказа стояло: «Три русских корпуса еще стоят на линии Сувалки, Августов, окружение их должно быть завершено («vollendet werden»)». Далее указывалось расположение полков 42-й дивизии, общий смысл которого заключался в том, чтобы перехватить дороги, идущие из г. Августов на г. Сейны и м. Сопоцкин. На первой дороге должен был стать 138-й пехотный полк у д. Махарце, на второй — 97-й пехотный полк у южного конца оз. Сервы. Положение соседей в приказе не было указано. Этот случайный или умышленный пропуск не позволил узнать, где находились другие части 21-го германского корпуса. Из приказа также не было видно, какой силы были немецкие части в д. Серский Ляс [1].

В кратком очерке Редерна «Зимнее сражение в Мазурии», составленном в 1918 г. на основании официальных источников, говорится, что 65-я бригада 42-й пехотной дивизии, 17-й и 131-й полки успели еще 15 февраля пройти через д. Махарце к г. Августов, где им пришлось драться с войсками 26-го русского корпуса. В д. Серский Ляс был оставлен перевязочный пункт 65-й бригады, и 16 февраля против русских дрались только раненые и саперная рота. Далее, при изложении боя у д. Махарце автор считает, что против русских действовала вся 59-я пехотная бригада 42-й дивизии и позади оставшиеся части 65-й бригады. Так как пленные 65-й бригады, 17-го и 131-го полков были взяты только в д. Серский Ляс, то, скорее всего, оставшиеся части этой бригады и были в этой деревне. Общее количество их было не меньше батальона: на это указывают 2 пулемета, которые у немцев обычно придавались батальону, и затем большое число убитых немцев при отступлении. Осматривавший на другой день поле сражения начальник связи 108-го полка насчитал более 300 трупов. При этом в д. Серский Ляс никакого санитарного персонала, а также ни одной санитарной повозки не было найдено, а уйти во время боя они не могли, раненых немцев 131-го полка в домах нашли не более 30—40 человек.

В VII томе «Мировая война» (изд. германского Рейхсархива, 1931 г., стр. 221, 222) говорится, что 15 февраля

---

[1] Приказ был взят для перевода начальником 27-й дивизии и попал вместе с ним в плен.

у д. Махарце были расположены один батальон, оставленный 65-й бригадой, и два батальона с 3 батареями, выдвинутые 59-й бригадой 42-й дивизии; бóльшая часть последней бригады оставалась на дороге Сейны — Махарце. О том, что 16 февраля на помощь атакованным частям у Махарце поспешили остальные части 59-й бригады, в частности 97-й полк, не упоминается вовсе.

У пленных находили много карт Франции, а из карт России только издание военного времени одноцветной карты восточной Европы 1 : 300 000. Один из пленных сам отдал захваченное им во Франции знамя пожарной дружины г. Аленкур на р. Эн. Знамя было очень похоже на военное, из трехцветного шелка, с золотой бахромой; на нем были вышиты золотом инициалы Французской республики и название дружины.

По окончании боя командир 108-го полка отправился по шоссе к д. Махарце. На шоссе и около него валялись русские повозки, разбитые немцами после захвата их 15 (2) февраля, и много немецких трупов. Люди 105, 106 и 108-го полков все еще были очень перемешаны, и, когда пыл боя прошел, у всех чувствовалось сильное утомление. Офицеры просили о смене и отдыхе, указывая на то, что сзади 108-го полка двигалось много других частей корпуса.

Возвращаясь в д. Серский Ляс, командир 108-го полка наблюдал движение обозов 20-го корпуса по дороге в д. Дальний Ляс.

Увидев повозки какого-то госпиталя, командир полка обратился к начальнику его с просьбой взять раненых полка, но врач ответил, что у него нет свободных повозок — все заняты личным персоналом и вещами госпиталя, — поэтому он не может взять ни одного человека. Общее число раненых в отряде было около 200 человек, им была оказана первоначальная помощь ротными фельдшерами и врачом полка, и всех их собрали и поместили в домах д. Серский Ляс.

Как только был установлен телефон штаба 27-й дивизии в одном из наиболее просторных домов д. Серский Ляс, для чего начальнику штаба дивизии пришлось выселить весело закусывавших офицеров и чиновников какого-то транспорта, командир 108-го полка просил передать начальнику дивизии, все еще остававшемуся в д. Копайница, просьбу о смене полков на позиции у д. Махарце частями другой дивизии. Сначала был получен отказ. Тогда командир полка лично переговорил с начальником дивизии,

настоятельно указывая на необходимость отдыха для истомленных людей, которым, может быть, предстоит еще боевая работа на следующий день. Начальник дивизии после этого отправился к командиру корпуса и скоро вернулся с ответом, что последний охотно соглашается на просьбу командира Саратовского полка и приказывает 209-му пехотному Богородскому полку сменить части 27-й дивизии. К 22 часам вечера батальоны 105, 106 и 108-го полков расположились на отдых в д. Серский Ляс. К сожалению, отдых в этой деревне оказался плохим. Жители еще до боя оставили деревню и скрылись в леса. Дома были нетоплены, многие из них были заняты ранеными, русскими и немцами, на долю 108-го полка и его боевых товарищей осталось очень мало жилых домов. Штаб 108-го полка после долгих поисков расположился наконец в доме, выбранном для штаба дивизии, который за поздним временем решил остаться в д. Копайница.

Успех боя у д. Махарце был воспринят всеми в 20-м корпусе как прорыв на свободную дорогу в г. Гродно, как крушение немецкого плана окружить корпус и взять его в плен. В действительности поражение одной пехотной бригады только на время спутало карты немцев. На сильно зарвавшемся к югу правом фланге 10-й германской армии образовался большой разрыв. От г. Сувалки, перед которым стоял в бездействии 39-й корпус, до м. Сопоцкин, которое 15 февраля заняла 31-я пехотная дивизия, на протяжении 50 *км* находились жалкие остатки 59-й бригады, около 250 человек, которым поручено прикрывать г. Сейны. Для 20-го русского корпуса открывался свободный путь на восток, к р. Неман, но командир корпуса не знал настоящего положения немцев, он думал только об отходе на м. Сопоцкин. Однако, в точности выполняя приказ командующего армией, корпус должен был сначала наступать через д. Махарце на м. Гибы и только затем начать отход. Если бы этот приказ был выполнен, то 17 февраля главные силы корпуса были бы в м. Гибы, где узнали бы о движении 31-й германской дивизии на Сопоцкин. Командир корпуса вновь был бы поставлен перед решениями — итти на восток или на юг. Может быть, на этот раз он и выбрал бы прямую дорогу к переправам через р. Неман.

Положение 20-го корпуса, даже при условии, что командир его не знал еще о занятии немцами м. Сопоцкин, продолжало оставаться опасным. С севера и запада наступали войска противника, и уже вечером 16 (3) февраля немцы появились перед д. Тоболово. Это была 78-я пехотная

дивизия, посланная командиром 39-го корпуса на помощь 42-й дивизии. Русским надо было спешить оторваться от противника и уходить на юг и юго-восток. Но бо́льшая часть войск 20-го корпуса весь день 17 (4) февраля стояла на месте, и результаты победы у д. Махарце были потеряны.

Для 108-го полка бой у д. Махарце был серьезным боевым испытанием, которое он выдержал с честью, но в то же время это была его последняя, «лебединая песня». Потери полка были не очень велики, около 300 человек, в том числе 7 офицеров. Но при наступлении большей частью выбывают из строя наиболее энергичные командиры и солдаты, идущие впереди и увлекающие солдатскую массу. Это так называемое «обескровление» полка очень скоро сказалось на последующих его действиях.

V

Окружение 20-го корпуса при выходе из Августовских лесов

(Схемы 6 в приложении и 8)

В то время как 20-й корпус открывал себе дорогу в Сопоцкин боем у Махарце, соседние корпуса, 26-й армейский и 3-й Сибирский, в течение 16 (3) февраля отходили к Августову, где им пришлось отбиваться от немцев, наступавших с северо-запада, запада и, наконец, с востока от 65-й бригады 42-й германской дивизии, подошедшей из Сейны через Махарце. С наступлением темноты войска этих корпусов продолжали с боями отход на переправы через р. Бобр: у Штабина 3-й Сибирский корпус и у Ястржембны — 26-й.

Штабы 10-й армии и Северо-западного фронта все еще не разгадали маневра германцев и теперь стали сильно опасаться за безопасность Варшавской железной дороги на участке Белосток — Гродно, хотя р. Бобр весной представляла непреодолимую преграду и надежно прикрывала этот участок. Прибывающие на помощь 10-й армии корпуса высаживались: 15-й в крепости Гродно, 2-й — в Белостоке.

О 20-м корпусе никаких сведений в штабе 10-й армии не имелось; за отсутствием исправных самолетов высылались на разведку разъезды, но они всюду натыкались на германские войска.

В штабе верховного главнокомандующего явилась мысль направить еще третий корпус на помощь 10-й армии и высадить его на ст. Олита, откуда он должен был наступать в тыл 10-й германской армии, что, конечно, должно было заставить ее под ударами с фронта и тыла уходить поспешно в Восточную Пруссию. Но операция широкого размаха была не по плечу высшему русскому командованию, и смелая мысль не получила осуществления.

Германцы все время опасались удара со стороны Немана и держали в тылу заслонами на восток ландверную диви-

зию, резервную бригаду и кавалерийскую дивизию, а затем, при углублении в Августовские леса, оставили на северной опушке их целую дивизию, 77-ю, 39-го корпуса.

В 20-м корпусе весь день 17 февраля ушел на вытягивание обозов по дороге на д. Чарны-Брод и отход частей 28-й дивизии, прикрывавших с запада движение корпуса из Сувалок к Махарце; в дальнейшем эти части должны были составить арьергард корпуса у д. Горчица.

Утром 17 (4) февраля 108-му полку было приказано перейти в д. Дальний Ляс, где полк и расположился на отдых, составляя резерв 209-го полка, охранявшего в качестве арьергарда поляну у д. Махарце с северо-востока. Командир 108-го полка, по совету начальника штаба 27-й дивизии, остался близ штаба 209-го полка в одном из южных домов д. Серский Ляс.

Весь этот день на поляне у д. Махарце прошел спокойно. В стороне д. Тоболово временами слышалась артиллерийская стрельба. В штабе 209-го полка всех интересовал вопрос — удастся корпусу выйти из Августовских лесов или нет. Командир 108-го полка высказал мысль, что многое зависит от того, где находится другая дивизия 21-го германского корпуса: если она действует западнее 42-й пехотной дивизии, т. е. ближе к г. Сувалки, то 20-й корпус выйдет свободно из окружения; если же эта дивизия двигается восточнее 42-й, то дорога корпусу из лесов в г. Гродно будет отрезана. Разрешение этого вопроса должно было составлять задачу для разведки 20-го корпуса в восточном направлении. Впоследствии командир 108-го полка узнал, что 17 (4) февраля в штабе 20-го корпуса было известно, какая именно германская дивизия находилась западнее 42-й дивизии; это была 78-я пехотная дивизия не 21-го, а 38-го германского корпуса, наступавшая на д. Тоболово, но вопрос о том, где находится другая дивизия 21-го германского корпуса, никто не поднимал, и никакой разведки к востоку не высылалось, хотя конницы для этого при штабе 20-го корпуса имелось достаточно.

Отсутствие обоза и каких-либо местных перевозочных средств вынуждало оставить в д. Серский Ляс всех раненых 27-й дивизии. Командир 108-го полка вызвал старосту деревни и хозяев домов, где лежали раненые, и просил их заботиться как о русских, так и о немецких раненых; на расходы по довольствию раненых командиром полка были даны сохранившиеся у него 150 руб. Для ухода за ранеными были оставлены два или три ротных фельдшера.

Благодаря походным кухням 108-й полк получил в этот день обед (суп с макаронами), но хлеб оставался только у немногих солдат, у местных жителей его не имелось, а сухари неприкосновенного запаса были давно съедены у большинства еще до выступления из м. Вальтеркемен. В царской армии отсутствие должного внимания к сохранению неприкосновенного запаса (сухари и консервы) у солдат было весьма распространенным явлением, хотя еще в русско-японскую войну было замечено, что солдаты съедали его очень скоро по получении. В следующую зиму 1915—1916 гг. во время стоянки 108-го полка в глухой части Полесья командир полка приказал не раздавать на руки солдатам неприкосновенный запас, а хранить его в личных мешочках в особом складе близ штаба полка. Запас был роздан солдатам только перед выступлением из Полесья на север весной 1916 г. Конечно, этот прием можно было использовать только при полной уверенности в том, что противник не будет неожиданно наступать на занятый полком участок. Главным средством сохранения неприкосновенного запаса остается внушение каждому бойцу сознания крепко хранить запас на черный день и постоянное наблюдение за этим командиров, начиная с самого младшего.

День 17 (4) февраля после волнений вчерашнего боя тянулся в бездействии очень медленно. В 108-м полку возбудило интерес исчезновение во время боя 16 февраля командира 4-й роты и младшего офицера, которых не оказывалось в числе убитых или раненых. Опросом солдат роты удалось выяснить, что когда 1-й батальон наступал вдоль опушки леса, со стороны немцев была произведена небольшая контратака из леса, во время которой исчезли эти два офицера и несколько солдат. Впоследствии выяснилось, что офицеры попали в плен, причем один из них был ранен.

Около 16 часов в д. Серский Ляс прибыл офицер с донесением командиру корпуса от начальника бокового авангарда корпуса, который был выслан еще 15 (2) февраля из Сувалок — через озерную теснину у д. Тартак вдоль р. Черная Ганча.

Действия этого авангарда представляют интерес в отношении связи их с действиями главных сил. На своем пути авангард столкнулся с непредвиденными задачами, которые ему пришлось решать самостоятельно. К вечеру 15 (2) февраля он достиг д. Татарчиска в 2 *км* севернее шоссе из г. Сейны в г. Августов (см. схему 6). Разведка выяснила

присутствие небольших частей немцев к северо-востоку, в сторону г. Сейны. От пленных узнали, что большие силы стоят далеко позади. Очевидно, речь шла о 39-м германском корпусе у м. Краснополь. Впереди авангарда д. Глембокий брод и Фронцки были заняты немцами, т. е. противник был на шоссе, идущем наперерез пути главных сил корпуса, и с той стороны, с которой боковой авангард должен прикрывать эти главные силы. Как действовал боковой авангард? Вместо того чтобы атаковать противника у Глембокий брод и стать заслоном к г. Сейны, авангард ночью перешел на восточный берег р. Черная Ганча, прорвался через д. Фронцки и к утру 16 (3) февраля достиг д. Околок, в 5 *км* от шоссе, по которому немцы свободно прошли к д. Махарце.

16 (3) февраля боковой авангард в д. Околок, в 8 *км* от д. Махарце, слышал гул горячего боя у этой деревни. От своей разведки он получил сведения (неверные), что немцы двигаются от м. Гибы (где их не было) к Августовскому каналу. Боковой авангард решил уйти на юго-восток, перешел канал и дорогу корпуса на м. Сопоцкин и остановился в 2 *км* к югу от нее в д. Грушки, т. е. ушел за 20 *км* от места боя у д. Махарце.

Здесь интересно вспомнить положение частей 20-го корпуса около д. Махарце утром 16 (3) февраля. К северо-западу в 5 *км* стоял 116-й полк, к востоку в 8 *км* — 113-й и 114-й полки бокового авангарда, с запада на опушке поляны — 108-й полк. 59-я бригада 42-й германской дивизии была окружена с трех сторон; оставалось трем русским отрядам перейти в наступление и взять ее в плен. 116-й и 108-й полки имели на это даже прямой приказ. Но немцы были атакованы только с запада 108-м полком, и хотя были разбиты, но остатки бригады ушли свободно на северо-восток.

Налицо столь часто встречавшееся в царской армии отсутствие понимания общего положения корпуса и простой товарищеской выручки, или, вернее, взаимодействия соседей.

Расспросив офицера о положении бокового авангарда, командир 108-го полка направил его в д. Серво, куда, по сведениям, перебрался штаб 20-го корпуса, а сам поспешил в д. Дальний Ляс к полку в предположении, что командир корпуса задерживал войска у д. Махарце потому, что хотел выждать прибытия бокового авангарда, и теперь надо ждать приказа о выступлении. По той или иной причине около 17 часов был получен приказ о движении на м. Со-

поцкин вдоль Августовского канала. 108-й полк следовал в главных силах корпуса.

Как раз в то время, как 108-й полк начал движение из д. Дальний Ляс, немцы, оттеснив русских из д. Тоболово, вышли на северную опушку поляны у д. Махарце. Одна немецкая батарея выехала на открытую позицию на опушке леса и открыла беспорядочный огонь по д. Дальний Ляс. Стоявший на позиции 1-й дивизион 27-й артиллерийской бригады немедленно открыл по ней огонь и заставил ее замолчать. Под прикрытием артиллерийского огня 209-й полк и батареи дивизиона легко оторвались от противника и последовали за 108-м полком.

У д. Горчица 108-й полк встретился с частями 28-й дивизии (110-й и 112-й полки), которые пришли сюда раньше с шоссе г. Сувалки — Августов и расположились в качестве арьергарда. Здесь полк перешел через Августовский канал и потянулся на г. Гродно, часто сталкиваясь с задержками, всегда неизбежными в длинной походной колонне.

Для движения 20-го корпуса командир наметил было две дороги: одну вдоль Августовского канала для войск, другую через д. Чарны-Брод и далее лесом на д. Волкуш для обозов. Но второй дорогой нельзя было воспользоваться: во-первых, не оказалось моста у д. Чарны-Брод, а саперы донесли, что не могут его построить в короткий срок; во-вторых, все дороги, кроме идущей вдоль канала, были с начала зимы не наезжены и занесены снегом. Поэтому всем войскам и оставшимся обозам корпуса пришлось итти по одной дороге. После д. Горчица движение, как всегда ночью медленное, еще более стало задерживаться многочисленными спусками и подъемами, трудными для артиллерии и обозов, лошади которых были сильно истощены голодовкой.

Около 2 часов ночи на 18 (5) февраля за несколько километров до д. Микашевка колонна окончательно остановилась. После часа ожидания от начальника 27-й дивизии пришел приказ 108-му полку — обгоняя колонну, выдвинуться к д. Микашевка, куда командир полка должен прибыть раньше полка. Явившись к начальнику дивизии в д. Микашевка, командир 108-го полка узнал, что немцы опять загородили корпусу дорогу и надо их выбить. Командир 108-го полка был так утомлен, что, слушая начальника дивизии, упал головой на стол в бессилии одолеть сон и усталость. Ему немедленно предложили отдохнуть на час-два, пока полк вытянется из колонны и соберется в д. Ми-

кашевка. Улегшись немедленно на разостланную на полу солому, командир полка сразу заснул.

Минут 20—30 глубокого сна совершенно освежили командира полка, и он вернулся на свое место для выслушивания приказа. Оказалось, что еще накануне, 17 (4) февраля, следовавшие в голове корпуса части 53-й дивизии столкнулись с немцами около шлюза Тартак на Августовском канале и не могли их выбить, вернее сказать, и не пытались это сделать. В 3 *км* к югу от д. Тартак 17 (4) февраля стоял боковой авангард корпуса в составе двух полков и тоже в течение целого дня ничего против немцев не предпринял. Начальник его здесь проявил оригинальную инициативу. С прибытием в д. Грушки отряд утратил значение бокового авангарда, так как он был теперь впереди главных сил и не севернее, а южнее дороги корпуса. Что ему надо было делать? Имея, хотя и случайно, точные сведения о прорыве корпуса у д. Махарце, ему, казалось, следовало взять на себя роль авангарда и открыть дорогу корпусу на м. Сопоцкин или оставаться в д. Грушки и присоединиться к главным силам корпуса. Боковой авангард вместо этого спешит уйти от корпуса на юго-восток и пробует самостоятельно пробиться в г. Гродно. В этот же день он атаковал д. Волкуш, потерпел неудачу и в итоге только привлек внимание и силы немцев к тому месту, против которого весь корпус появился для прорыва только на рассвете другого дня. В действиях бокового авангарда в течение 15—17 (2—5) февраля ясно видно забвение своей прямой задачи и отрицательные примеры проявления инициативы, исходя не из общей цели высшего соединения и частной обстановки и в связи с действиями соседей, а из частных интересов — поскорее и хотя бы одному прорваться в г. Гродно.

108-му полку опять ставилась задача выбить немцев из д. Тартак и очистить дорогу на м. Сопоцкин. Так как 27-я артиллерийская бригада осталась сзади в походной колонне, то 108-му полку придали два орудия 53-й артиллерийской бригады; с ними явился командир батареи и еще один офицер.

Около 8 часов 18 (5) февраля полк собрался в д. Микашевка. Немцы, по всем данным в незначительных силах, находились в 4 *км* от деревни, на небольшой полянке у самой дороги; левее был канал, правее — сплошной лес. Командир полка, пройдя с головным батальоном около 3 *км* по дороге, идущей все время лесом, направил этот батальон дальше по дороге на д. Тартак, а следующему,

2-му, батальону приказал свернуть вправо в лес и охватить немцев с юга, для чего батальону предстояло перейти небольшую речку, уже освободившуюся от льда. С головным батальоном следовали оба орудия. Остальные батальоны оставались в походной колонне на дороге.

Следуя с головным батальоном, командир полка скоро подошел к мосту через речку и, к удивлению, увидел, что он не разрушен. Это обстоятельство навело на мысль, что немцев в д. Тартак совсем немного, и 2-му батальону был послан приказ пока речку не переходить, чтобы не перемочить людей понапрасну.

Орудия за мостом сняли с передков и покатили дальше на руках. Офицеры батареи, пробравшись вперед вместе с головными ротами, обнаружили, что немцы занимают каменный дом сторожа при шлюзе. Немцы встретили русских ружейным огнем. Артиллеристы перекатили свои орудия на опушку леса шагах в 300 от дома, занятого немцами, и открыли по ним огонь. Двух-трех выстрелов было достаточно, чтобы немцы прекратили стрельбу и бросились бежать по дороге на юго-восток. Роты 1-го батальона устремились вперед, но успели захватить только двух нераненых немцев. На вопрос, какой части, командир полка получил ответ: «31-й пехотной дивизии, 21-го германского корпуса». Из дальнейших расспросов выяснилось, что у шлюза Тартак стояла сторожевая рота от батальона, находящегося в 4 *км* к юго-востоку в д. Рудавка, и что немцам известна неудача 42-й дивизии. Мелочный случай: один из посыльных при штабе полка нашел немецкое пенсне в футляре и предложил его командиру полка, который незадолго перед этим потерял свое. Стекла найденного пенсне оказались совершенно по глазам и выручили довольно близорукого командира полка из неприятного затруднения.

Послав немедленно приказание 2-му батальону свернуть на дорогу, командир полка организовал движение на д. Рудавка в качестве авангарда корпуса. Вперед была послана команда разведчиков (сколько успели их собрать в ротах); за ними шла рота в головной заставе, далее головной отряд — три роты 1-го батальона с 2 орудиями в качестве современных батальонных пушек и, наконец, остальной полк, к которому успел присоединиться 2-й дивизион 27-й артиллерийской бригады. 1-й дивизион был направлен в д. Грушки с 116-м полком на соединение с другими полками 29-й дивизии.

Командир 2-го дивизиона, старый приятель командира 108-го полка и большой оригинал, в разговоре на пути

о положении корпуса спросил: «А не будут ли немцы водить нас на цепи по Бранденбургу?» — «Дело, кажется, к тому идет», — ответил командир полка.

Немцы в это время получили известие о сборе на р. Нареве 1-й и 12-й русских армий и решили как можно скорее закончить окружение 20-го русского корпуса. Командующий 10-й германской армии направил 38-й корпус от г. Августова на м. Липск, а 21-му корпусу приказал 31-й дивизией запереть дороги русским из Августовских лесов, 42-ю дивизию (восемь батальонов) направить вслед за русскими на м. Сопоцкин; 39-му корпусу — 77-ю пехотную дивизию из г. Сейны направить на м. Копциово, Сопоцкин, а 78-ю пехотную дивизию (наступавшую на д. Тоболово) повернуть на север для прикрытия тыла армии. Таким образом, против одного 20-го корпуса было направлено немцами пять пехотных дивизий, к которым могли присоединиться еще одна или две дивизии 8-й армии, наступавшие со стороны г. Августова.

Остальные корпуса 10-й русской армии к этому времени успели отступить из окрестностей г. Августова за р. Бобр, который стал разливаться и превращать долину в непроходимое болото. Против этих корпусов, сильно потерпевших, немцы имели три дивизии и конницу, остановившиеся на северном берегу р. Бобра.

В штабе 20-го корпуса вовсе не подозревали той грозной обстановки, которая создавалась около корпуса. Командир 108-го полка после узнал, что командир 20-го корпуса, выезжая вечером 17 (4) февраля из д. Сервы, находился в прекрасном настроении и говорил о том, как он на другой день встретится в г. Гродно с командующим 10-й армией. Новой встречи с немцами штаб корпуса, очевидно, не опасался; этим, может быть, объясняется и то роковое для корпуса обстоятельство, что командир его не торопился отходить после боя у д. Махарце.

День 18 (5) февраля выдался солнечный, теплый; дорога от шлюза Тартак пошла ровная, широкая, и движение полка шло гладко, без задержек. Очень скоро пришло от разведчиков донесение, что немцы ушли из д. Рудавка. Отступление немцев из этой деревни было ускорено, помимо наступления 108-го полка, еще одним обстоятельством. По мысли начальника штаба 27-й дивизии, следовавшие при дивизии 2 крепостные гаубицы с дальностью огня на 10 *км* были поставлены около д. Микашевка на позицию и, пользуясь 2-верстной картой, сделали несколько выстрелов по д. Рудавка. Снаряды, по словам местных жителей, упали

в огороды деревни по обеим сторонам улицы. Захваченные врасплох, немцы немедленно собрались и ушли из деревни к м. Сопоцкин (схема 6).

После небольшого отдыха в д. Рудавка, где нашлось несколько мешков с русскими сухарями, очень пригодившимися полку, авангард тронулся дальше. Около 17 часов разведчики полка достигли д. Волька Доргунска, нигде не встретив противника. Головной отряд подходил к мосту через р. Волкушек у самого впадения ее в Августовский канал. Командир полка с командиром 1-го батальона выдвинулись немного вперед к головной заставе и остановились на мосту, поджидая батальон. В тот момент, когда стала спускаться по горке к мосту конная группа командира дивизиона с его разведчиками, за которой тянулись 2 орудия с ящиками, из леса в 1 000 шагах к югу от моста внезапно был открыт орудийный и пулеметный огонь. Немцы, удачно расположив свою огневую засаду, не выдержали еще нескольких минут, когда конные и орудия спустились бы с заросшего деревьями ската к самому мосту. При первом же выстреле верховые и орудия повернули назад и быстро скрылись за деревьями западного берега речки. Кроме двух-трех легко раненых лошадей, все остались целы. Командир 108-го полка с командиром дивизиона и случайно оказавшимся тут «безработным» командиром 105-го пехотного полка быстро сбежали с моста к каналу и укрылись за вековым вязом на его берегу. Опасаясь возникновения беспорядка в полку, командир 108-го полка решил вернуться к голове колонны. Сначала он попробовал спуститься на лед канала, но лед не выдержал, и командир едва не провалился в канал, отделавшись тем, что набрал воды в сапоги. После этого он начал отбегать короткими перебежками вдоль канала и шагах в 300 оказался за его высоким берегом, где с живейшим нетерпеньем его ожидали адъютант и начальник связи.

Командир полка решил развернуть головной батальон и выбить немцев, но через несколько минут огонь немцев прекратился, и они совершенно исчезли в лесу. В это время от начальника дивизии пришел приказ остановить дальнейшее движение на м. Сопоцкин, а командиру полка прибыть в д. Рудавка. Полк остановился в походной колонне. 1-й батальон развернулся на западном берегу р. Волкушек; к востоку от нее остались только разведчики.

Уже стемнело, когда командир 108-го полка нашел в д. Рудавка начальника 27-й дивизии. Командир корпуса получил сведения, что высоты у м. Сопоцкин заняты нем-

цами и сильно укреплены, потому атаковать их он не решается, а думает пробиться к г. Гродно южнее, на д. Богатыри и Марковцы. 108-му полку со сводным батальоном 105-го и 106-го полков следовало двигаться по дороге из д. Рудавка к Марковскому мосту через р. Волкушек, выждать здесь, пока саперы исправят мост, разрушенный немцами, перейти речку и наступать на д. Марковцы.

Рис. 1. Марковский мост через р. Волкушек.

С полком должны действовать оба дивизиона 27-й артиллерийской бригады, один дивизион 53-й артиллерийской бригады и гаубичная батарея. Правее на д. Богатыри, Копчаны будут наступать полки 29-й пехотной дивизии. На пройденной дороге оставался арьергард корпуса.

Расстояние от устья р. Волкушек, где остановился полк, до Марковского моста, около 5 *км*, было пройдено очень скоро, и еще до полуночи голова полка была у моста. По заявлению командира саперной роты, восстановление моста могло быть закончено не ранее 5 часов утра 20 (7) февраля. Усталым и голодным людям полка пришлось остановиться и провести ночь прямо на дороге. При этих условиях о настоящем отдыхе, столь необходимом перед боем, нечего было и думать.

Мост был готов около 6 часов утра, полк немедленно перешел речку и начал развертываться в мелком лесу по обе стороны дороги на д. Марковцы. Артиллерия 27-й артиллерийской бригады тоже перешла речку и стала на восточном берегу, а дивизион 53-й бригады остался на западном берегу на небольшой поляне невдалеке от кре-

стьянского двора. Наблюдательные пункты этого дивизиона были устроены на крыше дома и рядом с ним, на том месте, откуда были видны только высоты южней д. Марковцы.

С небольшой высоты на опушке леска, близ дороги на д. Марковцы, командир 108-го полка произвел разведку полосы предстоящего наступления и положения против-

Рис. 2. Развалины двора у Марковского моста.

ника. На протяжении 2 *км* в направлении на д. Марковцы простиралось ровное снежное поле (по карте болото и пески), на котором нельзя было отыскать какое-либо укрытие для стрелков. Немцы занимали, по всей вероятности, деревню и окопы, которые виднелись на высотах к юго-западу от нее. Потом выяснилось, что эти окопы были вырыты в 1914 г. русскими строителями крепости Гродно (к 1915 г. она еще не была закончена) в качестве передовой позиции. Впереди прочных окопов с козырьками были устроены проволочные заграждения. Кстати заметить, что гарнизон крепости в данное время не мог занять этой позиции, так как он состоял только из ополченцев, которых едва хватало на окарауливание фортов и других сооружений.

Около 8 часов 20 (7) февраля 108-й полк начал наступление, имея в боевой части три батальона. Одновременно поддерживающая артиллерия открыла огонь по д. Марковцы. Немцы встретили русских главным образом артиллерийским огнем, затем пулеметным и ружейным из окопов. Стрелковые цепи наступающих подвигались вперед очень

медленно. Многочисленная артиллерия не могла оказать пехоте существенную помощь, т. е. подавить артиллерийский и пулеметный огонь противника. Немецкая артиллерия стояла где-то за высотами, совершенно укрыто от наземного наблюдения и огня русской артиллерии, в то время как огонь ее наносил большие потери наступавшей русской пехоте. Немецкие пулеметы тоже не были видны, к тому же огонь русской артиллерии по окопам был мало действителен, так как велся исключительно шрапнелью. Несмотря на опыт русско-японской войны 1904—1905 гг., в русской армии не торопились с выработкой гранат для полевых пушек. Только в 1913 г. появились первые партии тротиловых гранат для пробной стрельбы. В 1914 г. массовое производство их, повидимому, еще не было налажено, и полевая артиллерия вышла на войну с ничтожным запасом гранат, что сразу почувствовалось, когда перешли к окопной войне.

Немцам удалось обнаружить неудачно ставший близ опушки леса дивизион 53-й артиллерийской бригады и нанести ему серьезные потери раньше, чем он успел переменить свою позицию. Дом, служивший наблюдательным пунктом, был немцами очень скоро сожжен, причем несколько артиллеристов было ранено.

Через 2—3 часа наступление 108-го полка остановилось. Пролежав на снегу под огнем до вечера, батальоны отошли на опушку перелеска и здесь начали окапываться. Всем стало ясно, что полк не в состоянии атаковать и овладеть укрепленной немецкой позицией. Помимо неблагоприятных тактических условий, большое значение имело настроение командного состава и особенно рядовых бойцов. Уже десятый день люди находились в движении, преимущественно по ночам; провели несколько боев и при этом получали ничтожное довольствие и — что самое главное — с самого начала похода не получали хлеба, если не считать незначительного количества его, найденного в г. Сувалки. Кухни варили какой-то пустой суп с ничтожным количеством мяса. Много людей за последние ночные марши отстало по лесам. В итоге физические и моральные силы людей были сильно подорваны, среди большинства солдат и офицеров стали обнаруживаться сознание безнадежности положения и апатия к делу.

Вечером 19 (6) февраля к командиру 108-го полка привели 12-летнего мальчика-разведчика, которых в начале войны было немало в русской армии, с просьбой командира корпуса направить его через фронт в г. Гродно. Ему в мунд-

штуке папиросы было дано донесение командира корпуса к командующему 10-й армией о положении войск корпуса. Искровая станция (радио) корпуса с началом отхода из В. Пруссии была отправлена в тыл не то по какой-то неисправности, не то для сохранения ее. Она скоро совершенно оторвалась от корпуса, вот почему и пришлось прибегнуть к такому способу связи. Мальчику удалось пробраться через две линии немцев: одна на север к 20-му корпусу, другая на юг к крепости. Около 23 часов на другой день, 20 (7) февраля, он явился в г. Гродно к командующему армией и рассказал ему о положении корпуса, так как записку он или потерял, или бросил сам. Генерал Сиверс ему не поверил, потому что какие-то казаки ему донесли, что корпус уже сдался немцам. Генерал Сиверс, известный в 108-м полку как командовавший за несколько лет до войны 27-й пехотной дивизией, уже в мирное время обнаруживал в своих распоряжениях отсутствие того «чувства действительности», которое совершенно необходимо военному начальнику, чтобы разбираться в разноречивых донесениях на войне и уметь отличить ложь от правды.

Ночь на 20 (7) февраля в 108-м полку прошла спокойно. Мороз был небольшой, леса для костров было в изобилии, и люди немного отдохнули в наскоро сделанных землянках. На всем фронте 20-го корпуса русские на следующий день перешли к обороне; немцы тоже не наступали: они выжидали подхода тех дивизий, которые еще не успели войти в соприкосновение с русскими войсками. Временами только разгоралась артиллерийская перестрелка. После полудня у немцев появилась гаубичная батарея, которая, нащупывая русские батареи, сильно обстреливала лесок к югу от Марковского моста, где стояла русская артиллерия и укрывались резервы и командир 108-го полка. В пехоте было несколько раненых, в том числе адъютант 108-го полка. К вечеру в артиллерии корпуса начали приходить к концу снаряды, ружейных патронов тоже оставалось немного. В течение всего 20 (7) февраля по временам далеко к юго-востоку слышались глухие выстрелы гродненской крепостной артиллерии, а также артиллерийская стрельба в стороне м. Липск. Расстояние от расположения 20-го корпуса до фортов крепости не превышало 15 *км.* Невольно являлась мысль о возможности выручки корпуса войсками крепости. Однако, сколько ни прислушивались, шума полевого боя весь день не было слышно.

В течение дня от офицеров штаба дивизии стало известно, что немцы появились по дорогам со стороны г. Сувалки и

начали теснить арьергард корпуса. Немцы обстреляли с северного берега канала штаб корпуса в д. Микашевка. Командир корпуса переехал сначала в д. Грушки, а затем в д. Липины, в 2 *км* северо-западнее Марковского моста. Арьергард корпуса уже отошел к д. Рудавка. Таким образом, кольцо окружения начинало сжиматься.

У немцев в это время происходило следующее. Севернее Августовского канала наступала 77-я пехотная дивизия. Главные силы ее шли на м. Сопоцкин, чтобы стать фронтом к г. Гродно, а небольшая часть появилась с севера у д. Микашевка. С северо-запада наседала 42-я пехотная дивизия (восемь батальонов). Наконец, с запада и юго-запада спешили две дивизии, 76-я — по северному берегу р. Волкушек и 2-я — по южному. Общее наступление немцев было назначено на 21 (8) февраля. Опасности со стороны крепости Гродно для немцев не обнаруживалось.

В Гродно в это время собирались два русских корпуса — 2-й и 15-й. Первый был кадровый боевой корпус, второй был только что сформирован вместо погибшего в Самсоновской армии под Танненбергом. Он был обучен на скорую руку и еще ни разу не был в боях.

15-й армейский корпус подвозился из Могилевской губернии по железной дороге. 2-й армейский корпус перевозился с Варшавского фронта и начал высаживаться в Белостоке, затем выгрузку перенесли в Соколку. Только после того, как командование Северо-западным фронтом перестало опасаться прорыва германцев за р. Бобр, 2-й корпус получил приказ перейти к 21 (8) февраля в Гродно, теперь уже походным порядком. 15-й корпус к тому же времени должен был занять форты крепости. Колебания штаба фронта с назначением 2-го корпуса привели к тому, что он слишком поздно собрался в Гродно и не мог быть своевременно направлен на выручку 20-го корпуса.

В течение 20 (7) февраля никаких мер для выручки 20-го корпуса не принималось, так как в штабе 10-й армии считали, что 20-й корпус погиб где-нибудь далеко от г. Гродно.

После полудня от 108-го полка были высланы дозоры по кустам, подходящим к восточному концу д. Марковцы, чтобы выяснить, нельзя ли подобраться к деревне этим путем. Разведчики, не доходя деревни, были встречены огнем и отошли обратно. Как бы в ответ на это, немцы выслали свои дозоры к левому флангу 108-го полка. Завязалась ко-

роткая перестрелка. Опасаясь появления противника с севера вдоль р. Волкушек, командир полка поручил охрану этого направления только что присланным командиром корпуса двум ротам 110-го пехотного Камского полка. Когда перестрелка затихла, кухни подвезли обед. Командир корпуса в д. Липины реквизировал у помещика несколько коров и кое-какие продукты, из которых и был приготовлен очень скудный обед. Командиру полка в этот день прислал обед из двух блюд командир 2-го дивизиона. Артиллеристы в царской армии всегда считались хорошими хозяйственниками, и данный случай лишний раз это подтвердил.

К концу дня арьергард корпуса отошел от д. Рудавка на поляну у д. Липины. Штаб корпуса и штабы дивизий должны были перейти в лес в 1 *км* западнее Марковского моста.

VI

Последняя попытка прорыва и гибель 20-го корпуса

(Схема 8)

Вечером 20 (7) февраля на фронте 108-го полка была полная тишина. Командир полка перешел в землянку, недалеко от Марковского моста. Настроение было очень подавленное. Целый день прошел в бездействии, в то время как немцы имели возможность развивать свой маневр окружения корпуса. Живым доказательством ухудшения положения корпуса и, в частности, 108-го полка являлись немецкие пули, залетавшие с северо-запада, т. е. прямо с тыла.

Около 22 часов командира полка разыскал командир 2-го дивизиона, сильно озабоченный, и спросил: «Почему мы не выступаем?» К общему удивлению, он показал копию приказа по корпусу для прорыва в район крепости Гродно. В этом приказе войскам корпуса указывалось — к 24 часам ночи на 21 (8) февраля занять исходное положение для прорыва в направлении от фольварка Млынок на д. Курьянки и далее по шоссе на г. Гродно. Авангард (три полка 29-й дивизии) должен был головой пройти в 24 часа мост через р. Волкушек у ф. Млынок и следовать на д. Жабицке, Курьянки. Главные силы: части 27-й пехотной дивизии под начальством командира 108-го полка, части 53-й дивизии, 116-й полк и в хвосте вся артиллерия корпуса, должны следовать непосредственно за авангардом. Сзади должен был следовать арьергард и к утру 21 (8) февраля подойти к ф. Млынок. Все дистанции должны быть сближены. В случае встречи противника атаковать молча, без выстрелов и криков «ура».

Послав немедленно начальника связи в штаб дивизии за приказом, командир полка отдал приказание о сборе полка, в состав которого нераздельно входил сводный батальон

105-го и 106-го полков, к правому флангу на дорогу в д. Солоевщизна. Минут через 20 начальник связи принес приказ, который начальник 27-й дивизии просто забыл послать единственному полку своей дивизии. Начальник штаба в это время командовал арьергардом, при нем находился начальник связи; адъютант генерального штаба был послан в Млынок. Без этих лиц начальник дивизии оказался беспомощным; случай не редкий в царской армии.

Походная колонна 108-го полка с шестью батареями 27-й артиллерийской бригады построилась не раньше 24 часов 20 (7) февраля по дороге на д. Солоевщизна. Так как высоты у д. Старожинцы были заняты противником, то колонна, согласно приказу, свернула через д. Волкуш на север, перешла мост и вышла на дорогу к ф. Млынок. Но здесь встретилось неожиданное препятствие: неширокая лесная дорога была занята артиллерией 29-й дивизии, пехота которой ушла в авангард. Батальонам 108-го полка пришлось медленно пробираться вперед по сторонам артиллерийской колонны. Только около 6 часов утра командиру полка, шедшему в голове колонны, удалось добраться до ф. Млынок. Здесь, к большому удивлению, находился начальник авангарда, который каким-то образом оторвался от своих войск, при розысках дороги попал к д. Старожинцы, где был встречен огнем и ранен в ногу. Он был в большом волнении и ничего не знал о своем авангарде.

Пока собрался головной батальон 108-го полка, стало уже светло. В стороне д. Жабицке видны были какие-то войска, которые сначала были приняты за авангард корпуса. При наблюдении в бинокль можно было рассмотреть стройные части в виде ротных колонн; сначала казалось, что они двигаются взад и вперед, но затем они окончательно направились на север. Стало ясно, что это были немцы. Судя по немецким источникам, это были части 2-й пехотной дивизии, которая была направлена через м. Липск по южному берегу долины р. Волкушек. Со стороны д. Старожинцы немецкая артиллерия открыла редкий шрапнельный огонь по площади у ф. Млынок, где она правилно предполагала скопление русских войск. Считая, что дальше двигаться в походном порядке нельзя, командир 108-го полка приказал головному батальону полка развернуться и подняться на высоты к югу от ф. Млынок. В этом месте не было леса, покрывавшего берега речной долины, и можно было видеть высоты у д. Старожинцы. Вместе с пехотой было приказано одной оказавшейся поблизости батарее 29-й артиллерийской бригады тоже подняться на

высоты и занять позицию фронтом на эту деревню. Остальные батальоны и пулеметы были еще далеко позади, на дороге из д. Волкуш к ф. Млынок.

Когда роты поднимались на высоты, появился верхом командир корпуса и сказал солдатам несколько ободряющих слов, на что в ответ ему крикнули довольно дружное «ура». Едва батарея, которая поднималась по дороге среди кустов, выехала на открытое место и снялась с передков,

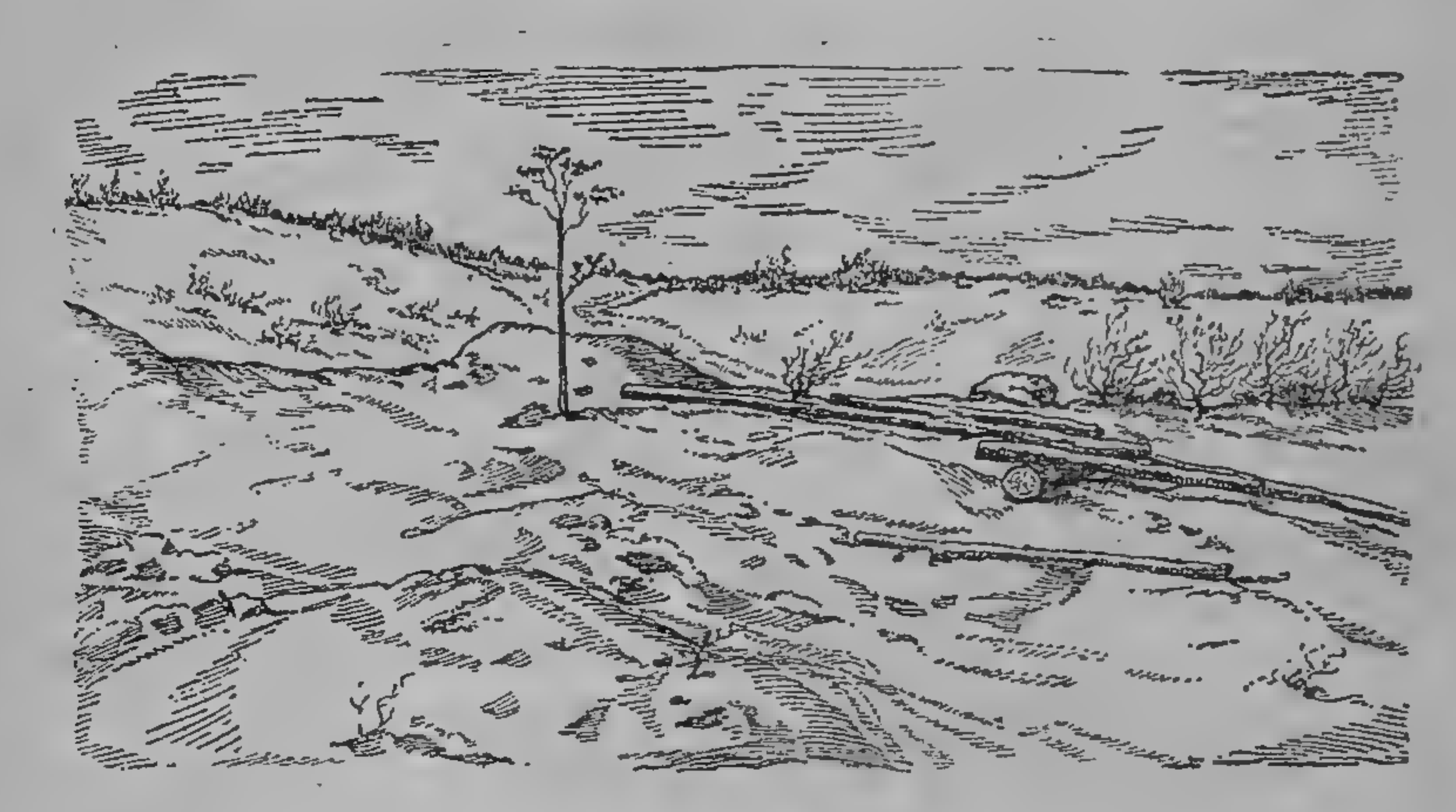

Рис. 3. Развалины фольварка Млынок.

как на нее обрушились две или три немецкие гаубичные батареи со стороны д. Рубцово, т. е. прямо с тыла. Уничтожив несколькими очередями батарею, немцы начали обстреливать пехоту. Вид разбитой батареи был ужасен — некоторые орудия были перевернуты, один зарядный ящик взорван, расчет был почти весь перебит. Огонь немцев заставил все живое искать укрытия. Многим и в том числе командиру 108-го полка, удалось укрыться в окопах, составлявших продолжение передовой позиции крепости Гродно. Со стороны ф. Млынок доносился частый огонь русских орудий; на высотах восточнее д. Рубцово и севернее фольварка появились немецкие войска.

Восточнее 108-го полка, тоже на д. Старожинцы, был направлен начальником авангарда 115-й полк, который вместе с этим начальником каким-то образом отстал от 113-го и 114-го полков, ушедших еще в середине ночи на д. Жабицке. 115-й полк развернулся на опушке леса и повел наступление на высоты у д. Старожинцы, взял первую линию окопов, но в атаке на вторую линию попал под пулеметный

огонь с фланга и отошел в лес с большими потерями. В этом наступлении принял участие и 116-й полк, который должен был двигаться в хвосте главных сил, но пошел отдельно на ф. Млынок по дороге, идущей южным берегом р. Волкушек. Отброшенные от д. Старожинцы оставшиеся люди этих двух полков столкнулись в лесу с частями 31-й германской дивизии. Обнаружив с рассветом уход русских, немцы, занимавшие д. Богатыри и Бартники, перешли в наступление на д. Волкуш и стали продвигаться вдоль речки по направлению к ф. Млынок. Охваченные с фланга и тыла остатки 115-го и 116-го полков отдельными кучками были взяты в плен.

Артиллерию 27-й артиллерийской бригады рассвет застал в лесу на дороге к ф. Млынок. Когда началось наступление немцев от д. Рубцово, несколько батарей 29-й бригады, бывших впереди, выехали на позицию. Вслед за ними успела занять позицию на опушке леса головная батарея 27-й бригады. Русские батареи стреляли беглым огнем прямой наводкой по немецким цепям, наступавшим с запада и севера на ф. Млынок, пока не выпустили свои последние патроны.

Бо́льшая часть 108-го полка и остальная пехота главных сил с наступлением дня все еще оставались на дороге к ф. Млынок. Только некоторым ротам удалось выбраться на опушку леса и встретить огнем противника, наступавшего в превосходных силах со стороны д. Рубцово и из леса восточнее этой деревни. Бой здесь был непродолжительный. Вместе с артиллерией замолчала и пехота под огнем немецкой артиллерии и пулеметов.

Казачья сотня, бывшая при штабе 27-й дивизии, перешла мост у ф. Млынок вслед за начальником дивизии и, оставив его в лесу, направилась по дороге на д. Жабицке. Навстречу ей вышла из леса небольшая цепь немцев. Казаки бросились на немцев в атаку, смяли их и прорвались на юг. Небольшой части их удалось добраться до окрестностей м. Липск, переправиться через р. Бобр и выйти к своим войскам. В это время на северном берегу р. Волкушек собрался казачий полк, состоявший при штабе корпуса. Рассыпавшись лавой, казаки бросились под ружейным и пулеметным огнем вдоль речки на запад, но скоро попали на растаявшее болото. Бо́льшая часть их вернулась с большими потерями назад, но отдельным группам удалось перебраться через болото и, укрываясь лесами, пробиться до р. Бобр и перейти на ее южный берег. От прорвавшихся казаков штаб 10-й армии около 18 часов 21 (8) февраля получил точные сведения об окончательной гибели 20-го корпуса.

Дольше всех продержался арьергард корпуса. Он был сформирован 20 (7) февраля под командой начальника штаба 27-й дивизии, в составе десяти рот 112-го полка (около 1 200 человек), четырех рот 110-го и четырех рот 210-го полков (всего в восьми ротах около 800 человек), 8 пулеметов и 8 батарей. К 14 часам арьергард расположился на поляне у д. Липины, откуда все парки и обозы вместе со штабом корпуса ушли в лес южнее этой деревни. Фронт позиции тянулся от леса на западе до дороги из Рудавки к Марковскому мосту; в резерве оставался батальон 112-го полка, расположившийся в лесу южнее д. Липины. Из 8 батарей на самой поляне нашлось место только для 3 батарей, остальные были отведены на 2 *км* южнее и поставлены на выбранной тыловой позиции. Вперед, по направлению на д. Рудавка и Грушки, были высланы разведывательные роты.

К ночи на 21 (8) февраля немцы, наступавшие с севера и северо-запада, оттеснили разведку и вышли на северную опушку поляны. На ночь начальник арьергарда одну батарею поставил по-взводно прямо в стрелковые окопы в наиболее опасных местах для придания устойчивости своей истомленной пехоте. Благодаря этой мере были удачно отбиты две ночные атаки. Эти орудия, по заявлениям немцев, наносили им большие потери. Здесь был убит командир 42-й пех. дивизии, державшийся в передовых частях наступавших. При поддержке огня этих орудий русские переходили в контратаки. С самого начала ночи было обнаружено появление немцев в лесах с востока, юго-востока и, наконец, с запада, где был захвачен в плен немец 228-го полка (76-й дивизии).

В 2 часа ночи 21 (8) февраля был получен приказ о прорыве корпуса на г. Гродно. Арьергарду указывалось сдерживать напор противника от д. Рудавка и Грушки, пока хвост колонны главных сил не пройдет мост у ф. Млынок. В 5 часов утра разъезд, высланный начальником арьергарда на ф. Млынок, донес, что пехота корпуса и часть артиллерии уже находятся на правом берегу р. Волкушек. Одновременно с этим было получено донесение, что роты 112-го полка, занимавшие лес восточнее д. Липины, под натиском немцев отходят. Начальник арьергарда, приказав 112-му полку задерживаться и не переходить дороги из д. Липины в д. Волкуш, решил отвести арьергард на тыловую позицию на песчаных высотах (отметки на 2-верстной карте 65,9), а для прикрытия отхода двум ротам пока оставаться в д. Липины.

Перед своим уходом из д. Липины начальник арьергарда вызвал старшего из немецких пленных, взятых в бою у д. Махарце, саперного капитана Регина, и, обрисовав ему обстановку, сказал, что арьергард будет драться до последнего патрона и гарантировать пленным безопасность невозможно, а потому он предлагает всем пленным с флагом Красного креста выйти навстречу своим. Начертав на белом платке кровью красный крест, немцы двинулись на запад и вышли к своим войскам.

К этому времени части 31-й германской дивизии с востока уже заняли Марковский мост и д. Волкуш и отрезали арьергард от главных сил корпуса. С западной стороны немцы (бригада 76-й германской дивизии) повели от д. Рубцово наступление на поляну у высоты 65,9 и ф. Млынок.

Первыми встретили немцев с запада 3 батареи 53-й артиллерийской бригады. Подходившие около 7 часов утра части пехоты лично направлялись начальником арьергарда для образования боевого порядка фронтом на запад. Немцы с ожесточением бросались на батареи, но все их атаки отбивались огнем на картечь. Пехота, не выдержав ружейного и флангового огня гаубичной батареи немцев, подалась назад, но артиллерия оставалась на месте и до 12 часов задерживала немцев, пока не вышли все патроны. В это время наступавшие с северо-запада немцы обошли артиллерию и находились от правой батареи в 100—200 шагах.

Немцы из д. Волкуш распространились по всему лесу в тылу арьергарда, выставив гаубичную батарею в лесу на дороге. Пришлось в арьергарде одну батарею повернуть на 180°, чтобы встретить огнем в упор приближающуюся пехоту противника. Со стороны д. Липины противник не наседал: здесь его сдерживали две роты, уходившие последними с поляны.

С 10 час., когда закончилась борьба у ф. Млынок, все расположение арьергарда и особенно его артиллерии простреливалось сильным огнем гаубичных батарей от д. Рубцово. Огонь их направлялся также на лес к северу-востоку от ф. Млынок, где столпились люди разных полков, орудия, парки и обозы, и наносил им большие потери. Около 13 часов большинство орудий арьергарда замолкло: не было патронов, многие орудия были разбиты, ящики взорваны и номера ранены или убиты; оставшиеся в живых искали укрытия в лесу среди пехоты.

Начальник арьергарда сделал последнюю попытку отогнать ближе всего подошедших с запада немцев. Во главе

последних двух рот резерва он бросился в атаку. Но не прошли роты и 200 шагов, как были встречены в упор ружейным и пулеметным огнем и бросились назад.

Еще с полчаса продолжался огонь, преимущественно со стороны немцев. Огонь арьергарда постепенно замолкал, и, не получая ответа, немцы около 14 часов прекратили стрельбу и начали забирать в плен отдельные кучки бойцов арьергарда.

Начальник арьергарда, под которым была убита одна лощадь и ранена другая, вместе со своим начальником штаба (офицером штаба корпуса) и четырьмя рядовыми пробился в Августовские леса, откуда они 8 марта (23 февраля) вышли навстречу наступавшим войскам 2-го русского корпуса.

Около 10 часов утра 21 (8) февраля в окрестностях ф. Млынок огонь с той и другой стороны прекратился и настала жуткая тишина. Выйдя из окопа на открытое место, командир 108-го полка осмотрел в бинокль окружающую местность. У ф. Млынок, на дороге из этого фольварка в д. Жабицке, виднелись стоявшие или медленно двигающиеся отдельные кучки русских солдат, прекративших всякое сопротивление и, очевидно, забираемых немцами в плен.

Около командира полка осталась небольшая кучка солдат знаменного взвода. С этими людьми он попытался двинуться на юго-запад, но скоро попал под ружейный и пулеметный огонь из д. Старожинцы. Приказав всем пробираться поодиночке в крепость Гродно, командир полка с адъютантом, начальником связи, знаменщиком и одним из посыльных направился в лесок, чтобы зарыть полковое знамя. Отделив полотнище от древка, зарыли их отдельно и тщательно измерили расстояние от линии окопов и опушки леса, чтобы можно было потом, вернувшись на это место, найти их.

Командир полка решил не сдаваться в плен, а попытаться выбраться с оставшимися при нем людьми из окружения и присоединиться к своим войскам.

Люди, составлявшие 108-й пехотный Саратовский полк, всего около 800 человек, разделились на отдельные группы, в разных местах были взяты в плен. Пулеметная команда не могла выбраться из походной колонны артиллерии и погибла на дороге из д. Волкуш к ф. Млынок. Небольшая группа солдат разных рот во главе с унтер-офицером Красногоровым укрывалась до ночи в лесу близ дороги из ф. Млынок в д. Жабицке и с наступлением темноты выбра-

лась мимо д. Курьянки на шоссе в крепость Гродно. На рассвете 22 (9) февраля эта группа, не встретив немцев, подошла к одному из фортов крепости и, таким образом, вышла из немецкого кольца.

Около 13 часов 21 (8) февраля оставшиеся на поле сражения услышали вдруг загоревшуюся сильную артиллерийскую, пулеметную и ружейную стрельбу в стороне крепости Гродно. Ветер с той стороны так отчетливо доносил шум горячего боя, что, казалось, он идет в 2—3 *км*. Ясно было, что гарнизон крепости предпринял запоздалую попытку выручить 20-й корпус (схема 6).

Не поверив пришедшему в крепость Гродно мальчику-разведчику, командующий 10-й армией в течение ночи получил другие сведения, что 20-й корпус продолжает еще вести бой с окружающими его германскими войсками, и рано утром 21 (8) февраля приказал наличным частям 2-го и 15-го корпусов выбить противника из м. Сопоцкин и Липск, а 26-му корпусу одновременно наступать из-за р. Бобр с юга на м. Липск «с целью выручить своих геройски продолжающих борьбу товарищей 20-го корпуса». Крепостной артиллерии было приказано открыть огонь с 8 часов утра по расположению противника на путях наступления 2-го и 15-го корпусов. Начало наступления было назначено в 10 часов. Все предприятие, однако, свелось к наступлению трех полков 15-го корпуса в направлении шоссе на м. Липск, правда как раз в том направлении, в котором хотел пробиться 20-й корпус. 2-й корпус после усиленного ночного перехода очень поздно вышел за линию фортов, и не успели его передовые части развернуться, как был получен приказ отойти за форты, вследствие неудачи 15-го корпуса. На это решение командующего 10-й армией также повлияло совершенно фантастическое донесение начальника отряда, стоявшего на левом берегу р. Немана против м. Гожи, что против него наступает целый корпус, почему он ушел за реку и сжег мост.

Немцы направили против русских 31-ю дивизию, которая должна была удерживать д. Голынка, и 2-ю дивизию с десятью ротами и семью батареями 76-й дивизии в район Гродно-августовского шоссе. У д. Голынка собралась сильная артиллерийская группа в 5 тяжелых и 6 легких батарей, в расстоянии 4—6 *км* от полосы наступления полков 15-го корпуса. «Эти молодые русские части,— пишут немцы — наступали толпами, без артиллерийской подготовки, стреляли стоя». Наступление русских скоро остановилось, а когда бригада 31-й дивизии перешла в наступление во

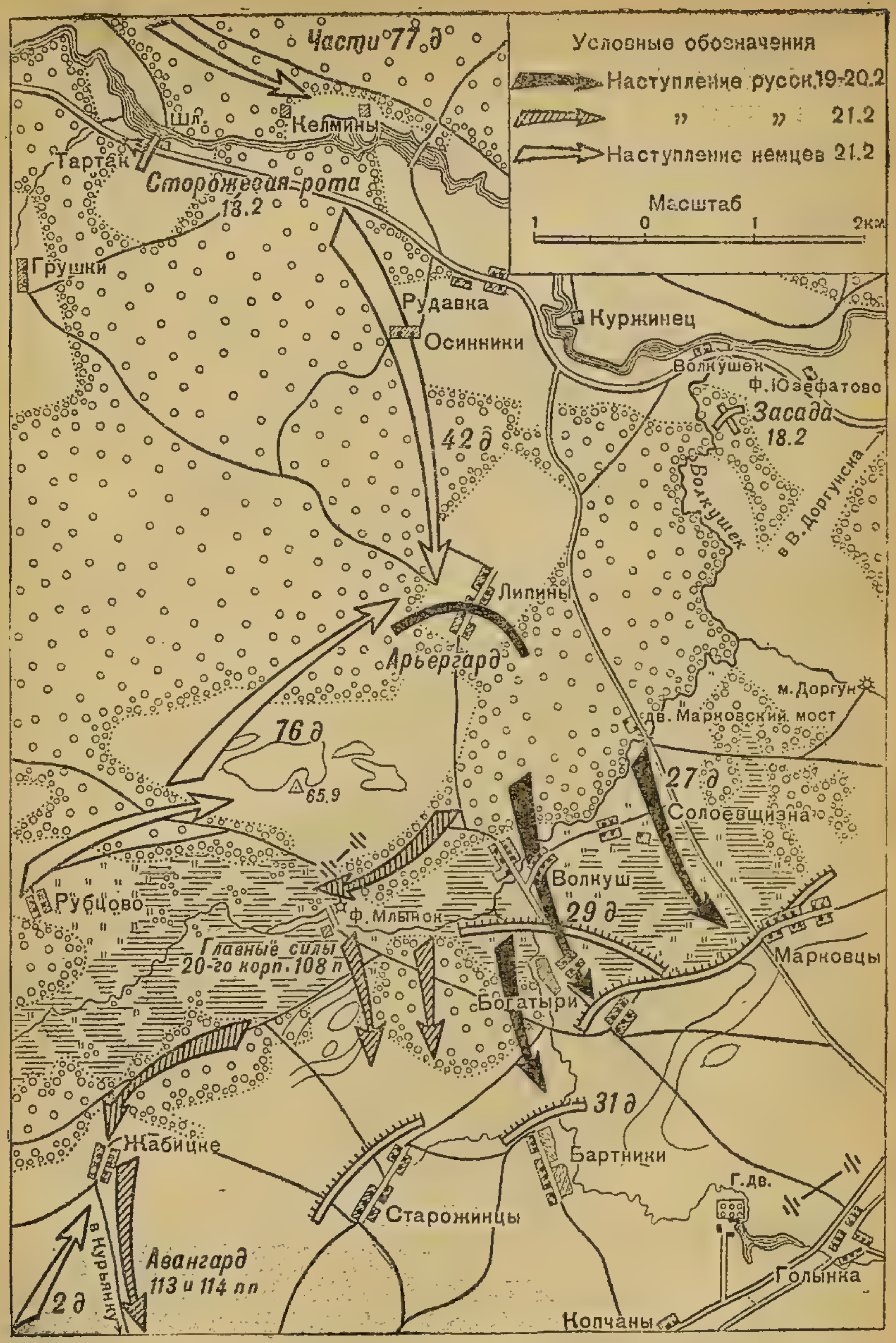

Схема 8. Окружение германцами 20-го арм. корпуса и его попытка прорваться в Гродно.

фланг русским со стороны д. Голынка, они поспешно отступили с громадными потерями; один 23-й Низовский полк потерял более 1 000 человек, в том числе 19 офицеров. Точно так же легко было остановлено наступление русских и на прочих участках.

Можно думать, что результат выручки был бы совершенно другой, если бы она была сделана на сутки раньше, когда в 20-м корпусе так жадно прислушивались к выстрелам со стороны крепости Гродно.

Интересно отметить, что все обозы (полковые и дивизионные) 27-й пехотной дивизии вышли из окружения. Обозы 2-го и 3-го разряда, узнав 11 февраля (29 января) в м. Вижайны о наступлении немцев с севера, с возможной быстротой, бросая застрявшие в снегу повозки, двинулись сначала на восток, на м. Любово, потом на юго-восток и к вечеру 12 февраля (30 января) достигли м. Лодзее. Рано утром 13 февраля (31 января) появление немецких разъездов заставило обозы подняться по тревоге и выступить далее по шоссе на м. Олита, где они оказались в полной безопасности. Таким образом, обозам удалось пройти, так сказать, под самым носом 21-го германского корпуса, крайняя к востоку 31-я пехотная дивизия которого 13 февраля днем прошла через м. Лодзее.

Обозы 1-го разряда 105, 106 и 108-го полков утром 14 (1) февраля выступили из г. Сувалки по шоссе на г. Августов и далее на м. Липск, куда они добрались совершенно свободно к ночи на 15 февраля. Отдохнув несколько часов, обозы до рассвета двинулись по шоссе на г. Гродно, куда и прибыли в тот же день.

Через несколько часов после ухода обозов 27-й дивизии из м. Липск туда явилась немецкая конница из м. Сопоцкин, и все парки и обозы, которые не торопились уходить, были захвачены в плен.

Первое обстоятельство, т. е. отход обозов 2-го и 3-го разряда на восток, наглядно показывает, что если бы 20-й корпус начал отход одновременно с 3-м корпусом, т. е. на сутки раньше, то ему удалось бы пересечь пути наступления 21-го германского корпуса раньше немцев, так как ему не пришлось бы задерживаться для боя 12 февраля (30 января) у Виштынецкого озера и на позициях к югу от м. Вижайны. При самых неблагоприятных условиях встреча с немцами произошла бы в окрестностях г. Кальвария. В случае неудачи 20-му корпусу оставалась бы свобода маневрирования на юго-восток и на юг. Второе обстоятельство — сво-

бодное движение обозов 1-го разряда по шоссе на г. Гродно — указывает, что командир 20-го корпуса был прав, когда 13 февраля (31 января) просил разрешения отходить, не теряя времени, на г. Августов. К сожалению, он получил отрицательный ответ командующего 10-й армией, который боялся, что корпус пересечет пути отхода соседнего 26-го корпуса армии. Правда, в ночь на 15 (2) февраля командующий армией условно разрешил левому флангу 20-го корпуса отходить по шоссе на г. Августов, но его телеграмма не дошла до 20-го корпуса, так как около 2 часов ночи 15 (2) февраля (по другим сведениям еще 14 (1) февраля) связь корпуса с армией порвалась и больше не восстанавливалась.

Мог ли 20-й корпус выйти из окружения 21 (8) февраля? Авангард корпуса, 113-й и 114-й полки, благополучно, без встречи с немцами, если не считать мелких стычек у д. Жабицке, прошел мимо д. Курьянки, где были замечены немцы, и достиг крепости Гродно. 113-й полк прошел вдоль р. Бобр — по правому ее берегу, а 114-й полк переправился через р. Бобр у д. Рогожин. Вслед за авангардом могли также выйти и главные силы, но для этого надо было с особым вниманием организовать ночное движение для прорыва.

Во-первых, для передачи приказа, который намечал правильный порядок движения, надо было созвать начальников авангарда и главных сил в штаб корпуса, который находился очень близко от войск, около 1 *км*, не больше, и во всяком случае разослать приказ с доверенными лицами, чтобы не случилось рокового промаха — неполучения приказа в 108-м полку. Построение колонны корпуса в лесу надо было начать как можно раньше, еще до наступления темноты, под непосредственным наблюдением командира корпуса и его штаба. Прорыв на д. Жабицке надо было начать после поверки, что все части заняли свои места. При этих условиях не могло бы случиться того, что артиллерия забила дорогу пехоте главных сил, и голова колонны, 108-й полк, из-за этого не могла следовать непосредственно за авангардом, как правильно требовалось приказом по корпусу. При соблюдении этих, в сущности, элементарных правил всякого ночного марша в предвидении столкновения с противником бóльшая часть корпуса к рассвету оказалась бы вне кольца немцев, в районе восточнее д. Курьянки и в тылу заслона немцев к стороне крепости Гродно. Весь тыл 31-й и 2-й германских дивизий к стороне этой крепости прикрывался в этот день 1-й кавалерийской дивизией;

насколько этот заслон был слаб, показывает свободное движение 113-го полка.

Трудно было выйти арьергарду, но при должном порядке движения и он к рассвету должен был пройти ф. Млынок и хотя бы частично вырваться из окружения.

Еще легче можно было выйти из окружения, если бы прорыв был предпринят 20 (7) февраля, после неудачи наступления на д. Марковцы и Копчаны.

Для выполнения этого простого плана, на этот раз верно задуманного командиром 20-го корпуса, надо было проявить энергичную деятельность всему командному составу корпуса и в первую голову его командиру. Но ген. Булгаков не был способен на это. Он был артиллерист старого закала — «пушкарь», который всю жизнь знал только свою стрельбу и тактику считал для артиллерии делом лишним и посторонним. Его вынесла наверх 25-я пехотная дивизия, во главе которой он выступил на войну. Командный состав этой дивизии и большинство призванных из запаса рядовых имели боевой опыт русско-японской войны, и дивизия с первого же боя 17 августа 1914 г. выделилась своими высокими боевыми качествами, а командир ее получил скоро повышение и стал командиром корпуса. О слабой помощи ему в боевой работе от начальника штаба корпуса уже приходилось упоминать. Вся работа командира корпуса и его штаба в подготовке прорыва свелась к составлению одного приказа. Печальный опыт 20-го корпуса лишний раз доказывает, что для успеха прорыва одной отдачи приказа недостаточно. «Исполнение всякого боевого распоряжения должно быть проверено», гласит ст. 131 ПУ — 36. «Целесообразным является заблаговременный вызов из частей ординарцев и даже командиров специально за получением приказа», сказано в ст. 136 того же устава.

Командир 20-го корпуса сумел выказать только в последние минуты существования своего корпуса, что он храбрый и честный солдат.

Противник отдал должное последним усилиям 20-го корпуса прорваться из окружения. «Русские дрались как герои», говорится в VII томе германской официальной истории войны, — «никакую жертву они не считали большой для спасения чести оружия».

В полуофициальной берлинской газете «Local Anzeiger» вскоре после описываемых событий была помещена статья «Последний бой 20-го русского корпуса», которая заканчивалась следующими словами:

«Вся эта попытка прорыва явилась чистым безумием (из описания видно, что это было не так — *В. Б.*) и в то же время геройским подвигом, который показывает нам русского солдата в том освещении, каким он являлся при Скобелеве во время Плевненских атак, в эпоху покорения Кавказа и штурмов Варшавы. Из этого видно, что русский солдат выдерживает потери и дерется даже тогда, когда смерть является для него неизбежной».

10-я русская армия потерпела крупную неудачу, погиб почти целый корпус, но свою задачу — прикрыть сообщения Варшавского фронта с Россией — армия выполнила: 26-й армейский, 3-й Сибирский корпуса вместе с крепостью Осовцом остановили наступление германцев перед болотистой долиной р. Бобр.

Непосредственные, ближайшие причины окружения германцами 20-го арм. корпуса заключаются в неудачных распоряжениях командующего 10-й армией и командира корпуса (они изложены выше), но на создание неблагоприятного общего положения, в котором оказалась 10-я армия и в частности 20-й корпус, повлияла также и деятельность штабов верховного главнокомандующего (Ставки) и Северо-западного фронта.

Указав для исполнения очень нехитрый план вторичного вторжения в Восточную Пруссию, предложенный штабом Северо-западного фронта, верховный главнокомандующий лично потерял интерес не только к этому плану, но и вообще к Восточной Пруссии, несмотря на то, что здесь находился совершенно необеспеченный, ни местностью, ни резервами, фланг всего русского фронта, что не ускользнуло от внимания германского командования. Внимание Ставки к этому времени было уже отвлечено на юг, где ген. Иванов, главнокомандующий Юго-западным фронтом, пользуясь расположением к нему царя и влиятельных придворных кругов, начал по своей инициативе операцию прорыва через Карпаты на Венгерскую равнину. Ставка волей или неволей присоединилась к этому плану и, так как наступление в горах встретило сильное сопротивление, то скоро все резервы и пополнения стали направляться на Юго-западный фронт. Для усиления 10-й и 12-й армий, назначенных для наступления в Восточную Пруссию, свежих войск не оказалось. Северо-западному фронту приказано было обходиться своими силами.

Штаб Северо-западного фронта со своей стороны считал положение 10-й армии очень прочным, упирая на то, что против нее стояли меньшие германские силы. Между тем

опасность положения 10-й армии определялась не соотношением сил в период затишья, а положением ее открытого и лишенного резервов правого фланга. Как раз к этому флангу вели две мощные германские магистрали (по 40 пар поездов в сутки), которые в три дня подвозили боевой состав целой армии.

Когда начальник штаба 10-й армии 8 или 9 февраля, угадывая значение удара с севера, предложил сразу откинуть правый фланг и центр армии на юго-восток, стать фронтом на север и свести таким образом охват германцев на-нет, то из штаба фронта был задан вопрос: «А с фронта Вас атакуют?» — «Нет». — «Тогда зачем же отступать?» После этого и отдан был приказ отвести на уступ только 3-й арм. корпус; центр армии оставался на месте в то время, когда целая германская армия обходила его с тыла.

Задержка под Соколками 2-го арм. корпуса была вызвана, как уже упомянуто, исключительно вмешательством штаба фронта.

Большую роль в неудаче 10-й армии сыграли крайне вредные на войне предвзятые мысли генерала Сиверса. Он считал, что наиболее важный и опасный фланг его армии — левый, сам он располагался ближе к нему в Маргграбово, сюда же он направлял резервы, ослабляя 20-й корпус. Несмотря на то, что уже на второй день наступления германцев от Иоганисбурга выяснилось, что здесь наступают только две новые дивизии, а против правого фланга началось наступление на фронте в 30 *км*, т. е. 5—6 дивизий, Сиверс не отказался от своей мысли и продолжал собирать резервы на юге. Даже когда 3-й арм. корпус был разбит, то и тогда Сиверс приписал это не превосходству в силах противника, а плохому поведению войск 3-го арм. корпуса.

В конечном счете 10-я армия, атакованная двумя германскими армиями, ни от кого из высших начальников не получила во-время существенной помощи, правда по телеграфу посылалось много разных советов, указаний и замечаний; помощь пришла в то время, когда армия была разбита и погиб целый корпус.

Конечно, высшие штабы себя виновными, хотя бы отчасти, не признали, всю вину обрушили на командующего 10-й армией, который был смещен с своей должности.

VII

Двенадцать дней в тылу немцев

(Схемы 6 и 8)

108-й пехотный Саратовский полк перестал существовать; от него остались небольшие группы, одна из которых с командиром полка решила не сдаваться в плен, а попытаться выбраться из немецкого окружения.

Первой задачей группы было укрыться на поле сражения, чтобы не попасть в руки немцев. Лесок на южном берегу р. Волкушек давал плохое укрытие. В поисках более густого леса группа попала на поляну, где немцы возились около русской батареи. Заметив русских с оружием в руках, немцы знаками показывали бросить ружья и итти к ним. Уклонившись от них в лес, группа нашла наконец несколько более густых групп деревьев и решила здесь остановиться. Теперь командир полка рассказал своим спутникам, каким путем он надеется выбраться к своим войскам. Надо пробраться в Августовские леса и направиться к р. Неман кратчайшей дорогой, на д. Рудавка, Мулы, Кодзи, Моцевичи, к д. Бугеда и у последней деревни переправиться через эту реку. Командир полка рассчитывал, что русские обязательно будут удерживать восточный берег р. Неман, так как в близком расстоянии от него проходила железнодорожная магистраль, соединявшая Петроград с Варшавой, около которой стояла бо́льшая часть русской армии.

Опасаясь возможной неудачи своего предприятия, командир полка все боевые документы свои и офицеров группы сложил в клеенчатую сумку, отобранную еще 19 августа 1914 г. начальником связи у пленного немца-кавалериста, и зарыл в землю, заметив это место по отношению к идущей близко дороге [1]. При себе командир полка оставил только

[1] Сумка случайно была найдена саперным офицером 2-го корпуса, наступавшего в марте по этой местности, и через штаб армии направлена в Москву. Этими документами, хранящимися в Военно-историческом архиве, автор воспользовался при составлении настоящей книги.

то, что было необходимо для руководства в пути, а именно — русскую 2-верстную карту и немецкую карту 1 : 300 000. Для пользования картами в группе имелись два компаса и два электрических фонаря.

Когда стемнело, тронулись в путь, сначала к р. Волкушек, надеясь переправиться по льду. Но благодаря теплой погоде речка начала разливаться; у берега были большие полыньи, и все попытки пробраться на лед были тщетны. Изрядно вымокнув, решили итти к Марковскому мосту и там переправляться. Но для этого надо было выждать ночи, когда немцы улягутся спать. Они, очевидно, праздновали победу: все окна в ближайших деревнях были освещены. К ночи поднялся сильный холодный ветер, с неба начал падать не то дождь, не то мокрый снег. Единственное укрытие можно было найти в окопе на берегу, но в нем даже от ветра трудно было укрыться. Невдалеке в лесу временами раздавалось громкое жалобное ржание, видимо, умирающей от ран лошади. По воспоминаниям всех участников, это были наиболее жуткие часы из всего времени, проведенного в тылу немцев.

Около полуночи огни в деревне погасли, и группа направилась по дороге в д. Богатыри. Перейдя по мостику ручей, начали обходить деревню с юга. На восточной ее окраине горели яркие костры, что заставило группу взять больше на юг. Из-за этого прошли по высотам (без дорог) дальше на восток, чем следовало, и, повернув на север, вышли к какой-то речке. Пройдя некоторое расстояние вдоль нее, увидели мельницу, а за речкой у конца плотины немецкий пост в 5—6 человек, сидевших и стоявших у костра. Вооружение группы состояло из двух ружей и трех револьверов. Успеха от нападения ожидать было трудно. Пришлось свернуть в лес и определить по карте, куда именно попали. Для этого все встали в круг, закрыв шинелями командира полка с картой и компасом и адъютанта с фонариком. Оказалось, что вышли на ф. Доргунь, и чтобы попасть к Марковскому мосту, надо было теперь свернуть на запад. Так как начинался рассвет, то решили переждать день в укрытом месте. Выбрали среди песчаных холмов, покрытых невысокими сосенками, более или менее удобное место, развели костер и начали обсушиваться. После попыток переправиться по льду ноги у всех были промочены.

Когда настал день, в южном направлении и, казалось, совсем недалеко стали слышны окрики на немецком языке и по временам раздавался близкий ружейный выстрел. Разведка выяснила, что группа расположилась недалеко

к северу от д. Марковцы, а стрелял немецкий часовой в воздух, вероятно для того, чтобы показать, что он стоит на месте.

Время тянулось медленно. Совершенно неожиданно в западном направлении, в стороне поля сражения, которое здесь происходило накануне, раздались два орудийных выстрела. Некоторые в группе высказали предположение, что, может быть, уцелели части арьергарда 20-го корпуса и держатся в лесах. Эти выстрелы были услышаны и передовыми частями гарнизона крепости Гродно и тоже породили предположение, что 20-й корпус еще продолжает борьбу. Командующий 10-й армией отдал было приказ о новом наступлении для выручки корпуса, но скоро отменил, так как получил несомненные сведения об окончательной его гибели. В действительности этими выстрелами немцы, вероятно, разряжали захваченные русские орудия.

Около 15 часов вдруг показалось, что ружейные выстрелы стали раздаваться ближе. Бросив костер, группа устремилась в сторону от деревни и по перелескам скоро достигла р. Волкушек в 600—700 шагах ниже Марковского моста. В бинокль было видно, что мост охраняется двумя немецкими часовыми. Теперь предстояла трудная задача — переправиться через речку вне моста. Летом эта речка всего 5—6 *м* шириною, но в данное время ширина ее доходила до 15 *м*, и вода прямо на глазах, казалось, все более и более прибывала и заливала низкий противоположный берег. При разведке реки нашли лежащего под кустами офицера 116-го полка. Он предупредил, что надо быть осторожным — по тому берегу ходят немцы — и затем рассказал, что накануне вечером он пытался перейти речку вброд и попал по шею в воду. Действительно, вся одежда на нем была совершенно мокрая.

Командир полка начал думать о том, что, пожалуй, придется пробираться прямо к г. Гродно, хотя это предприятие было почти безнадежное, как вдруг его размышления были прерваны начальником связи, который предложил осмотреть найденное им вместе со знаменщиком удобное для устройства переправы место. Шагах в 1 000 ниже Марковского моста и укрыто от него среди русла речки стояло дерево, в расстоянии 5—6 *м* от того и другого берега. На 1—2 *м* выше воды ствол раздваивался и позволял использовать его как опору для мостика из жердей. Немедленно все принялись за работу. Командир полка стал перепиливать пилой своего походного ножа небольшую сосну, другие пошли искать жердей по русским окопам, которые шли по всему

берегу речки. Невдалеке нашли блиндаж. Разобрав его, общими усилиями подтащили к берегу 5—6 прочных жердей. Сначала уложили три жерди с берега на развилину дерева, затем знаменщик перебрался на дерево; ему передали остальные жерди, которые он перебросил на противоположный берег. Оставалось связать двумя поясами жерди у дерева — и мост был готов. Первым перебрался командир полка и почти по колено в воде перебежал до сухого места на опушке леса. Вслед за ним быстро перебрались и остальные; последний, знаменщик, сбросил жерди в воду, чтобы немцы не узнали, что тут переправлялись русские.

Через два месяца командир полка с трудом отыскал место переправы. Когда речка вошла в свои берега, то оказалось, что дерево росло не в середине русла, а у самой воды на левом берегу. В разлив ширина речки удвоилась, и дерево оказалось посередине русла. Его удалось найти только по развилине и сорванной жердями коре.

Итак, только к вечеру второго дня, 22 (9) февраля, группе, увеличившейся до 6 человек, удалось выбраться с поля сражения 20-го корпуса. Впереди, вплоть до р. Неман, простирались вековые Августовские леса, где, казалось, такой маленькой группе легко будет укрыться от немцев. В бодром настроении группа направилась лесом на север на д. Рудавка. На пути встретили русские окопы, вырытые арьергардом, в них нашли кусок сырого мяса, немного картофеля и большой эмалированный чайник, вероятно взятый в Восточной Пруссии. Надо сказать, что никаких запасов продовольствия в группе не было, только у знаменщика сохранилось в жестянке немного чаю.

Казалось, что подошли уже близко к опушке леса близ дороги из д. Рудавка, по которой полк шел на м. Сопоцкин, как шум от движения нескольких конных заставил укрыться в лес и притти к решению: пока светло, выждать в лесу и дальше двигаться только с темнотой.

Около 21 часа, пробираясь лесом, пересекли дорогу из д. Рудавка к Марковскому мосту и вышли на полянку у д. Липины; дома в ней были освещены, поэтому пришлось скорее уйти в лес. Но не успели сделать нескольких десятков шагов, как попали в болото; все попытки найти сухое место были напрасны, пришлось вернуться на дорогу в д. Рудавка, рассчитывая, что в столь позднее время можно не опасаться встречи с немцами.

Командир полка решил миновать д. Рудавка и попытаться найти хотя бы небольшой отдых и пищу в маленькой деревушке Осинники, одиноко прижавшейся к опушке леса.

Шагах в 200 от деревушки группа остановилась, знаменщик и посыльный пошли на разведку. Они узнали, что в деревне три дома: в одном спят казаки, в другом — немцы из д. Рудавка, где остановился немецкий лазарет, а в среднем доме находятся только крестьяне. Группа осторожно пробралась в средний дом. Было 2 часа ночи 23 (10) февраля. Крестьяне встретили группу весьма радушно, сейчас же угостили хлебом и салом, хозяйка охотно согласилась сварить суп из принесенного мяса и картофеля и с молниеносной быстротой приступила к работе. Решено было отдохнуть до 5 часов утра, для чего хозяева предложили свои постели.

Командир полка тем временем расспросил крестьян о дальнейшем пути. Хозяин служил плотником на Августовском канале и сообщил, что через канал можно перейти у ближайшего шлюза Тартак, и согласился провести группу до канала в обход д. Рудавка.

После крепкого сна в 4 час. 30 мин. группу разбудили: суп был готов. Поблагодарив хозяйку, группа пустилась в путь. У большой дороги распрощались с хозяином и очень скоро вышли к Августовскому каналу. В километре к западу виднелся шлюз. Кругом — ни одной живой души. Перейдя канал по мосту и обочине шлюза, углубились в лес и менее чем через час подошли к д. Мулы, где надо было перейти через р. Шлямица. Вошли в первый дом. Хозяева, очень зажиточные крестьяне, встретили приветливо, но сообщили, что в соседнем доме два немецких солдата, видимо отставшие от колонны, проходившей накануне через деревню. Немцы завтракали и собирались итти дальше. Вступить в драку с немцами не было расчета, успех выхода группы из занятого немцами пространства мог быть основан только на скрытности. Через полчаса немцы ушли, и группа тотчас же покинула деревню, забыв даже запастись продовольствием, перешла р. Шлямица по мосткам и скрылась в лесу.

В 2 *км* от д. Мулы, на пути близ оз. Шлямы, стоял дом лесника Гедзь. К этому дому подошли уже с предосторожностями. В нем оказалась жена лесника с детьми; сам лесник ушел с русскими войсками. По ее словам, накануне мимо дома прошел немецкий обоз, и в этот день по временам проезжали конные немцы. Пока группа угощалась квашеной капустой без хлеба, подошли крестьяне из д. Калеты. Они рассказали, что в их деревне остановился немецкий обоз. Немецкие обозники захватили русского офицера, убили его и труп бросили на дороге. По их словам, немцы имелись и по другим окрестным деревням.

Стало ясно, что и за Августовским каналом днем нельзя итти. На карте недалеко от дома лесника, в стороне от дороги, у самого оз. Шлямы, имелся смоляной завод. По словам хозяйки, в нем с осени 1914 г. никто не жил. Группа и направилась к заводу, чтобы переждать до ночи. В жилом доме завода имелась русская печь. Не без труда удалось ее растопить, около нее можно было обогреться, а кое-кому удалось и соснуть. На дальнейшем пути предстояла переправа через р. Мариха в д. Кодзи. Выступили в 1 час ночи 24 (11) февраля с расчетом пройти деревню перед рассветом. Расстояние в 4 *км* по наезженной дороге прошли очень скоро. В первом же доме деревни осторожно вызвали хозяйку и от нее узнали, что в деревне есть человек 8—10 немцев, они занимают на левой стороне улицы два дома, в которых всю ночь горит огонь; мост в середине деревни немцами не охраняется. Заметив внимательно по карте выход из деревни на дорогу в д. Моцевичи (средняя из трех дорог, у второго придорожного креста), группа осторожно пробралась на мост вдоль правой стороны улицы и, не встретив никого, вышла из деревни. Кресты оказались на своих местах, и дальнейшую дорогу определить было легко.

Дальше до самой р. Неман речек и ручьев больше не было, но забыли про шоссе Сейны—Гродно. Около 10 часов утра, когда до шоссе оставалось не более километра, услышали характерный стук движения немецких повозок, которые, в отличие от русских, имели железные оси и при движении издавали металлический звук. Шагах в 400—500 лес стал редеть, и в бинокль можно было видеть, какое оживленное движение шло по шоссе. По направлению к г. Гродно непрерывно шли обозы, а в сторону г. Сейны двигалась кавалерия, прошли три эскадрона и батарея. Стало ясно, что днем шоссе нельзя перейти, и пришлось отойти подальше в лес и ждать сумерек. Когда в лесу стало темнеть, группа осторожно подошла к шоссе в том месте, где лес был густой. Каждый стал за сосну на краю дорожной просеки, и, выждав перерыва в движении повозок, которые продолжали тянуться к г. Гродно, группа сразу перебежала шоссе и скрылась в лесу. При последних отблесках вечерней зари подошли к д. Моцевичи. Разведка выяснила, что в деревню только что пришел немецкий обоз. Пришлось обойти деревню и направиться по дороге через д. Сергушки к д. Бугеда, до нее оставалось около 5 *км,* а за ней предстояло самое трудное — переправа через р. Неман.

Дорога шла по лесу и была сильно наезжена, колеи и лошадиные следы ясно указывали на движение в обе стороны артиллерийских орудий или зарядных ящиков. Вывод был ясный: на берегу р. Неман немцы. Несмотря на это, все согласились дойти до реки и убедиться в том, можно или нельзя переправиться на восточный берег. Около 22 часов подошли к раскинувшейся по дороге д. Сергушки. В первом доме на стук вышла старуха и сказала, что ни у нее в доме, ни во всей деревне нет немцев. Но ответ ее показался подозрительным. Знаменщик и посыльный пошли в другой дом, на стук никто не вышел, они вошли в комнату, увидели на полу нескольких спавших людей и на освещенном луной столе немецкие каски. Никто из немцев не проснулся, и разведчики бегом вернулись к ожидавшей группе. Пришлось обходить деревню целиною по колено в снегу.

После полуночи подошли к д. Бугеда. Ярко светила луна. По главной улице пошли на разведку знаменщик и посыльный, а в переулок направились остальные с командиром полка впереди. Перейдя небольшой мостик, командир полка неожиданно увидел в 10—15 шагах немецкого часового, дремавшего, прислонившись к дому. Пришлось быстро повернуть назад и бежать из деревни. Часовой только теперь заметил группу и закричал по-немецки: «Кто тут?». С главной улицы бежали знаменщик и посыльный с известием — вся деревня полна немцами. К счастью, часовой не стрелял. Через несколько дней, после встречи с крестьянами, можно было догадаться, почему часовой не поднял тревоги. Некоторые крестьяне из занятых немцами деревень уходили в леса, иногда уводя с собой скот, в домах оставались только женщины и дети. По ночам мужчины приходили в деревню понаведать свое хозяйство. Можно думать, что часовой и принял группу за местных крестьян и потому не стрелял.

Опять пришлось обходить д. Сергушки. Сильно измученная группа остановилась невдалеке от нее на опушке леса. Надо было найти жилье, где бы не было немцев, и от крестьян узнать, каким порядком немцы занимают берег р. Неман, и тогда решить, где искать переправу через реку. По карте было видно, что недалеко имеется ф. Моцевичи и дом лесника близ впадения реки Посерейки в Белую Ганчу. Отдохнув немного, пошли целиной по лесу сначала к фольварку. Невдалеке от него наткнулись на немецкий провод, а когда вышли на поляну, впереди открылся ярко освещенный дом фольварка. Ясно стало, что там расположен какой-то немецкий штаб.

Шагах в 500—600 от фольварка нашли копну сена и, несмотря на близость немцев, остановились немного отдохнуть. После короткого сна первым проснулся командир полка. Вспомнив положение, разбудил остальных, и все, еще полусонные, направились по лесу на северо-восток, к р. Белая Ганча.

В темноте приняли за реку простую дорогу и только, пройдя несколько сот шагов, когда окончательно избавились от полусонного состояния, увидели свою ошибку. Но, испытав трудности движения целиной, продолжали все-таки итти по дороге, пока не заметили, что она поворачивает на восток, т. е. опять в сторону р. Неман. Тем временем настал рассвет 25 (12) февраля, надо было уходить с дороги. Отошли на 400—500 шагов в лес, выбрали более укрытое место, слегка замаскировались со стороны дороги хворостом и развели небольшой костер для кипячения воды.

Когда совершенно рассвело, в стороне р. Неман началась редкая сначала артиллерийская, а потом и пулеметная перестрелка. Снаряды, судя по звуку выстрелов, с русской стороны разрывались где-то невдалеке. Нетрудно было догадаться, что группа находится в близком расстоянии от немецкого фронта по р. Неман. На оставленной дороге с наступлением дня началось движение: проехали повозки, походная кухня, 2 орудия и, наконец, прошла полурота пехоты. Немедленно потушили костер и, выбрав момент, когда на дороге никого не было, снялись с места и направились на север, с целью найти дом лесника.

После часа утомительного движения по глубокому снегу подошли к долине р. Белая Ганча в нескольких шагах от дома лесника. Внизу у самой реки среди деревьев виднелись два-три шалаша и несколько крестьян. Группа спустилась к шалашам, крестьяне встретили приветливо, но с видимой опаской. Они тотчас рассказали, что в ф. Моцевичи немецкий штаб и что по дороге оттуда мимо дома лесника часто ездят немецкие солдаты. Между ними встречаются поляки, которые охотно разговаривают с жителями. Хотя место было довольно опасное, но после расспросов самого лесника, Антона Бурбы, группа решила задержаться около его дома на несколько дней, до полного выяснения обстановки на р. Неман.

Северный берег р. Белая Ганча против дома лесника был очень высокий и покрыт лесом, переход через реку находился в 1 *км* ниже дома, где сгрудились в беспорядке сплавные бревна и образовали как бы мост. На полугоре северного берега устроили с помощью лесника землянку и

условились с ним, что он будет доставлять группе пищу и собирать сведения о расположении немцев на р. Неман, чтобы выяснить, нельзя ли каким-нибудь образом переправиться через реку. Здесь прожили 6 дней; за это время узнали, каким образом оказались немцы на р. Неман. У д. Свентоянск, в 3 *км* от дома лесника, русские за зиму выстроили мост. Немцы подошли к нему со стороны м. Копциово и успели было переправиться за р. Неман, но русские отбросили их назад и сожгли мост. Немецкая пехота распространилась по реке до д. Гердаши, 5 *км* выше д. Свентоянск, а дальше к северу берег наблюдался немецкой конницей. Переправа через р. Неман при этих условиях становилась невозможной, тем более, что все лодки были частью уничтожены, частью угнаны на восточный берег еще в августе 1914 г., когда немцы первый раз подходили к р. Неман.

Командир полка не считал свое положение безнадежным. С 25 (12) февраля в стороне крепости Гродно ежедневно слышалась временами оживленная артиллерийская стрельба, которая показывала, что русские стремятся отбросить немцев от крепости. Отсюда явилась надежда, что немцы, вынужденные отойти от крепости, отойдут и от р. Неман. Тогда отпадет необходимость переправы, можно будет просто выйти навстречу своим войскам. Интересно отметить, что теми же мыслями руководствовались начальник штаба 27-й дивизии и старший адъютант штаба, которые в двух группах с другими двумя офицерами дивизии укрывались от немцев в Августовских лесах.

Скоро немцы нарушили мирную жизнь группы около гостеприимного лесника. 2 марта (17 февраля) под вечер рота немцев заняла дом лесника, и все крестьяне должны были поспешно уйти в м. Копциово. Группа все-таки переночевала в своей землянке, в уверенности, что ночью немцы не обнаружат присутствия русских, хотя прямо через реку расстояние от землянки до дома лесника было не более 300—400 шагов. Часов в 7 утра 3 марта (18 февраля) группа оставила землянку и направилась на север, намереваясь пробраться к м. Олита (50 *км*) в надежде встретить там русских.

Отойдя около 2 *км* вдоль р. Посерейка, спустились к речке и, слегка укрывшись среди деревьев, занялись добыванием из снега воды. Чай давно был израсходован. Около 10 часов стала слышна в северном направлении отдаленная артиллерийская стрельба. Ориентировавшись по карте, пришли к очень отрадному выводу, что бой идет около м. Серее,

в 30 *км* юго-западнее м. Олита и в 24 *км* от места расположения группы. Значит, немцев теснили с двух сторон, и можно было ожидать скорого отхода их от р. Неман.

Вскоре после остановки наверху обрыва появились два крестьянина. Они указали, что место опасное, потому что по дороге наверху обрыва ездят немцы. Из дальнейшего разговора выяснилось, что они крестьяне из д. Гуранцы и живут в лесу. Группа немедленно отправилась с ними и через полчаса достигла своеобразного становища из нескольких землянок, одна из которых была немедленно уступлена группе. Под вечер в этой землянке был собран своего рода военный совет, в котором приняли участие члены группы и пять крестьян со старостой деревни, стариком Адамом Солтаном, который служил в русской армии унтер-офицером во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. На разрешение совета командиром полка были предложены два вопроса: первый — как переправить группу через р. Неман, второй — если переправа невозможна, как помочь пройти в м. Олита? После долгих обсуждений Адам Солтан внес предложение, принятое единогласно: на другой день он пойдет к р. Неман в д. Мизеры, 8 *км* от д. Гуранцы, там в мирное время его племянница держала перевоз, от нее он узнает, можно ли переправиться через реку.

Следующий день, 4 марта (19 февраля), прошел в ожидании известий от Адама Солтана. В стороне м. Серее артиллерийская стрельба продолжалась. Вечером пришел Адам Солтан и рассказал следующее. Лодок никаких нет, но в 400 шагах ниже д. Мизеры, в узком месте, стоит со времени ледохода большая льдина. Наступившие морозы укрепили лед, и по нему можно перейти на тот берег, на котором в окопах стоят русские. В д. Мизеры находятся 15 немецких кавалеристов с офицером. Днем они ездят по берегу реки, а ночью только выставляют три поста: два по концам деревни и один у дома, где спит офицер. Около льдины никакого поста нет. Проводниками группы будут два крестьянина, отец и сын Колендо. Отец доведет группу до д. Мизеры, а сын 17 лет, который был пастушонком в этой деревне и знает все тропы около нее, проведет в обход деревни к р. Неман и пойдет с группой на тот берег. В это время немцы забирали взрослых крестьян и увозили на какие-то работы, по всей вероятности по укреплению позиции, заготовляемой ими восточнее линии г. Августов, Сувалки, Кальвария на случай отхода от крепости Гродно и р. Неман. Отец Колендо боялся, что немцы заберут его сына, и потому отправлял его к русским за р. Неман.

После сытного обеда, супа из двух куриц и горячего молока, приготовленного крестьянами, группа около 23 часов сначала зашла в д. Гуранцы, где присоединились проводники, и затем все тронулись на д. Мизеры. Один из спутников взял у хозяйки простыню на случай разведки. Дорога все время шла небольшим леском, вековые деревья здесь давно были уже вырублены. Часа через два подошли к д. Мизеры на расстояние 1 *км*, здесь распрощались с отцом Колендо. Далее предстояло обойти деревню с запада; на этом пути надо было пересечь ручей и пять дорог, идущих из Мизеры. Останавливаясь и прислушиваясь перед переходом каждой дороги, нет ли какого движения, группа благополучно добралась до берега р. Неман.

Луна, бывшая этой ночью в третьей четверти, ярко светила с безоблачного неба. Вправо виднелась деревня и около нее костер. Прямо через деревья ясно можно было различить стальную ленту реки. В бинокль командир полка скоро увидел немного левее белую полосу, пересекавшую русло реки, — это и была остановившаяся льдина.

Выйдя к обрыву высокого берега против льдины, группа спустилась на половину ската, поросшего большими деревьями. Каждый выбрал по сосне и задержался, упираясь в ствол ногами. Кругом царила тишина зимней ночи. Подошва обрыва кончалась в 200—300 шагах от русла реки, вдоль которого тянулся ряд ольховых деревьев, сквозь них был виден невысокий обрыв противоположного берега. Под обрывом на снегу были видны протоптанные тропинки. Вправо, шагах в 400, ярко горел костер, влево настороженное ухо улавливало не то кашель, не то короткий разговор.

Через 15—20 минут лежать на снегу стало холодно. Надо было решиться и приступить к переправе. Командир полка, опасаясь полыньи около льдины, решил, что надо одному пойти и высмотреть, где можно попасть на льдину. Вызвался офицер 116-го полка. Он предложил свистнуть, если можно перейти реку, но командир полка сказал, что для безопасности лучше махнуть папахой, что можно будет увидеть в бинокль. Закутавшись в простыню, разведчик спустился на берег и пошел по снегу к реке. Как только он вышел на снег, ярко блестевший под луной, его стало совершенно не видно как простым глазом, так и в бинокль.

Прошло 10 минут нетерпеливого ожидания. Вдруг раздался свист с противоположного берега р. Неман. Тотчас же все осторожно спустились с обрыва и гуськом побежали вдоль плетня, очень кстати идущего от подошвы обрыва к реке. Подбежав к полоске ольх, командир полка увидел

небольшую полынью и след в обход нее. Неман в этом месте суживался до 150 шагов, отчего, вероятно, льдина и остановилась. Через несколько минут, в 3 час. 25 мин. 5 марта (20 февраля), все были на восточном берегу в русских окопах, в которых, к общему удивлению, никого не нашли.

После столь удачной переправы группа направилась в м. Друскеники, лежащее не далее 1 *км* к востоку. Отсутствие русских стало всех беспокоить. Подойдя к местечку, послали Колендо в ближайший крестьянский дом узнать, кто находится в местечке. Ответ был, что там русские солдаты. Смело войдя в местечко, давно покинутое большинством жителей, испытали последнюю тревогу, приняв спящих в одном доме казаков за немцев, потому что один из них был покрыт немецкой шинелью, а на стенах комнаты висели ружья без штыков. Но скоро невдалеке от этого дома были окрикнуты дневальным запасного батальона, занимавшего местечко, и через несколько минут были уже в квартире командира этого батальона, который был недавно подвезен из г. Костромы.

Из разговоров с офицерами батальона узнали, что берег р. Неман охраняется 1-й кавалерийской дивизией. Офицеры этой дивизии тоже зашли поинтересоваться, как это удалось 7 человекам перейти через р. Неман. Оказалось, что ни пехотинцы, ни кавалеристы не знали, что в 1 *км* от местечка имелся отличный ледяной мост через реку. Характерный случай боевой работы царской конницы!

В местечке нашлись подводы до ст. Поречье Варшавской железной дороги. Удачно попав на скорый поезд и прямо в вагон-ресторан, в 18 часов вечера группа была уже в г. Гродно и явилась в штаб армии.

Через два дня наступлением 2-го арм. корпуса немцы были отброшены от крепости Гродно и отошли ближе к г. Августов. Навстречу наступавшим через Августовские леса русским войскам вышли начальник штаба 27-й пехотной дивизии, старший адъютант этого штаба, казачий офицер и два офицера 27-й артиллерийской бригады. Третьему офицеру с двумя солдатами той же бригады удалось пройти прямо в г. Гродно через немецкие и русские боевые линии. В общем итоге из всего 20-го корпуса удалось выйти из окружения авангарду, 113-му, 114-му полкам, всего около 1 400 человек, и различными путями еще 12 офицерам и 16 солдатам остальных частей.

Все вырвавшиеся разными путями из германского окружения указывали на прекрасное отношение к русским офи-

церам и солдатам местных жителей, белоруссов и литовцев. И группа 108-го полка значительную долю успеха своего рискованного путешествия по тылам германцев должна отнести за счет помощи местных жителей, которые давали приют, кормили группу, доставали сведения о германцах и служили проводниками.

По представлению командира 108-го полка командующий 10-й армией наградил Адама Солтана и молодого Колендо военными медалями, которые были им вручены адъютантом полка в апреле того же года, после того как германцы были вытеснены из Августовских лесов.

VIII

Тактические выводы

Действия 108-го пехотного Саратовского полка, описанные нами, происходили в трудное время года — в снежную зиму — и в значительной части среди обширного лесного пространства, что дает возможность сделать некоторые выводы для действий войск при этих условиях в будущей войне.

Походные движения в снежную зиму требуют больше внимания со стороны старших начальников, чем в летнее время. При организации марша необходимо собрать сведения о состоянии выбранных дорог, посредством разведки или расспросов местных жителей. Следует учесть, что многие дороги зимой не используются и заносятся снегом, как это имело место в Августовских лесах, но зато появляются другие, не нанесенные на карты. Для движения войск используются наезженные дороги, в противном случае производятся работы по расчистке дорог от снега. Это будет настоятельно необходимо при развитии автомобильного транспорта, который должен работать зимой так же безотказно, как и летом. Если войска продолжительное время стоят на месте, то все тыловые дороги, необходимые для подвоза снабжения и маневрирования войск, должны поддерживаться в исправном состоянии. В предвидении наступления необходимо собрать достаточное количество рабочей силы и снегоочистителей, иначе войска окажутся в том же положении, в каком очутились войска 10-й русской армии, вынужденные на первом же переходе оставить в снегу свои автомобили. При непредвиденных передвижениях по снежным заносам особенно необходимы снегоочистители, потому что собрать в короткий срок рабочих невозможно.

Движение по занесенным снегом дорогам крайне утомительно для войск. Спуски и подъемы, которые летом преодолеваются без труда, зимой сильно замедляют движение

артиллерии. В 10-й германской армии часть артиллерии отстала от войск. Скорость марша по глубокому снегу сильно понижается и при ночном движении доходит до 2 *км* в час. Командир 21-го германского корпуса, требуя от войск быстроты движения, хотя и приказывал «отсталых оставлять, патронные повозки облегчать», но тем не менее колонны растягивались, артиллерия и обозы отставали, и, например, 14 февраля немецкие начальники вынуждены были отложить на один день исполнение приказа по корпусу для движения. Эти неизбежные трудности марша начальники должны принимать во внимание в своих расчетах. Усиленные марши в снежную зиму вообще следует предпринимать лишь в том случае, если обстановка позволяет не считаться с большим числом отсталых людей и задержкой обозов. 38-й и 39-й германские корпуса, составленные из не втянутых в походы людей, через 7 дней похода подошли к г. Сувалки, имея в ротах около 50 человек — прочие растерялись по дороге. При встрече с энергичным противником немцы могли за это жестоко поплатиться; на этот раз дело ограничилось тем, что в течение нескольких дней эти корпуса почти прекратили всякое давление на русские войска.

Особенно большие затруднения войска встречают при движении зимою в лесах, где снег держится дольше, а зимние дороги, используемые жителями, настолько узки, что пехоте приходится итти в колонне по два, а орудиям прокладывать колею по целине.

Большие привалы и ночлеги, особенно в морозные дни, надо устраивать в деревнях. Перед выступлением из селения командиры должны тщательно следить, чтобы никто не остался, так как люди забираются во все тараканьи щели, лишь бы согреться и отдохнуть.

Походное охранение обычного порядка достаточно высылать только по дороге в сторону противника, боковое же охранение возможно только на лыжах и высылается в том случае, когда есть вероятность, что и противник пользуется лыжами. В 1915 г. ни в русской, ни в германской армии лыжи не применялись. Точно так же в подобном случае и сторожевое охранение можно выставлять лишь на дорогах, связывая заставы лыжниками.

К обозам необходимо придавать рабочие команды, а за отсутствием их — строевые части для вытаскивания повозок из снежных заносов. Можно думать, что две роты ополченцев, посланные штабом 27-й дивизии расчищать дороги у м. Виштынец, принесли бы больше пользы, если

бы их сразу придали полковым и дивизионным обозам, которые без рабочей силы вынуждены были бросить по дороге много повозок.

Связь телеграфная и телефонная в снежные метели становится ненадежной, лучше работает радиосвязь, чаще приходится пользоваться конными посыльными и летучей почтой.

Боевые действия зимой встречают большие затруднения, особенно в наступательном бою. На гладком снежном поле наступающим стрелкам нельзя найти укрытия, какое летом дают самые незначительные неровности. Летом много помогает и защитная одежда войск, одеть же зимой в белые халаты целые дивизии и корпуса едва ли выполнимо. Перебежки наступающего по снегу не могут быть так стремительны, как летом по полю, и наступающий больше времени находится под огнем обороняющегося. К выгодам для наступающего надо отнести отсутствие зимой препятствий в виде рек, озер и болот. 4-й батальон 108-го полка свободно перешел озеро в бою 16 (3) февраля у д. Махарце. Летом это озеро надежно прикрыло бы левый фланг немцев.

В отношении укрытия обороняющийся находится зимой в лучшем положении, чем наступающий. Окопы обороны хорошо маскируются снегом; можно использовать как препятствие обледенение скатов, как это сделали немцы в Ласдененских лесах. Невыгоды зимней обстановки возникают для обороняющегося, когда ему приходится отступать под огнем, как это случилось с немцами в том же бою у д. Махарце.

Боевые действия в лесах разыгрываются обычно на полянах, и бой происходит на сокращенных расстояниях. Обороняющийся не может использовать всю дальность артиллерийского и пулеметного огня. Для энергичного наступающего это дает немалое преимущество. Подход к полю сражения и сближение производятся скрытно от противника и значительно быстрее. Обороняющийся может использовать с некоторым успехом лишь свою тяжелую артиллерию, а иногда и легкую, для обстрела по карте дорог, что заставит наступающего раньше рассредоточиться и итти целиною леса, но потери при этом, конечно, будут случайные и значительно меньше, чем на открытой местности.

В боевой порядок наступающий развертывается на опушке поляны, часто на расстоянии действительного ружейного огня, и получает возможность сразу и внезапно

для противника развить полную силу своего огня и скоро достичь превосходства над обороняющимся.

Первые эшелоны боевого порядка в лесу, благодаря укрытию, которое он доставляет, получают большую насыщенность живой силой и огневыми средствами, и бой решается в более короткое время, чем на открытой местности.

Расположение обороняющегося близ опушки леса, впереди или позади нее, дает ему выгоды маскировки и укрытия своих вторых эшелонов и резервов и не позволяет наступающему определить силу обороны. Ближние охваты и удары во фланг сильно облегчаются как наступающему, так и обороняющемуся. Эта выгодная сторона леса не была использована 1-м батальоном 108-го полка в бою у д. Махарце вследствие отсутствия энергичного командира батальона. Немцы тоже мало использовали эти возможности, охватив, повидимому, только небольшой частью левый фланг русских.

Выход из боя в лесу или при наличии его в своем тылу значительно легче, чем на открытой местности. Лес, подобно темноте, полностью укрывает отходящие войска и дает возможность скоро стянуться в походную колонну, как это удалось 108-му полку в бою 12 февраля (30 января) близ опушки Роминтенской пущи. Лес также укрыл немцев при отступлении остатков 138-го германского полка от д. Махарце, иначе их постигла бы та же участь, что и защитников д. Серский Ляс, большей частью погибших под огнем русских пулеметов.

Лес в бою обнаруживает большую притягательную силу для войск как укрытие от взоров и выстрелов противника и часто этим оказывает вредное влияние на действия войск. Так случилось с Кенигсбергской ландверной дивизией при первом ее столкновении с 108-м полком у д. Каршау 1—2 сентября (19—20 августа) 1914 г. Немцы развернулись на опушке большого леса и, встреченные огнем русской артиллерии, все время в него возвращались, вместо того чтобы собраться с духом, сразу отбежать от него на большое расстояние и продолжать наступление. Роминтенская пуща, находясь на фланге позиции, также привлекала к себе батальоны 105-го и 106-го полков при выходе из боя 12 февраля (30 января). Вместо отхода по открытому месту, но под огнем артиллерии, русские бросились в лес, где бо́льшая часть их и застряла.

Лес стесняет действия артиллерии. Дивизионной артиллерии часто придется ставить пушечные батареи на откры-

тые позиции на близком расстоянии от противника. Гаубицы могут использовать для своего расположения поляны в расстоянии 2—3 *км* от той, где разыгрывается бой, и вести огонь по наблюдениям с линии развертывания пехоты.

Широкое применение найдут в лесном бою орудия полковой и батальонной артиллерии, так как главный их враг — дивизионная артиллерия — будет иметь ограниченное применение. Особенно важно наличие отдельных орудий при частях походного охранения, при преследовании, чтобы не позволять мелким частям противника задерживать движение на попутных полянах. В русской армии иногда применялись в лесах горные пушки, как это имело место в боях 1916 г., когда 108-й полк действовал в южной части Полесья. В редких случаях, как это было 19 февраля при атаке немецкой сторожевой роты, в роли батальонной артиллерии удачно выступали 76-*мм* пушки, но по своей тяжести они для этого были мало пригодны.

Последний бой 20-го корпуса 21(8) февраля дает материал для выяснения условий выхода из окружения. Выбор направления для прорыва в слабое звено окружающего противника был сделан командиром корпуса правильно. Удар на д. Жабицке, Курьянки приходился в промежуток между сильно растянувшейся 31-й германской дивизией и подходившей по Августовскому шоссе 2-й дивизией. Но план прорыва составлен в предположении, что войскам предстоит только двигаться походным порядком. Никак нельзя было рассчитывать, однако, провести целый корпус в течение ночи к фортам крепости Гродно, хотя расстояние не превышало 25 *км*. Надо было считаться с тем, что главным силам придется пробиваться при свете дня. При этом со стороны противника надо было предвидеть не только выставление заслона на пути прорыва, но и решительное наступление с флангов. Обстановка ясно указывала, что наступления надо ждать с востока от дд. Бартники и Копчаны, где немцы держались с 18 февраля, и с запада от м. Липск, откуда 20 февраля была слышна артиллерийская стрельба.

Двигаться походным порядком можно было не далее южного выхода из д. Жабицке. Здесь корпус должен был перестроиться в боевой порядок для прорыва: главный удар, лучшие и крепкие части, направить на д. Курьянки и далее по шоссе на г. Гродно; для прикрытия флангов выдвинуть два наступательных заслона — на д. Копчаны и м. Липск. Расстояние между этими пунктами, около 9 *км*,

могло обеспечить войска главного удара от непосредственного огневого воздействия с флангов. Прикрытие с тыла попрежнему оставалось на обязанности арьергарда, который должен был следовать на ф. Млынок и д. Жабицке. Можно думать, что в этом случае на выручку 20-го корпуса поспешили бы ближайшие части 10-й армии — 15-й корпус мог выйти из крепости Гродно навстречу главным силам и 26-й корпус ударом на м. Липск сковать находящегося там противника. Общими усилиями, без сомнения, удалось бы вырвать 20-й корпус из немецкого окружения.

Удавшаяся попытка небольшой группы 108-го полка выбраться из окружения лишний раз подчеркивает, что на войне в самых тяжелых обстоятельствах не следует опускать руки, все силы ума и воли надо направлять на изыскание выхода из положения, каким бы безнадежным оно ни казалось.

Можно также указать, что даже на поведении такой маленькой группы сказалась вся польза ясного понимания общей обстановки для принятия правильных решений частными начальниками.

ИСТОЧНИКИ

Источниками при составлении книги являлись:

1. Дела Центрального военно-исторического архива:

№ 194—441, № 194—442. Две полевые книжки командира 108-го пехотного Саратовского полка за время с 21 января (3 февраля) по 3 (16) февраля 1915 г.

№ 194—443, № 194—444. Донесения офицеров того же полка с 21 января (3 февраля) по 7 (20) февраля 1915 г.

№ 194—555. Реляции о действиях 27-й пехотной дивизии с 23 января (5 февраля) по 8 (21) февраля 1915 г., составленные начальником штаба 27-й пехотной дивизии и старшим адъютантом того же штаба.

Некоторая часть отдельных сведений взята из обширного собрания документов Центрального военно-исторического архива по зимней операции в Восточной Пруссии, составленного автором по поручению Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии.

2. Личные воспоминания и записки автора, бывшего в 1915 г. командиром 108-го пехотного Саратовского полка, а также отдельные сведения В. Э. Пржигодского, бывшего командира 3-й батареи 29-й артиллерийской бригады, Ф. П. Шафаловича, бывшего адъютанта штаба 27-й дивизии, И. В. Князева, бывшего командира 5-й роты 108-го полка, и некоторых других участников описываемых событий.

3. Литература:

а) Р е д е р н, Зимнее сражение в Мазурии, 1917, на немецком языке;

б) М. К а м е н с к и й, Гибель 20-го корпуса, изд. ГИЗ, 1922 г.;

в) А. К о л е н к о в с к и й, Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г., изд. ГИЗ, 1924 г.;

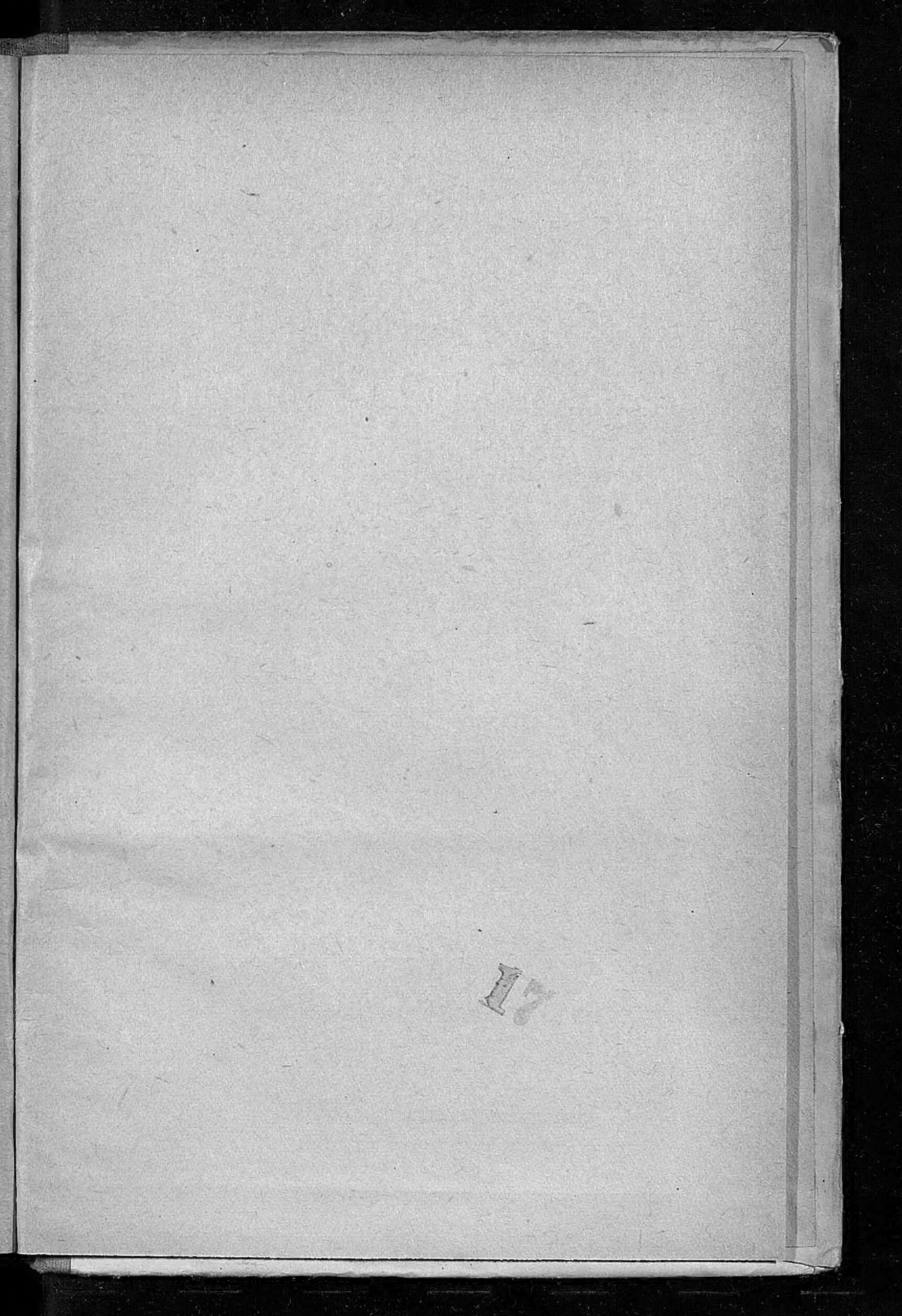
г) статьи А. Р о т е р м е л ь в журнале «Война и революция» за 1933 и 1935 гг.;

д) «Мировая война 1914—1918 гг.», т. VII, изд. Германского государственного архива.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ:

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу: Москва, Орликов пер., 3, Воениздат

Цена 2 руб.